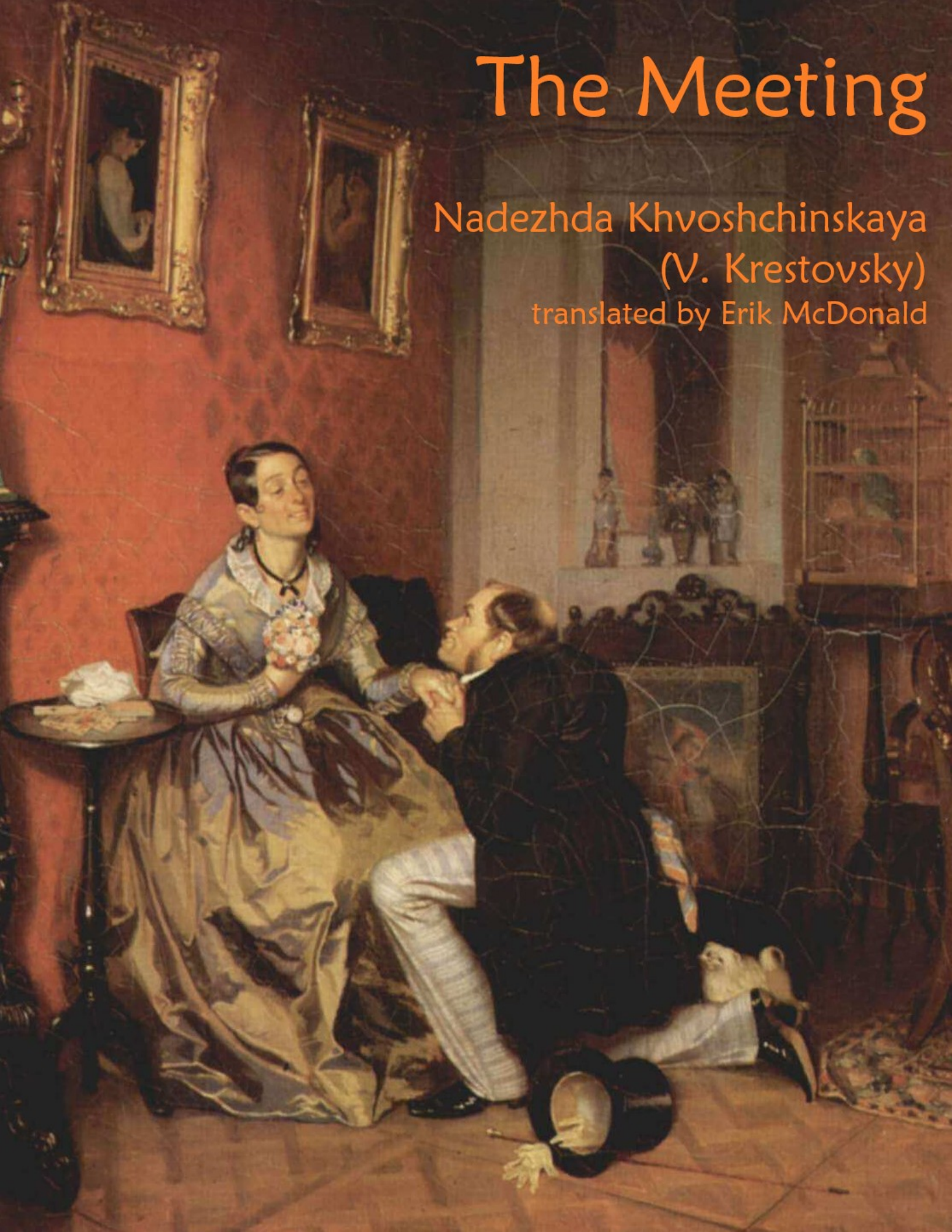
The Meeting

Nadezhda Khvoshchinskaya
(V. Krestovsky)
translated by Erik McDonald



The Meeting
(Свидание)

by Nadezhda Khvoshchinskaya

Translated from the Russian

by Erik McDonald

A version of this translation first appeared in serial form on the blog XIX век (xixvek.wordpress.com) from July to October 2021.

The Russian text of the story by Nadezhda Khvoshchinskaya, whose pen name was V. Krestovsky, is in the public domain. In this e-book the Russian has been adapted to the modern orthography and follows the edition published in 1880 (in V. Krestovskii [psevdonim], *Povesti*, 4 vols., St. Petersburg: Izdanie knizhnogo magazina “Novogo vremeni,” 1880–1884, vol. 2, 1880, pp. 261–342). This text has been compared to other versions from 1879, 1892, and 1912–13, with apparent typographical errors corrected.

The image on the cover is a detail of *The Picky Bride* (1847) by Pavel Fedotov.

Table of Contents

Translator's Note

Nadezhda Khvoshchinskaya's career as a professional prose writer began in 1850 (she had published poetry in the 1840s) and continued until 1889, the year she died, but one of her most productive periods was the late 1870s. In the space of a few years, she published the cycle of stories *An Album: Groups and Portraits* (1874–77, with an 1889 story added later), a short piece first called "From a Notebook" and later "Vera" (1877), and the beginning of the novel *Times Past* (1878), which could not be finished because a powerful man—whom Khvoshchinskaya and her editor had independently offended—claimed to find it immoral.[1] The period came to an end after *The Meeting* (written 1878, published 1879). Two months later, a teenage girl she had become close friends with died. The girl, Sofia or Sonia, had the same name as the writer's late sister, also a writer. Nadezhda wrote this to an old friend about her late young friend:

> After all, she did more for my moral life in those four years than my sister Sonia. My sister had education, authority, age. We grew up and came of age [*muzhali*, sometimes translated as "reached manhood"] together. This one found me broken: the child could hardly read and naturally did not know life. What was it she had? I cannot name it. But I know that without her I need literally nothing, and everything has lost its light. Now a year has passed, and she isn't a daughter to me or… well, etc. You must understand: I am suffering, and I am sure that I am cut off from everything. How could I write in such a state. Take a whiff of *Family and School* [1880; this novella was later republished as *The Teacher*].[2]

Perhaps the fact that her sister and friend shared a first name is one reason why Khvoshchinskaya named two women Alexandra and two or three men Pyotr in *The Meeting*, though only the latter set of names is truly coincidental.

Translating any work brings its own challenges. In *The Meeting* some of these were small, like a scene where a character reads handwritten poetry in poor light and gets words wrong. Here I tried to make the poem scan and make the correct words of the poem mean the same thing in both languages, but this meant the misreadings had to be words similar in appearance to the correct English words, not similar in meaning to the incorrect attempts in the Russian. Others were larger, like the recurring problem of dialogue where meaning was communicated indirectly or through sentences readers had to finish for themselves. I tried to avoid the extremes of spelling too much out or being too cryptic, and I hope the English reader will fill in what is unsaid but implied by drawing on roughly the same range of options that are likely to occur to Russian readers.

One aspect of the original that I fear I have failed to communicate is its regional flavor. Although it takes place in and around a nominally unidentified town of N., it is not just a generic countryside defined in opposition to St. Petersburg and Moscow. We have a number of clues about the town's location, and it is easy to take it as Ryazan, where Khvoshchinskaya spent much of her life. In any case, it is in the southern part of European Russia. I suspect a contemporary reader in the Russian Empire would have taken kumis, ground squirrels, Kyrgyz people, and the presence of the social estate of *odnodvortsy*—an in-between caste who were not serfs or state peasants, but who generally did not own serfs themselves before that variety of chattel slavery was abolished in 1861—as "Southern" features of the story that naturally went together.

The Meeting has been published in Russian at least six times. It first appeared in the "thick journal" *National Annals*, where Khvoshchinskaya placed most of her fiction, in 1879. Soon afterward a collection of Khvoshchinskaya's novellas came out, arranged thematically, with a volume on "Old Maids," one on "Mothers," one on "Family," and the last on "Ideals and Empty Words." *The Meeting* was part of volume 2, "Mothers," in 1880—not, significantly, in "Old Maids." This was the last edition of the novella to appear while the author was alive, so I have based this translation on it.

After Khvoshchinskaya's death, *The Meeting* was republished in her *Collected Works* of 1892, her *Complete Collected Works* of 1912–13, and two perestroika-era collections of fiction by Russian women writers in 1987 and 1991. The late twentieth–century editions both follow the 1912–13 text, which is different from those published earlier in many small ways.

The editors of the 1912–13 *Complete Collected Works* seem to be trying to normalize the text of *The Meeting*. They tone down graphic indications of emotion: two exclamation points become one, and italics disappear. The three kinds of Russian ellipses (… !.. ?..), which sometimes give the impression of recorded spoken language, are replaced by ordinary periods, exclamation points, and question marks. Names are added for clarity where the earlier texts had only a pronoun, which takes some of the force away from later scenes that reveal a character's surname or patronymic. Passages of free indirect discourse—where words that formally seem to belong to the narrator are at the same time attached to one character's perspective, and the boundary between narrator and character can be unclear—are repunctuated so that every phrase either belongs to the narrator or is part of a character's direct speech or thoughts.

In a few places there is a substantive difference between the 1879, 1880, 1892, and 1912–13 texts beyond these general tendencies. The links will take you to the place

in the text where each significant difference appears.

page number in 1880 edition	text in 1879	text in 1880	text in 1892	text in 1912–13
266	как рак на мели “like a crab on a shoal” (idiom)	**как раз на мели** **“right on the shoal”**	**как раз на мели** **“right on the shoal”**	**как раз на мели** **“right on the shoal”**
278	учили, лечили, и вдруг “were teaching, treating patients, and then one fine day”	**учили, лечили, проповедывали, и вдруг** **“were teaching and treating patients and preaching, and then one fine day”**	учили, лечили, проповедывали, вдруг “were teaching and treating patients and preaching, then one fine day”	учили, лечили, проповедывали; вдруг “were teaching and treating patients and preaching; then one fine day”
298	**что вы не знаток** **“that you’re not an expert”**	**что вы не знаток** **“that you’re not an expert”**	**что вы не знаток** **“that you’re not an expert”**	что вы — знаток “that you’re an expert”
304	C’est sa fille “That’s her daughter”	**C’est donc sa fille** **“Then it is her daughter”**	**C’est donc sa fille** **“Then it is her daughter”**	**C’est donc sa fille** **“Then it is her daughter”**
323	Я с тобой жил. Я тебя на оскорбления не отдам... “You’re the one I lived with. I’m not going to let	**Я — тобой жил. Я тебя на оскорбления не отдам...** **“You made my life worth living. I’m not going to let them insult you…”**	**Я — тобой жил. Я тебя на оскорбления не отдам...** **“You made my life worth living. I’m not going to let them insult you…”**	Я тобой жил, я тебя на оскорбления не отдам. “You made my life worth living, I’m not going to let them insult you.”

	them insult you…”			
341	**невольно замолкла... “involuntarily fell silent…”**	**невольно замолкла... “involuntarily fell silent…”**	неловко замолкла... “awkwardly fell silent…”	неловко замолкла. “awkwardly fell silent.”

This e-book is the result of the XIX век Translation Project. In summer 2021 I asked people to propose short works of nineteenth-century Russian prose that needed to be translated into English and received several excellent suggestions. Colleen Lucey nominated *The Meeting*, and I am grateful to her for introducing me to it and discussing specific issues that came up. My understanding of Khvoshchinskaya owes a great deal to the scholars who have worked on this truly understudied author, in particular Mary Zirin, Jehanne M. Gheith, and Hilde Hoogenboom. My heartfelt thanks to everyone who helped me with the translation, including Nora Favorov, Steve Dodson, Alex K., Lisa Hayden, and the readers of the blog XIX век. They have made the translation better than it would otherwise be, and I am to blame for the mistakes that remain.

THE MEETING

The storm had just passed. The sun, still high and hot, threw columns of fire over a fallen raincloud; the town buildings looked blue in the half-darkness of a belated cloud cut off from its fellows; the field that begins at the town gates—sparkling all over, wet, warm—had not yet smoothed down its young grass; a narrow road showed black against its green, retreating along a hill where one could see a spindly bell-tower, a white fence, and beyond them a grove of trees, thick and dark.

This grove had a number of dwellings in it, a bit like a resettled peasant community: huts, small barns, and, placed more prominently, a modest house with a little flower garden and a balcony facing the road and town. There was an overhang above the balcony; after a rain one could go out for a breath of fresh air, look into the distance, show oneself to those passing by, who always enjoy having something to see.

The door opened from inside; onto the balcony emerged a lady dressed, as was the fashion, in very tight clothes that were quite colorless, it being summer, apart from a wide crimson ribbon that sharply set off the paleness of her face and the paleness of her hair, which was arranged in an abundant chignon. She was not tall, rather thin, noticeably pinched-looking, and no longer young. She squinted, one hand gracefully shielding her eyes from the sun's rays.

"Don't catch cold," said a gentleman, coming out after her. He was not young either, but was solidly built, tall, ruddy, with an excellently groomed beard. "Don't take any chances. It's quite damp."

"Oh, I live on fresh air," she objected. "Ah, how nice this is! Look. Really, from a distance, from up high, even our N. is picturesque."

"You are not too stern a judge," said the guest.

"What can I do about that… On second thought, no! Tell me, isn't it better to be satisfied with what there is than to sigh over the impossible. Let's bring chairs out from the living room. I shall have tea served out here. It won't be long now…"

The guest rolled out the chairs; the hostess herself brought out a small table, making a certain effort to give him a chance to notice she did so adroitly and with ease.

“Oh, this is nice…” she repeated, dropping into a chair. “But tell me, how did you find me? What made you decide to come to this disregarded town of N.? Have you come for long? Where have you been hiding? Honestly, one doesn’t know what to ask! Well, take them in order!”

“If you live in N…” he began, “May I smoke?”

“Oh, God, of course. One moment…”

“Don’t worry, I have matches. If you live in N., why can’t other people stop by N., especially since it’s on the main road?”

“Then you’re just passing through?”

“Yes, on my way south. I am going to have a rest, my dear Alexandra Sergeyevna. A much-needed rest from the cold, the sleet, the jabbering, the formalities, everything!”

“Everything!” she repeated, looking down pensively and then sharply up again. “Yes! We do have things we need a rest from…”

“We live fast,” said the guest through his cigar, also adopting a pensive expression, then coming to life a minute later. “No, but more than anything I need a rest from every kind of absurdity, from the so-called ‘life of the study’ alternating with debates—that is, repetitive prattle—opinions about everything in the world as long as it isn’t our business and no one asked us and we are only making noise, wearing out our lungs, building up a store of bile… Honestly, you are to be envied: you are truly a woman ahead of the times…”

“Oh, Pyotr Nikolayevich…”

“I always say so.”

“About me? To whom?”

“My goodness, to any number of people. As if there wasn’t anyone to tell.”

“You haven’t forgotten me…”

“Goodness no!”

“…your old friend? But how many years…”

“What are the years to you! Now, to the likes of me…”

“Enough of that…! But what can anyone say about me? Shut up in the middle of nowhere…”

“To begin with I could say how much I envied your good sense: you found a way entirely to renounce all the petty squabbles, calmly to…”

“Oh, I am so tired too!” she interrupted him.

“You? Why should you be tired?”

“But these past two years…”

“Yes, along with everyone else…”

“The times I was afraid!”

“Yes… But then it was far away from you…”

“And the sacrifices we made?” she objected sorrowfully.

“Yes… they took their toll on you as well,” he added, in a bit of a difficult position.

“They certainly did!” she cried and suddenly took hold of herself. “No, but all the waiting…”

“Yes…”

“The telegrams!”

“Yes…”

“Every day, every hour…!”

“Yes…”

“How was it up there?”

“In St. Petersburg? Well… We knew what was happening almost in time with the events.”

“What did you do?”

“What did I do in particular? Well… The usual things. I read, I went to the office.”

“You are in government service?”

“I am.”

“Have you been for long?”

“Yes… No… Not that long.”

“But I thought… You were involved with a journal…”

“Yes…! I was a man of letters once. That has been abandoned… I parted with the editorial board,” he concluded, looking away.

Alexandra Sergeyevna fell silent.

“There must have been reasons?” she said at last.

“Nothing happens without a reason,” he said with a chuckle.

“And your reasons are undoubtedly compelling,” she said confidently.

“Thank you for the kind word. I do consider them compelling, but other people probably…”

“Oh, what do you care about other people!” she interrupted him, getting carried away as if she were happy about something. “What is the opinion of others to you, anyone’s at all? You are your own judge. In the first place, you…”

“In the first place, I am a person too. To become an indentured servant for three or four thousand a year, to sell one’s strength, one’s work, one’s health… And it would be one thing if that led to anything, but as it is there isn’t even any pleasure in it!”

“But I thought,” she began, “I thought that while you were involved... in spite of the onerous labor, you nevertheless felt happier. Nevertheless, you know…”

She hurried on.

“The intimate family life of our intelligentsia… it all passed before your eyes, all of them… from the eminent to the beginners to the promising…”

“Stuff and nonsense!” he exclaimed. “Not on your life! ‘Happy!’ Why, seigneurial labor was no worse under serfdom!”

“Can that be?”

“It was no worse!” he repeated, laughing, and suddenly his mood turned almost black. “You also have to take the political line into account… No, madam, the age of talents, the age of pure art is irrevocably gone. Tendentiousness has devoured it. Everyone tries to ‘think,’ each according to his specialty… and they don’t just neglect to ask where to ford the river, they don’t even check the depth, so they end up right on the shoal. But I imagine you’ve noticed it yourself… a terrible age!”

“Terrible!”

“Yes…!

> “Art is an abandoned temple.
> “Rebels gather in the square;
> “Honoring some furious gods,
> “Smokily the incense fumes —
> “With no harbor for the muse!”

He seemed to sing as he declaimed these lines.

“Whose is that?” asked Alexandra Sergeyevna uncertainly, for a moment keeping entirely still.

“Mine,” he replied in a seemingly offhand manner, with a little laugh, and he watched a tendril of smoke lengthen in the air.

For a few minutes both were silent.

“I haven’t read anything of yours for a long time,” she began, lost in thought. “Is there anything new?”

“Yes. I published something recently. I’ll give it to you. It’s a sort of a collection. Some of my lyrics of past years, and then the current work, brought on by…”

He made a small gesture with his hand.

“*Merci*.”

“You’ll see me in a new light,” he continued playfully, “‘Dressed as a warrior, in awkwardness pleasant…’[3] I doubt you’ll know me.”

“I shall always know you,” she objected, “when your ideas, your convictions… in a word, everything…! That leaves such an indelible mark…”

“Yes…¨ he said, like her, struggling for words.

There was another interval of silence in their conversation.

“What you just read, was it from that?”

“What…? Yes, it was,” replied the man of letters as if this had woken him up. “But say something real.”

“Something real?”

She was at a loss.

“Real… But what should I say that’s real?”

“Anything… For example, you wanted to know how I found you. I’ve arrived in town; I discover that the train I need won’t leave until tomorrow at eight in the morning. Consequently I must wait. I asked where your house was and, with all my things, including the case that presently has the honor of resting in your entryway, I set off toward it. I find the house: everything is locked up. I go to a different entrance and am met with a surprise! A sign that says ‘The A. Tabaeva Elementary School for Young Ladies.’ Now… you understand what I was thinking: *she* is working, *she* is still the same! And I ring, I knock, I shout…”

Alexandra Sergeyevna laughed happily.

“A girl runs out and explains: you are at your dacha. Where? Is it far? Past something called the Astrakhan Gates. I wasn’t satisfied, pushed my way in. I’m met by some lady: I say ‘Altasov, from St. Petersburg; where’s Alexandra Sergeyevna?’ An explanation follows: ‘candle factory, church elder’—but I wasn’t listening anymore, I jumped into a droshky and appeared before you with my case just as the skies had opened up, as you know. But, you understand, in spite of all that I still don’t know where I am. I feel that I am with you, but why you are here, why your school is full of

girls in your absence… I saw their little heads, blonde, brunette… One of them is a perfectly charming creature! Watteau! Straight off a fan…”

“O poet!”

“Indeed I feel it, I’m well past the age! But do explain.”

“Where you are? It really is a candle factory converted into a dacha.”

“How did that happen?”

“What do you mean? At the present time even the provinces understand the necessity of dachas. Even the civil servants rent peasant huts for their families out in the villages.”

“But what are they doing! That’s pure boredom.”

“Of course. But one summer, about two versts from here, it was beautiful; a whole company of cottagers, a place that made kumis, mineral waters…”

“Is that so! Out in the country?”

“Yes. I lived there. I drank kumis. We had everything: a little club and a gallery of sorts; we danced; we even had a theater.”

“Really?”

“From St. Petersburg and he doesn’t believe it! We did. A traveling troupe came and sang Offenbach for us.”

“Badly, of course?”

“Oh, on the contrary, it was quite lovely. Fireworks, carriage rides. Many came out from town. To make it convenient, the owner of the club set up his own omnibus lines, something like stagecoaches…”

“Was that last summer?”

“Oh, no, three years ago. ‘Last summer…’ we weren’t up to that. And besides there were a lot of goings-on in town, charitable outings on the boulevard, raffles, collections, donations…”

“Yes, of course, private entrepreneurs couldn’t count on much with all that… But it’s the middle of nowhere out here…”

“What can one do.”

“Are you the only resident?”

“Someone else lives way over there in the woods. The owner of this place is a merchant, an elder in the church…”

“Consequently he isn’t about to allow Offenbach.”

“I’m afraid not… But he did some work on the house, you see. In the woods there are picnics, tea parties with samovars; there is something a bit like a hotel…”

“Where one can find harbor, not for the muse…”

Both laughed.

“But for my person for one night. I want to spend as much time near you as I can.”

“You will find harbor under my roof.”

“That would be too much trouble.”

“Why this formality!”

“*Grand merci*.”

“We haven’t seen each other for so long… The last time… God, it’s been almost eight years! Winter of ’70, in St. Petersburg, and even that was only for a few minutes; we ran into each other at the opera…”

“Yes. And you were in such a hurry to leave town.”

“I left the very next day. It was impossible to stay—too much to do: the inheritance, and besides, I was in mourning. My brother had died…”

“Yes, yes, yes… And you received your inheritance?”

“I did. But after that I was in St. Petersburg two more times, I looked for you…”

“Hold on, when…? Oh, I was abroad!”

“Both times?” she objected with mild reproach. “I wrote to you by local mail…”

“I didn’t get it! It’s some misunderstanding…”

“It’s too late now to sort it out. And now I suppose it is only fate…”

“Fate is a clever thing—it listens in on our desires…”

“Well, God will forgive you.”

“You are the kindest of women; women like you… Well, and what of the inheritance? Was it a decent one?”

“Yes, a village.”

“Why aren’t you there?”

“In the village? These days? For heaven’s sake! No one but an idealist, a lyric poet, could imagine the possibility of living out in the country now, when… For heaven’s sake, we are completely ruined! Out there anyone who can walks off with our things, it’s might makes right, theft, taverns…”

She suddenly took hold of herself and stopped talking… This was perhaps too real…? Well, he did ask for something real… and then it was so upsetting, it was just as if one couldn’t talk about any other subject with a woman from the provinces… Of course, it did make for more variety, the conversation had become both more lively and… well, easier. But had that “question,” the question of the countryside, just had to come up…? About fifteen years ago she had been living at her great-aunt’s in a remote little town, and there, quite against his will, appeared Altasov. It was very dull. They became acquainted, talked a lot—it was that sort of time! —“confessed” together… rather unlike what she had just said now… True, Alexandra Sergeyevna, consciously and unconsciously, had long since parted with those “illusions,” but Altasov might not have. Not long ago he had still been publishing about “enchanting harmony,” “radiant images”—true, he was talking about the past, but then who knows what illusions he has even now? And suddenly the words had escaped so carelessly…

And besides, what pleasure there is is being given a bit grudgingly: he had come—it happened to be on his way, he was staying—because there wasn’t a train today…

Alexandra Sergeyevna waved away these reflections and resigned herself like a maiden who had felt the necessity of such resignation more than once. It is still better than nothing. Still, here is a guest, and he is from St. Petersburg, and a man of letters, and he is spending the night in her house —let anyone say what they might! God, must one really listen to what everyone has to say! Excellent! And how clever of her to always dress first thing in the morning instead of adopting sloppy provincial habits. But really, what was there that was so provincial? Both her habits of mind and her beliefs about things would seem to be those of an entirely respectable circle; it would be very exacting of him to find anything… Only that bit about the countryside had slipped out. But even when it came to the country, what educated person today thinks otherwise?

Altasov, meanwhile, was smiling.

“My dear,” he said, offering her his hand, “I see that it is difficult for you to come out and tell an old friend that the pair of us were painfully young and… stupid. Yes…? That’s all right. There are no witnesses: let’s admit it together.”

She let out a deep breath, still, however, not entirely understanding him.

“What a charming time of life it was when we came to know each other,” continued Altasov, “we were filled with faith, filled with hopes! We were not the mad ‘younger generation,’ we were stronger—I a wounded soldier, you a self-sacrificing woman!”

It flashed through Alexandra Sergeyevna’s mind that at that time she had been over thirty, and no one was asking for her hand, and it was very dull at her great-aunt’s…

“We believed, we hoped, and… we were deceived,” he continued. “The usual story. We are not the first. The price of our going astray was a terrible fatigue, but then it must be allowed that many paid a dearer price,” he said, lowering his voice slightly as he finished this speech.

“Yes…!” replied Alexandra Sergeyevna.

“On the other hand, we now see clearly. Let us not be ungrateful,” he began seriously, “and if, on the sea of life, we were not shipwrecked and

did not drown, let us recall the deeply moral worldview of our great poet: 'We were many on the skiff…'[4] One was saved; he dries his white garments in the sun and… he sings… What an image!" he exclaimed in rapture. "There's an artist for you!"

"Yes, there's an artist!" echoed Alexandra Sergeyevna.

"My dear…" said Altasov, again pressing her hand, "Tell me, do tell me, and as precisely as you can—figures and proper names. How are you doing, how is everything? Now you are free, you have independent means…"

"Yes, I did manage to hold out for the required duration. Oh, these trivialities life makes us deal with…"

"I know, I know."

"They suck your life away…! You know how it is—we women have no rights; we must live on our one-fourteenth share. Well, I did live on it—you saw at my great-aunt's, and meanwhile my brother…"

"Was enjoying life. That was said at the time."

"I said so? Never!"

"No, not you. I heard it somewhere. Your brother was once an army reserve officer, wasn't he? And then he lived in his village, never leaving?"

"Yes… he was obliged to live there."

"In the same village that is now yours? Well, did he at least leave it in good order for you?"

"He could not have done otherwise… But at the present time any idea of good order is out of the question. I have sounded the retreat. There is a tenant there now."

"A well-behaved one?"

"I've taken certain measures."

"One can't do without such practical wisdom," he said thoughtfully. "Is it a lot of land?"

“A bit over a thousand dessiatines, not counting the forest; it has meadows, two orchards, mills,” she said as he gazed into the distance.

“And the house?”

“An outbuilding with about five rooms. I had the house moved into town. You saw it.”

“I thought you were renting it,” he said, as if to himself, and suddenly he turned around energetically. “Well, that’s you to a ‘T’—you built a palace and gave it up for a school… You are as youthful as ever…! How is your school going?”

“All right… It’s an elementary school,” replied Alexandra Sergeyevna, blushing a little.

“Is it much work for you?”

“Yes…”

“And she’s embarrassed! Charming…! So do they live at your house, then? Or how is it that you’re not there, but the girls are?”

“No, but… today I’m not feeling entirely well; the summer… Besides, they are still learning needlework…”

“And you took it into your head to be lazy for a day or two,” Altasov finished her sentence cheerfully. “And that’s capital—be lazy, get some rest. Of course needlework isn’t your affair. Who sees to that for you?”

“But… My brother’s wife does,” Alexandra Sergeyevna replied, now blushing completely.

“He was married?”

“He got married just before he died.”

Altasov maintained a cautious silence. Alexandra Sergeyevna cast her eyes downward.

“Who is she?” he said quietly, in the tone of a friend who is ready to commiserate if called upon.

“A simple girl; from a family not much above the peasants.”[5]

“Any children?” he asked even more quietly.

She shrugged.

“Did *he* make any arrangements… so that, in a word, you…”

“Everything is settled. There are no heirs but me.”

“Does she have any family?”

“She’s an orphan.”

“And you have kept her with you?”

“Yes… Where else was she to go?”

“No, I was thinking about you. For her, of course, that has every advantage. Under your tutelage a young person has everything to gain…”

“What do you mean, a young person?” Alexandra Sergeyevna interrupted him. “This story dragged on for twenty years!”

“Twenty years?”

“A bit less, a bit more, how would I know… After he came back from the army reserve, my brother… Oh, this is so painful, Pyotr Nikolayevich, you can’t imagine!”

“Tell me all about it,” he said quietly.

“Oh, there is plenty to say… all the details, all the trivialities that eat away at our lives! But you know me! You have known me a long time…”

She took his hand.

“Pyotr Nikolayevich, I was truly worth more than I was given! What of it… Well, back when people here lived like human beings, I used to go out on drives, and in society I meant…”

“I know, I know,” he repeated with sadness.

“During papa’s life. Our fortune was in his hands. At that time estates yielded a decent income, back then people knew how to extract… Papa was chairman; he loved me; I was mistress of the house in every way… And suddenly, all at once, the blow fell, it was all over! At Maslenitsa,[6] the very

day after our celebration, papa… It's awful! We had invited guests for pancakes, all the best society…"

"The memory of past happiness…" said Altasov. "But I know this. You told me about your father's sudden death. Afterwards: your brother?"

"At that time he served here, under papa. Papa always kept a watchful eye on him, as if he felt what was coming! This is when that savage willfulness of his all came to the surface. Papa (God knows why, it was quite absurd of him, a ridiculous fear of death!), papa had made no arrangements. And the wise law says that 'a sister with a living brother cannot inherit.' Right away my brother—he didn't wait even three weeks!—resigned and proposed that I come to live in *his* village… That's how he said it, come live 'in *my* village.' Sometimes a single word, you understand…"

"I understand."

"'Everything is at your disposal, make whatever arrangements you like.' But how can I make any arrangements when he has already made his own? That was during the Crimean War, you remember. He took peasant volunteers into his reserve unit and went himself. What ready money there was, everything that could be converted into money, he took it all, donated it…"

"That unrestrained Russian nature."

"Certainly, but imagine the position of a young, inexperienced girl! What difference is it to me that there's a war over there, that it's Lent; I am not a nun; I need to have something besides mourning dress; I can't… Papa's aunt is a noble woman… You knew her!"

"Yes."

"I went to live with her in Vologda. She understood me. She had some capital. I only asked that, for God's sake, the notes should be signed over right away, directly to me, so that later on those court cases with my brother… I hate pettifoggery, all that bureaucracy! Great-aunt did just that. I insisted! I gave her to understand how unfair papa had been to me. I tell her I wouldn't want to be presented with those surprises the next time… I quite earned that reward. You knew my great-aunt, you were in her house;

you and I met at the end of my time of trial… After all, I spent seven years (a mystical number!), seven years, not one more, not one less, enduring the caprices of an old maid… and now I'm an old maid too!"

"You?" Altasov said reproachfully. "You are a human being!"

"Perhaps," she whispered. "Of course, I was always able to preserve my autonomy, I didn't allow myself to be treated… But never mind her; she passed away soon after. Finally I was independent. I remained in Vologda and did not see my brother."

"Never?"

"He came to visit me. But Pyotr Nikolayevich, could I be under his roof? I am not a moralist, God forbid, but you understand, for an unmarried woman… When he got back from his military service, he took a… and besides… Besides, he hosted a sort of den of all those activists that were around at that time. There were any number of them in N. All those people came and lived at his place in the country. It helped that the house was quite spacious. They had samovars going all day long. And plans… You won't believe it: something like a university-*cum*-museum—this is for the peasants…! Back then he would come to see me all electrified, he'd start singing a song… Hold on, how did it go…

> "To the work of life we'll call
> "The God of thought, the God of light..."

"Ah, Shcherbina!" said the man of letters. "'For the land, boys!' 'Song of the Army Reserve.'"[7]

"I don't know… That museum and all those schemes cost so much… Well, Pyotr Nikolayevich, you know my approach to things? Tell me, I'm not an old woman? I'm not a Chinaman? Not an obscurantist? Not an idiot?"

"My goodness, how can you…"

"Oh? Well, my brother called me those things!" she cried, and her eyes shone. "We had a conversation…"

She took a deep breath.

“I… What of it? I only made the sensible point that… In his own interests, truly! I mean, I wasn’t counting on outliving him, as God is my witness…! I said to him, ‘you’ll be left with nothing’—and also…”

Her voice dropped to a whisper.

“‘Pray to God you come out in one piece!’”

“And what was his answer?” Altasov asked just as quietly.

“He said… But don’t you know the denouement?”

Altasov nodded.

“I heard, but there are so many of *them*…”

“Yes, it’s the usual story. If there weren’t a tragedy behind it… Everything was established, the academy, the museum, the clinics, the shelters… Merciful God!”

She gave a short laugh, shrugging.

“For about three years *they* were teaching and treating patients and preaching, and then one fine day there was nothing left for my brother to do but walk around his empty house, complete the accounts of the money he had squandered, and watch as the academy fell to ruin, with its former pupils stealing the very bricks from the building… And he was lucky to get off so lightly!”

“Yes!” said Altasov sharply. “For natures like his it’s water off a duck’s back.”

“No, you know, it’s strange: he was in fact quite shaken by it all,” she objected.

“Did you see him?”

“I didn’t have the strength!” she replied after a moment’s silence. “And it would have served no purpose. What advice could I give him? He always treated government service so… But they wouldn’t have taken him if he’d wanted to, that was over and done with…! To bury myself in the country with him—but what had I done to deserve that? I hadn’t had all that pleasant and easy a life, and then that too… I have my habits, and I want to

live the way I want to. I had my own fortune—for heaven's sake, the loaf had been cut, and I was a separate slice. Why should I wish to interfere in matters that didn't concern me? Suffer the consequences of someone else's overindulgence, and voluntarily! So *he*, through his foolishness, has been cast out of society. Am I not a member of society?"

"An active and useful one," put in Altasov.

"I don't know about that, but I didn't go to see him. We didn't see each other to the end; I wasn't at his deathbed either… I am telling you everything! If he was ever lonely, there was someone there to comfort him without me, and she knew how to comfort him better than I. It would only have been awkward for an unmarried woman like me… as you can easily understand!" she added after having waited a moment in silence for her guest to respond.

The guest said nothing and looked into the distance. The rather damp, fresh warmth, the smell of the field, the quiet in the wide open space—all this gave one a feeling of bliss and left one inclined to reflection. Altasov certainly seemed to have fallen deep into a reverie. At the same time, he very much wanted some tea; he had had a poor lunch at the station.

Noticing that no one was speaking anymore, he discarded his extinguished cigar and turned around.

"Well, then… When did he get married? Did he write to you?"

"Very seldom. The story of many years. What was that life…"

"In your place I should have gone to take a look out of curiosity."

"Oh…! But to what end? And it's awkward: he was under surveillance. I knew he wanted for nothing, but he could no longer spend extravagantly; you understand, offer help and so on. There was a conservator. Consequently I was at ease. After five years or so of this isolation, I get a letter: 'I am doing what I ought to have done long ago and marrying Anyuta; you will have a sister…' A *sister*…!!"

"Yes…! A fine thing…!" said Altasov.

“Oh, no, she is a kind woman,” cried Alexandra Sergeyevna. “You know me. What could I demand? Oh, I take what I can from life, I am not demanding… My brother died soon after. He really was broken, and suffered at the end; she looked after him…”

Altasov lowered his head.

“I even told her, ‘stay and live at my house…’”

“‘Thy people shall be my people, and thy God my God…’” said Altasov, looking out at the field. “The unforgettably charming story of Ruth…”

And, as if in a moment of distraction, he quietly put his hand on hers.

“So what have you been doing with that Ruth of yours?” he asked after a minute; his voice seemed to have changed.

“Nothing much, we keep house,” replied Alexandra Sergeyevna, who was also suitably moved. “I don’t know how to, you know, but my Ruth…”

“Is a master at it?”

“She is. She does the sewing and cooking and preserving. I am in her care.”

“Well, that’s the very least she ought to do,” he objected seriously. “Does she feel she is owed anything?”

“Like what?”

“Anything. Society, introductions.”

“No, she is unassuming. She has reasonably good manners, but she herself can feel… It’s sad. I judge by myself: it is sad to realize that society is foreign to us, that we are not fit for it…”

“How could you manage to judge such a thing *by yourself*?” asked Altasov. “You are incorrigible!”

She started to laugh.

“No, but still… I think she is sad. She ought to understand that she cannot be my friend.”

“Indeed, there is not even a word for *amie*, or ‘woman friend,’ in Russian. There is the word *podruga*, that is, something close but which can easily

drift away and invariably does as circumstances warrant. *Amishka*—the French *amie* with a Russian suffix—is used as a name for dogs."

Alexandra Sergeyevna laughed out loud.

"On that subject, do you have a dog?"

"No. Why?"

"I thought not. You are too young to start keeping such worthless things… What is your Ruth's name?"

"Anna Vasilyevna."

"I should very much like to see her, the sooner the better."

"You are intrigued?"

Altasov started laughing.

"I shall be discourteous," he said. "You said just now that she is the one who keeps house for you; consequently, I conclude that upon her arrival, the tea I was promised will also arrive."

"You are incorrigible!" Alexandra Sergeyevna said cheerfully. "She has vanished today, I don't know why… But it seems fate was listening in on your desire."

A squeaky little cart was coming up the road. Altasov put on his pince-nez and looked. Alexandra Sergeyevna squinted.

"Hurry!" she shouted, waving a handkerchief. "You see how patriarchal we are here. Anna Vasilyevna always comes on foot, but today—I don't know, she must have found it too muddy, so she made use of our landlord's vehicle: he comes in the evenings to inspect his factory… Hurry!" she repeated, leaning out over the balcony, as the woman who had just arrived jumped down from the cart and ran in through the gate.

"Now… right away," said Alexandra Sergeyevna, and she slipped inside, taking advantage of the fact that her guest was looking out at the darkening field, enraptured.

Altasov had become enraptured deliberately to give her a chance to leave: the mistress of the house did need to give orders and assess the situation,

of course. He had a premonition that his “friend” would not leave him to the care of her Ruth. He found this pleasant; generally he was in perfect bliss. A mild fatigue from the road and the abundance of fresh air had given him an exceptional appetite. And it was strange: all kinds of appetites were stirring… “There’s a meadow; it would be nice to rent it out… A candle factory. Tons of candles are burned every day, aren’t they; there are three wonder-working icons in N., plus monasteries… All that… In any case a bit more money would be nice.” The light of a candle being carried past flickered across the balcony; Alexandra Sergeyevna had passed through the room, not alone; a lock clicked, a key jingled; some order was being given… “Been sent to town,” said a voice from below in answer to a question, and a young man in a brightly colored shirt galloped out the gate on horseback. The shirt flashed in the distance for a long time, for a long time the sound of hoofbeats echoed. A hunched-over old woman dragged a bundle of wood out of a shed. A few minutes later, a fire lit up the window of a low building; smoke wafted through the air.

“This is to give me a treat,” thought Altasov.

He found this pleasant. Let her give him a treat, why not. The old maid had nothing to do, nothing to spend her money on. People eat well in the provinces in general; creative cooking and fresh ingredients, those were the main points… The “south” that Altasov was on his way to was just a degree or so south of N., and his place of relaxation was the farmstead of some casual friend, a rather bare steppe that abounded with ground squirrels; Kyrgyz people, yurts, sour skins of kumis… “She’s had kumis too… More power to her. She’s making the most of life. Didn’t say how much she inherited from her great-aunt. Certainly no less than she got from her brother, and as capital besides: that’s more of a sure thing. But a thousand dessiatines and change, not counting the forest, has its appeal. The tenant there… Well, this woman’s not about to be taken in…! Or what would you have to do to take her in…?”

Altasov smiled. “But no, seriously, everyone has their vulnerable side. This person’s is obvious… Wouldn’t want to make a mistake… Should I give it a try?”

They had played at liberalism in their day—and enough of that. There is much more that this soul had not tried but hungered to try!—She must be fifty. More power to her… How is it that no one has thought of this, no one's remembered about that unused capital tucked away? There truly were some strange people in those days, idealists. But they were also the ones who had come up with the saying about the nanny-goat with the golden horns…[8] Maybe people had tried, but clumsily. Well, after fifty no attempt would seem clumsy. Give it a try.

Really, why not? Well, the summer, the Kyrgyz, the ground squirrels—he could make it through that somehow. And then what? Last year there were still feuilletons, various correspondences, but at present there wasn't anywhere to latch on to: some places were full, and some…

Altasov found it very unpleasant to recall his break with the editorial board. He pushed it, and its details, away as best he could, but to portray it all in a different light was something that could be done only in the heat of telling the story to others, when the storyteller himself believed what he was saying. With only himself for an audience it came out quite unattractive and not at all comforting, quite unflattering for his self-regard. It would have been awkward to approach it from the angle of his "convictions," too… But Altasov, with his conciliatory artistic worldview, was always ready to use his convictions to serve anyone and anything. It was after having divined this ability of his that the editorial board proposed that he withdraw. Then he had had to become a civil servant. But what could you say, his position in the service was pitiful…

Service in the provinces is more pleasant; not hard to find a post… But even if there weren't one to be found!—The house free and clear.—You can probably write too, but just now and then, for your own satisfaction. Work taken on freely will come more easily. Pieces exposing wrongdoing… But actually curse all that, all of it… Gogol never had the remotest idea of treating his "Old-Fashioned" people ironically.[9] A lofty pleasure—not to get calluses on your hands, nor overtax your brain, to sleep in a soft bed, eat as much as you like. And a man owes it to himself to achieve this, especially when the opportunity presents itself…

"The tea is ready," Alexandra Sergeyevna said melodiously.

Her figure in her tight dress with its train bound up in back was outlined as a silhouette in the bright doorway. She stopped for a moment on the threshold and came closer.

“Should I have it served out here?”

“No,” replied Altasov. Continuing to look out at the field, he took her hand over his shoulder and kissed it. “No, *merci*. One should never have a hot drink in damp weather… It is already dark,” he concluded, turning around.

“I hadn’t noticed,” she said, smiling.

They were silent for a minute.

“Shall we go in?” she reminded him.

“Let’s,” he said, letting go of her hand. He got up.

At the samovar on the living-room table stood an attractive young person; Altasov, as an artist, noticed right away that a dark-colored dress and the even light of the hanging lamp set off the whiteness and freshness of this animated face and these charming hands especially well. He even began to stare for a second.

“Anna Vasilyevna,” said Alexandra Sergeyevna, indicating her.

Altasov bowed.

“We have already seen each other today,” he said. “You were so kind as to explain to me how to get here.”

“And I regretted it afterward,” she replied cheerfully, “honestly.”

She turned toward Alexandra Sergeyevna.

“The moment it started to pour, I say to myself, aren’t I a fool? I’d even seen the raincloud; all I had to do was think to say, wait for me… I’m running from one window to the next—my conscience is giving me trouble. The girls laugh at me: ‘the gentleman’s cursing you right now,’ they say.”

She laughed. Alexandra Sergeyevna gave Altasov a covert glance, with a sort of plaintive apology. Altasov answered with a covert glance of his own, sympathetic and forgiving. Anna Vasilyevna was about to pour the tea and stopped herself.

“Yes, yours is supposed to go in a glass,” she said. She went out for a minute, came back, went out again, and brought some rolls in a napkin.

“I’m sorry,¨ she said, laying them out in front of Alexandra Sergeyevna. “What with the rain I was late getting them; they were out of your favorites. This is what there was…”

“Why so much explanation?” replied Alexandra Sergeyevna almost inaudibly. “How are things there, is everything in order?”

“Why shouldn’t it be…? Oh, but how my *little ones* delighted me today! It’s, I don’t even know… Imagine, Alexandra Sergeyevna: all of Europe, all the major cities, and the borders, and the rivers, and the mountain ranges, and the lakes—they took turns showing each other all that on the map, things I hadn’t told them about, hadn’t assigned…”

Alexandra Sergeyevna blushed.

“Pyotr Nikolayevich, try our local town-of-N. pastries,” she said in a very loud voice.

“Would you like some?” Anna Vasilyevna offered, pushing the cream and butter toward him, and went on. “I don’t remember when I was so happy. They were so sweet! And so eager! I promised to give them a reward. They’ve brought a panorama here, did you see the poster? I’ll take them to see it.”

“All of them?”

“Well, Alexandra Sergeyevna, it would be a shame to leave anyone out, and why would I? They all did their best and tried equally hard. They started jumping around like goats—children!” she added, laughing, with a shrug of her shoulders that somehow came across as quite sweet, as if she were apologizing.

“And how many of these little ones are there?” asked Altasov.

“Twenty-two.”

“This generosity will cost you a bit, Alexandra Sergeyevna,” observed Altasov.

“What does Alexandra Sergeyevna have to pay for?” objected Anna Vasilyevna. “They’re my students. To be fair, I won’t be the one to pay either, they will, they’re the ones I get…”

“She tutors them,” Alexandra Sergeyevna said in an aside to Altasov, who nodded. “Put more water in mine, Anna Vasilyevna.”

“One moment… Today was just a marvelous day. Now I’m talking about the older girls, they did an exceptional job. We spent the whole time reading those ‘Little Birds’: ‘In a foreign land I religiously observe’ and ‘Yesterday I unlocked the dungeon of my airy captive…’”[10]

She read the poetry fast. The man of letters frowned.

“‘What is it,’ they say, ‘that these poets are bragging about?’ That they let the birds go? They should just not have caught them in the first place, but they’ve even got them praying for mercy on high. That’s ‘hypocrisy,’ they say… I couldn’t even keep it together, it was both so funny and so gratifying: it means the children are thinking…”

“It would be better if they understood the beautiful aspects of the work,” objected Altasov.

Alexandra Sergeyevna was visibly agitated.

“All that is quite unnecessary,” she said sharply.

“Of course… But how much can one ask from the simple repetition of a lesson? To explain the beautiful aspects of the work, you need to know how, you need an artistic feeling for such things…”

“I’ll finish being lazy and take them in hand,” said Alexandra Sergeyevna, smiling.

“You want to do that?” cried Anna Vasilyevna. “What gave you that idea? You used to say your head started hurting when *they* walked past the windows, and you won’t be able to stand the classroom. I just love it, and even so it takes some getting used to…”

Altasov very artfully failed to hear this; he was feeling his side pocket with a worried expression, and then, jumping up, he ran out onto the balcony.

“What have you lost?” asked Alexandra Sergeyevna.

“I’ll light the way for you,” said Anna Vasilyevna.

“My cigar case… Thank you, I found it,” replied Altasov as he came back inside with the case that had not left his pocket. “Here it is. It was on the floor, right by the railing—I’m not sure how it managed not to fall into the grass! As you see, it’s practically like a suitcase. It holds everything: cigars, money, letters, travel notes…”

“Travel notes?” echoed Alexandra Sergeyevna.

“Our kind can’t help…” he replied facetiously. “That’s what I would miss, if they were lost.”

“They wouldn’t be.”

“Why ever not? I might not think to have a smoke until morning, and some factory worker might pick up the case and make quite successful use of that metal which is despicable but not despised…”

“The workers around here are all honest,” said Anna Vasilyevna.

“Although, as is often the case these days, this metal is not in metal form,” Altasov went on, not listening, “he would burn my *non plus ultra* like the rankest strong tobacco.”

Alexandra Sergeyevna laughed out loud.

“And the wind-blown sheets of my notes…”

“Show them to me,” she said, holding out her hand.

“Certainly. But you won’t be able to read them. It is a rough draft of a poem in pencil; I write small…”

She squinted, trying to make out the letters. Anna Vasilyevna moved the candle closer to her. This help was to the purpose, but it exasperated Alexandra Sergeyevna.

“I am not blind,” she remarked expressively.

Altasov bent down over the paper from behind her.

“‘Mere firmament…’” she whispered, making an effort, and with feeling. “No! ‘Mute firmament and caps of snow… That shelter eager…’ No! ‘Eagles terrible…’”

“Leave it,” said Altasov, taking the sheet from her fingers. “I’ll finish it and give it to you.”

“Will you dedicate it to me? Publish it?”

“Perhaps.”

“When will that be?”

“Well… Someday!”

“No, better than that! When will we see each other again?”

“I don’t know.”

“Do you know what I remembered just now, this very minute?”

“I do know, because I never forget anything.”

“I remembered how we once were reading your first, your very first…”

“Bits of nonsense.”

“You bad man, why say that… Do you really think your talent is not dear to me, as is your reputation, your name…! It’s indelible! Don’t you believe me?”

Altasov smiled sadly, shrugging.

“You don’t?”

“Perhaps, perhaps…”

“How can you say that! No, I cannot hear that tone!”

“What can I say…? I am extremely grateful to you. You, in your kindness…”

“No, no, I will not hear this! No… you know: in these past few minutes, something seems to have happened to you… tell me what?”

Altasov was slow to answer.

“Tell me!”

“Something did happen,” he said, standing and walking back and forth to the extent the darkness in the densely furnished room permitted. “Anna Vasilyevna, let me have another glass.”

“Make it strong…!” Alexandra Sergeyevna said to her. “Would you like a tartine? You see, I remember all your habits… as long as they haven’t changed!”

“That’s just the problem—they haven’t,” he replied, sitting down and starting in on the tea and tartine with an enthusiasm somewhat out of tune with the tenor of his speech. “I do not change, and therefore, now…”

He took a gulp of tea.

“Now… You asked, when will we see each other? And I had been asking myself, what kept us from seeing each other until now?”

“What?”

“Yes, what? And I mentally settled this question…”

He quickly looked around: someone’s head had popped in at the door.

“God…!” cried Alexandra Sergeyevna. “Oh, Anna Vasilyevna, that’s someone calling you…”

Anna Vasilyevna went out. Altasov paced back and forth.

“What is it that kept us from seeing each other?” asked Alexandra Sergeyevna.

“Your reluctance,” he replied.

“My reluctance? How?”

“You are independent, you are free. Let us allow that being content with little is a virtue, but it is a virtue that quickly and easily turns into something worse than vice: apathy,” he concluded, lowering his voice. “I was horrified by the thought that if… No, it’s better not even to ask…! Is there really no difference for you between living here, in this thicket, or over there, where one can live and breathe freely, where people enjoy themselves, they have drive… you understand, drive, horizons, ambition…! Is there really no difference for you between a candle factory and the

wonders of nature, the wonders of art…? No, you don't want anything! You have voluntarily taken the veil, closed yourself up in this shell… I'd like to smash it to pieces this minute!"

He raised his fist in the direction of the balcony and town.

Alexandra Sergeyevna looked at him with satisfaction: he is handsome… She was somehow embarrassed. The cool of spring from the balcony, the heat of the lamp and candles, the scent of all the delicious things that were on the table, some kind of special combination, even the light and air… something special that was never present in this living room… These words, these gestures… Over there are some poems… The night is so poetic… And he is a poet himself…! But it wouldn't hurt to close the door to the balcony, it was all right for him in his thick frock coat, but *she* was in barege; and it was probably her rheumatism too… She was listening. She had forgotten that at the beginning of their meeting she had been praised for her ability to "renounce everything, isolate herself," and so on. She found it pleasant that she had been scolded. She felt something long unknown: a little flutter of her heart, a certain trembling, as if everything inside suddenly vanished. It had been like this—long ago!—during a mazurka, at a festival, and somewhere off to the side the talk goes quite far, and you're waiting and waiting, "any minute now"—and nothing! And tomorrow there's waiting too: *he* will come… And you deliberately detain papa at home, just in case, and at the same time you give him an issue of *The Muscovite* so he won't get in the way. He falls asleep in his office. And then you wait. A *vert président* dress, there was a fashionable color called that in honor of Napoleon III…

Altasov was still talking; she held perfectly still, listening to the sounds, not the words…

"And so, if you find appealing neither life's turbulence nor the beauty of the creations of human thought—is it possible to suppose that I—I, a grain of sand in this mass of movement—that I should mean anything to you? Clearly I am long forgotten…! Well, your constant kindness, your former friendship—even I occasionally surface in your memory, like a fallen leaf on the water… or actually like a printed leaf that you encounter by chance, run your eyes over, and forget, of course!"

“Oh, no,” she objected, having caught the last word. “But take the circumstances into account…”

“Which?” he asked bitterly.

“Any,” she replied firmly, remembering that she had to speak too. “You are an idealist—protest as much as you like—but we women… Oh, we have been taught well to submit to… to certain things being impossible, to circumstances. Lastly, there has to be a certain amount of calculation! You can’t just jump in blindly. Do you know what it takes to go to St. Petersburg?”

“Goodwill,” said Altasov, still trying to play on the emotions.

“Wonderful. And one’s toilette? Take that into account!” she added triumphantly. “What do you say to that, idealist?”

“Here I understand nothing,” he replied, hanging his head.

“Just so. While I can’t just do things any old way… But what would I have undertaken to do in St. Petersburg,” she added, somehow frightened, since he had turned away and stopped talking. “I am behind the times, an old woman…”

Altasov did not contradict her. She blushed.

“Am I not speaking the truth? A provincial outlook, obsolete opinions, moral fatigue…”

She did not know what else to add. He remained stubbornly silent.

“You see how I live. I’ve grown used to this. What more do I need? I do not deserve better.”

“Permit me to shrug my shoulders,” Altasov said coldly. “This is… I don’t know what it is…!”

Her heart skipped a beat.

“This is a sickness,” he continued seriously. “A moral sickness affecting the select few: self-doubt, doubt in their own strength. They keep sitting in a cage, are surprised that it hurts to flap their wings, and then start to imagine they don’t even have wings anymore. It is natural that upon letting

a delusion like that go unchecked, a person can truly go crazy and truly will be fit only for a convent or an insane asylum… I do not apologize. It is a doctor's duty to speak the truth."

He did not look at her but could see that she was looking at him. She did not try to hide her expression of bliss, but could not have done so in any case… Now why wasn't this happening in town? Why was there no one walking past on the sidewalk and glancing in at the window? Was he really going to leave tomorrow? Was this really only for a few hours, and afterwards it's back again to… Dear man…!

She held back, frowned, and forced herself to think more seriously. No, he is right. What stupid self-doubt. Of course, in a stupid town, for decades… everyone was used to her, no one would appreciate her… He had come and found things to say, hadn't he. And he understands a thing or two! And better than people here do, I think…

"Doctor," she said, leaning her elbow on the table and covering her eyes with her thin fingers.

"Patient…" said Altasov, taking her other hand.

She waited for him to kiss it, as he had on the balcony; he did not. There was a silence.

"Are you bored?" he asked.

"I am."

"Nothing to do? And you're sick of everything? And the school has been abandoned? I understand why it has. Yes?"

"Yes."

"And that's fine. There is no sense tormenting your heart by laboring in vain; you are incapable of being enthusiastic over nonsense… You aren't an avid card player? Doctors ask about everything."

"No," she replied, remembering the winter when their whole company of old maids and old bachelors had played "table" and "chicken"[11] and other alluring games until dawn.

“What is left?” asked Altasov, as if discussing the matter with himself. “Books? Few of them are worth ruining your eyes for these days. And why read if there is no one with whom you can discuss what you have read? On your own or in ignorant company… For entertainment, county fair stuff!” he almost shouted in his indignation. “And this is the lot… the lot of a woman who… who… No, it shouldn’t be like that, it can’t be, it mustn’t be!”

“But what can be done?”

“Tear yourself away!” he replied, standing in front of her. “Run away from here at least for a time, catch your breath, make the most of life…”

“At my age?”

“Oh, enough of that! What are you, thirty, thirty-five? There are eternal pleasures essential for souls like yours.”

She could not resist; her hand reached out for his. Altasov retreated.

“Give me your word that this winter you will be in St. Petersburg,” he said.

“Oh, winter…” she objected with a coquettish shudder.

“What of winter? Winter is a delight. You won’t even feel it, the winter. A soft fur coat, a quiet carriage, a warm bed, a cozy little office with rugs and a fireplace to warm your feet… I have latan palms the size of that birch tree of yours. Flowers cost a pittance; a heap of hyacinths this big…”

“Hyacinths?” echoed Anna Vasilyevna, coming back in.

Alexandra Sergeyevna shot her a quick glance.

“Everything is as you ordered,” she replied naively, not understanding this glance. She turned back to Altasov. “You were saying something about flowers. Tell me, and forgive my ignorance: is it true that in St. Petersburg they have camellias as tall as people?”[12]

“Indeed they do,” replied Altasov with a smirk.

Alexandra Sergeyevna leaned back on the couch.

“They say there are whole groves of them? But it must be incredible when they flower! They belong to the tsar, of course?”

“No, madam, some are in private hands.”

“That’s the one thing I’m envious of, the flowers, sinner that I am!” she exclaimed enthusiastically.

“Those groves are gone now,” put in Alexandra Sergeyevna. “Balls were held there; the lighting ruined them.”

“Even without them there is plenty to look at,” remarked Altasov.

“I know, I was there, I saw.”

“And you don’t wish to take another look… and not alone?” added Altasov quietly.

She almost smiled, she was about to say something; Anna Vasilyevna interrupted her.

“It can happen that a person hasn’t seen something and yet doesn’t wish to,” she said to Altasov.

“Of course, those who do not love or understand what is good, who can’t be troubled to think…”

“No, you love it and understand it and can be troubled, but I just believe that it is all good, I imagine it, and that’s enough for me.”

“That would be an interesting phenomenon to explain,” said Altasov, not looking at his hostess; he only caught a glimpse of her fingers drumming on the table.

“Why, it’s simple,” Anna Vasilyevna went on, “you just think, you’ll never be able to see every good thing, and in your imagination they’re always better anyway.”

“What! Nature, art, luxury, entertainments, pleasures—you think you imagine them all better than they are in reality?”

“Art and nature? No, that would be stupid,” she replied mildly, “though I don’t know if I could love them more than I do now; I can’t get enough of reading descriptions of them… But luxury, pleasures… You know,” she began again, suddenly rather moved, “when you feel quiet and calm inside, and there are good people around, you really don’t want anything else…”

She was getting carried away and becoming embarrassed.

“Then you too are tempted neither by St. Petersburg, nor by the Europe your students memorized their lesson about so well?” asked Altasov.

“That’s about right,” she replied. “What’s close to the heart is plain old home. We keep wanting to go overseas and don’t even take a look around us. It’s too bad, and why don’t we? Did you see what was happening in the sky after the storm today? Gold and pink—and the music the birds made… God, what do I need opera for… Oh, yes, Alexandra Sergeyevna, we are planning to go to Mashkov’s Forest for Trinity Day.”[13]

“Have a good trip,” said Alexandra Sergeyevna.

Altasov looked at her.

“Have you seen *Le Pardon de Ploërmel*… *Dinorah*?”[14] he asked.

“No.”

“Now there’s a forest! And the stream *she* falls into… And that touching scene where the mad girl dances with her shadow…”

No one answered. Anna Vasilyevna was silently clearing the table, and afterwards she brought in her work and sat down. Alexandra Sergeyevna was already regretting having given free rein to her bad mood and was thinking about how she could put things right, what she could ask, or show… Altasov looked over at Anna Vasilyevna’s work.

“Any good?” she asked, laying out a strip of elaborate embroidery.

“Yes, it’s quite lovely,” he replied in an offhand way.

“It’s obvious you’re not an expert,” she went on cheerfully. “This is for that St. Petersburg of yours. An order. My school is constantly doing work for St. Petersburg. We rob them pretty badly with the prices we charge, but that’s all right; the girls who aren’t well off earn a bit of money.”

“In certain corners of St. Petersburg that would probably do,” observed Alexandra Sergeyevna. “For society there are imported things.”

“Well, ours can pass for imported, too,” said Anna Vasilyevna, laughing.

“What are you thinking about?” Alexandra Sergeyevna asked Altasov.

“It’s strange,” he said, with a crafty smile of his own, and as if he were apologizing: “those few words about the forest and the dancing girl, and then this embroidery, made me think of… I mean, you’re not a prude, not avenging virtue… You prove that!” he suddenly added, seriously and sharply.

“And?”

“I would like you to hear my confession!” he replied, and he also suddenly laughed out loud.

“Then confess,” she said, scarcely moving her lips.

“Oh, but it isn’t such a huge confession as all that, God knows!” he continued. “There was no sin; nothing but half an hour of admiring some pretty eyes, a slender leg in a high-heeled shoe… That’s all, I swear, that’s all! For a moment I envied my neighbor, immediately aware that for us such a thing would be too…”

He slapped his pocket and laughed. But he was not encouraged to continue his confession. The face of the woman he was speaking to again grew dark; her expression of wan displeasure became more definite, the corners of her mouth were decidedly turned down, almost in fury. Altasov saw this.

“So, my good friend,” he began, “here is an example for you of what becomes of a man when he is alone amid a delirious, frivolous life, when he lives not by his heart, not by his mind, but just by… the ephemeral interests of the day. There is no one to help him sort out what is happening inside him, what he feels, what is before his eyes. So the man plays the fool. His head gets filled with nonsense. He is drawn in further and further; he can tell he is in danger of losing himself, but… he is lost. Losing oneself this way is quite easy. But if there were a kindred soul to whom he could go and recover his strength, from whom he could hear the word he needed to hear, who would offer a helping hand… well, or box his ears… Ah, you do not wish to understand!”

He stood up and paced back and forth.

“It is both ridiculous and stupid; and you tell yourself twenty times over that it is stupid. But what are you to do? It’s life, it’s the environment…!

Give him a quiet corner, an educated companion… someone who isn't pedantic or prissy or an activist—God preserve us from them with their pedagogy and their 'physiology…'! Not the kind of woman who can blur your senses, but who later, when you see clearly again, makes you ashamed to look at yourself…! Well, give a man that! And we won't lose our way. We will look as much as we like at those phantasmagoric images, at some Mademoiselle Ada or other, and we will laugh about them with a companion truly dear to us… She will excite our better nature, she will light up our existence. And really, then we won't even look, we won't want to, we won't remember that fool's gold, all that… that superficiality…! But as things are, what will become of us…?"

He spoke as if to himself. He said the last words while leaning his head on the frame of the balcony door, which he closed while he was there. Anna Vasilyevna looked up, pulled the candle closer to her, and started cutting out a pattern in thin muslin. Alexandra Sergeyevna, looking down, nervously wrung her hands. She had forgotten herself; Anna Vasilyevna's movement seemed to have brought her to; her eyes flashed, her cheeks flushed weakly. She suddenly thought, why didn't she live here alone…?

"What are you doing over there? Come here," she said to Altasov.

Her voice shook. Altasov walked over, frowning… He seems pale… She thought this suited him. How had he put it, "a smile lights up our existence"? Something like that?

"Sit down. Tell me about it."

"Will you come to St. Petersburg?" he asked.

"We'll see… well, we'll see. Sit down, tell me about it."

"What?"

"Everything. I mean, I don't know what your life is like. Everything."

"Even the stupid things?"

"Those most of all."

He shook his head.

“You are magnificent,” he said, sighing and sitting down. “Yes, there is no harm in you who are so understanding, forgiving, and pure knowing even the stupid things… Not things that I’ve done, honestly, I’m innocent!” he cried in a good-natured and gracefully comic way. “My only sin lies in failing to close my eyes… Well. How are things for me? Bad… I don’t mean in material terms,” he hastened to add, “though it is true that I can’t say I didn’t feel the difference when I eliminated three or four thousand from my budget by parting ways with the editorial board…”

“Why did you do that?” she asked reproachfully.

“I just couldn’t do otherwise… A matter of convictions, and that’s all there is to say…! But never mind that. I can’t live without some activity. I get bored. I like to have a set hour of labor and of rest… in a word, I am a man who appreciates family and a quiet corner, I like the very trappings of an well-ordered life! I took a position in government service so I could at least spend the morning at work. But that isn’t enough, do you understand?” he almost shouted. “The spirit needs…”

“I understand.”

“And so I started to spend some more time in society,” he said, now calmly, walking back and forth to facilitate the change in tone. “You must see our circles. Lively, intelligent, and, well, fun.”

“One must have the means.”

“It doesn’t require all that much.”

“What kind of circles are these? The kind where stupid things are done?”

“Oh, no, God forbid… That is another sort of thing altogether.”

“What sort?”

“You are certain you wish to know?”

“At least what you found appealing.”

“I didn’t find any of it appealing, I swear,” he cried cheerfully. “I put my foot in it when I let that slip...”

“Since you did let it slip, finish the story.”

“But what story?”

“You even named a name. What was it, Mademoisellle…”

“Mademoiselle Ada Dunoyer…? Yes—she, I can tell you, is really something! She’s a devil! There is a certain gentleman—no reason to name him, you don’t care; a millionaire, moves mountains. A widower. He has a son of seven or six; naturally, he needs a governess…”

“A governess? Just a governess…?”

“No, madam, she was not willing to become a governess, and the young son had nothing to do with it; he was just an excuse to get acquainted. Mademoiselle Ada accepted an offer to give lessons to the father, and they have cost him about a hundred thousand, with every possibility of costing him yet more. Well, she pulled the wool over his eyes! The house he had renovated for her, the carriages, the sables, the diamonds… It was the embroidery that made me think of her; I never saw anything finer; silk, gold—everything she had was embroidered. That was her *thing*, her chic among those ladies. ‘It’s my passion,’ she says, ‘my serfs do the work…’ Once we got together after a masquerade: a late supper at *his* house. Naturally, everyone goes… Suddenly she gets the idea of playing the part of Dinorah and dancing with her shadow. What kind of a Dinorah is she, though!—rather a Salome! Her shoulders, her arms—charming—marble, hot, living marble; and she was breathing heavily, and then there was the champagne… ‘*Je n’en puis plus…!*’ she rips open her corsage—damp embroidered batiste, her chest…”

“Those foreign girls permit themselves God knows what!” cried Alexandra Sergeyevna in joyous indignation.

“O you patriot!” cried Altasov, laughing. “‘Foreign girls’! She is as much a foreigner as you or I. Mademoiselle Ada Dunoyer is plain old Alexandra Petrovna Oreshkova. That’s what’s funny, that our own female compatriots…¨

Anna Vasilyevna suddenly got up; her sewing fell to the floor; as she left, she accidentally bumped into the doorframe. Altasov looked around. Alexandra Sergeyevna sat wide-eyed.

“*C’est donc sa fille*,”[15] she said.

The back porch was narrow, steep, with a dozen small steps and one thick log for a railing. Not a porch for the gentry. At the bottom was a large stone that served as an extension of the stairs, underneath which the earth had sunk. Fresh, fat earth. Nettle and burdock bushes as tall as people, their heavy foliage not about to move. A lawn with glistening damp paths; a horned palisade; a young rowan, delicate, like lace in the air. A bluish darkness over everything. The grove stands like a black wall; the sky is pale with a quiver in it like the reflection of distant lightning…

“Why did she tell him…?” thought Anna Vasilyevna, descending the stairs.

She felt remaining inside was impossible.

“What do you need?” squeaked a girl, watching her go, and, receiving no answer, she disappeared back into the entryway.

Anna Vasilyevna sat on a step.

“Why did she tell him?” she said out loud. “I might not speak French, but I understand everything. How could she? What on earth…?”

She sat there, not thinking or feeling anything at all.

“Not much more than a peasant, grew up with an earthen bench to sit on,[16] and tries to go be one of the nobles! This must be what the gentlefolk’s fainting spells are like. My husband died, cleaned up the rice pudding at the wake myself, that’s fine… Why did she tell him? He wouldn’t have known, he wouldn’t have had any idea… Oh, everyone knows! The whole world! The Lord is punishing me through my daughter… but for what…? Lord, what is this? Where is it coming from? How could it happen…? And *she* is glad it’s like this, isn’t she. She’s glad: ‘the apple doesn’t fall…’ Or else why tell an outsider?”

She looked stubbornly straight ahead. Her thoughts rushed from one place to another.

“Tomorrow morning will be lovely. The nice smell of all kinds of plants in the grove. Need to go to the store tomorrow: out of paper in the classroom. Can’t be late, better get up early. And that gentleman… that gentleman…”

She didn’t even feel herself cry out.

Two charming big black dogs came out from under the porch, walked over wagging their furry tails, and started being affectionate.

“Doggies…” she said, shaking and smiling. “Want some bread, doggies?”

She pushed them away, started wringing her hands, shouted as loud as she could, and took off running into the grove…

Those were lovely, wonderful days; the old people did not remember any to equal them. The war had ended; so had the fears, the goodbyes, the emptiness that struck at a moment’s notice, when someone is torn from his family, invariably a young man, invariably strong, invariably an especially ardent love, an emptiness nothing could compare to, darker than the emptiness of a funeral, when a person submissively returns what is earthly to the earth. That had passed, and there would be no more of that, no more tears, and, they say, even better things are coming… A rainbow all the way across the sky, like after the flood. Every bit of darkness had left and was gone, vanished. All evil is forgotten, everything is forgiven. It is as if everything is starting life over, but instead of taking uncertain steps like a toddler, rising with consciousness and dignity. Where does so much power come from, such bold voices, so much intelligent, honest love? How one wants to live, and how easy living is…!

After the spring of 1856, Tabaev had returned from the Crimea with his volunteers, wounded and happy: they had all survived to a man. You could hear the village of Oreshkovo feasting from a verst away. *Father* had lost count of how many couples he had married on “Thomas Sunday” and “Myrrhbearers Sunday.”[17]

Only the young master had no plans to get married. He was stimulated by everything he had just lived through, by everything he was expecting, that had always been his dearest wish, the dream of his student circle—that had stayed intact and fermented in his soul during the three years after his father's will had plucked him from the university and locked him away in the N. tax office. The shame he felt for those three years, for his powerlessness, for his idiotic submission—though in those days the same fate befell many and many bore it easily—this shame was a new, invigorating force for Tabaev. The very shadow of a restriction on his freedom scared him. "If I get married, who knows what kind of a wife I'll end up with…?" Tabaev had always remained estranged from feminine society, ashamed as he was of his tax office. Now, free, he went to his great-aunt's to see his sister; in their house he took a look at the ladies and maidens and swore an oath never to "tie himself down." In the excitement of the first pleasant minutes of their meeting, he had thought of inviting Alexandra Sergeyevna to come stay with him for a while—she had complained of boredom—but he soon decided "let her do things her own way!" and returned to Oreshkovo alone. He still had not entirely recovered; he spent whole days reading, resting, or wandering the fields.

Once he was late; it had gotten dark. He came upon a girl who was finishing harvesting a narrow strip of rye. The girl was alone and in a hurry; everyone from the next field over had gone their separate ways, but she had not finished in time, and they had left her. She was nothing to them, what did they care. She was an orphan and was nothing to the people she lived with either, a free but serfless family that was one of only two such households in Oreshkovo, both on the far side of the gully. They were poor; the man of the house was both master and worker; the lady of the house also hired herself out for work at harvest time some three versts away; the children were little; so they had sent her to do that bit of land. It wasn't so terribly much work, only it was awful to walk through the gully; people said they had seen a rabid dog. Tabaev waited until she was done and escorted her to the other side of the gully. He reassured her: there wasn't any dog, but the girl was in any case no coward, nor even shy, and she was not timid when speaking to a gentleman. They joked, they laughed. Then she started asking all about the war. He told her about it, at first not noticing, but later

increasingly surprised that she did not particularly mix up names and events. He asked her how she knew. She had heard from *father* when she had gone to his house during the winter to learn to read; *father* read newspapers. She could also read and write. This winter *father* would teach her more, this time "God's Law." She was going on sixteen. Her name was Annushka.

The next day Tabaev went across the gully to where the two families lived. It was not easy to find this always busy hired hand during the workday, but he did. She brought him joy, he had no other name for the emotion he felt looking at this charming child. She was a child. Childhood at sixteen is rare in any situation. Everything brought her joy, she loved everything. She could see that there were bad things in the world, but she thought that it was "just like that" and it would pass, or "there was nothing to be done about it," or "it must be for some purpose," or "out of stupidity," and no matter what "God will forgive"… This was not slow-wittedness, but a purity that positively failed to comprehend evil. She loved to pray, but prayed in rather her own way. She had a sensitive and heartfelt understanding of all kinds of moral tribulations, down to subtleties that even a mature adult would have understood only after careful analysis; she had a way of grasping them simply, and she could paraphrase them simply, in direct, simple words. She was made entirely of truth, which would have been frightening if not for her constant childlike gaiety. She was not rambunctious, nor meek; she was a free child. Her mind wanted to know, to know a great deal, all that there was. She asked in detail about everything in the world and did not know how she could make it until *father* started teaching her "the Law." Then—she couldn't even imagine what would happen then: "all will become clear," she would say. She became attached to Tabaev precisely because he told her about many different things, and she listened laughing with delight. He was infatuated with her.

Soon their meetings and conversations became known to the whole village, but the girl was not even trying to hide them. At twilight, after the cows had been driven in and the people had gone away, she would sit in front of her hut and wait for the gentleman. Sometimes they were even joined by others, and everyone spoke and listened.

“Idyllic…” Tabaev said caustically to himself as he left, but he would come again the next clear evening.

He did not dare try to win her over with affection and gave her no gifts; giving gifts never occurred to him. Just once, when he was showing her a valuable edition of a natural history book with illustrations in color, and she asked him to leave it with her so she could look at it more in the evening (the evenings had grown long), he brought her a candlestick and two stearine candles… Love is always ridiculous if you tell its story.

All this changed very soon. The conversations, pictures, books of arithmetic and Biblical history—all this “spoiled” her. The girl started doing little work; she was scolded. She did not go out of the house, but you can hardly send away the master. She started being reproached for her relationship with the master… Something suddenly pierced her heart, something frightening and shameful became clear. It was as if she had already known earlier that this thing existed, but had never thought about it. She was horrified and cried; Tabaev guessed what she would not have told him or anyone in the world.

He resolved the matter simply.

“Why should you live with people you aren’t related to?” he said, “You’re not a serf, come live at my house!”

He came up with the idea that she should help the old woman who served as his housekeeper and learn her trade. She believed this easily. The “people she wasn’t related to” understood things even more simply and let her go immediately. Tabaev hired a girl to do work for them.

He knew that he had acted appallingly, but he loved her passionately and sincerely. She loved him devotedly, selflessly, and saw forgiveness for herself only in her love. No one explained this to her; the girl understood it herself, without mental contortions, with the purity of her childlike conscience, the lofty emotion of a suddenly mature woman. She loved *him*, not the gentleman who gave her peace and comforts, who offered pleasure she neither wanted nor took; she could easily have taken power over him but did not even understand what power was. What she held dear was this dear man, kind, rational, just. He was loved by everyone. He

cared about every soul, every cause, every need. The reservists who came back with him told stories about him… She would burst into tears and rush to pray to God for him… But why pray? He is a saint…

He was handsome and young; happiness was so enjoyable. And the times were so good…!

A year later they had a daughter. This happened right around the first news of the coming abolition of serfdom. They say sometimes that "the cup of sorrows runneth over," though fate in its craftiness can always find a way to add another drop to the overfull vessel; no one has yet complained that the cup of joys runneth over. Tabaev, however, thought he was experiencing something of the kind. He did not know how he could keep up with it all. At home there was Anyuta, charming, quietly proud as a seventeen-year-old mother; a child you could never get enough of looking at; the village with its honest, practical people, who spoke so reasonably, waited with such dignity. *Then*, afterward… Have to see what would happen *then*.

He went to N., took a look at the gentlemen, in the evening, at the club, where they sat with four candles around their green tables, not unsealing their decks of cards, biting their lips, pondering, quickly looking around at whoever walked up, and depending who it was, sadly greeting them or staying silent. In their houses they were more open and noisier. The ladies made even more noise; French, which had been discarded during the war so as not to offend the national feeling, became suddenly prominent again, on account of the servants…

Tabaev went to St. Petersburg, and was just barely able to make up his mind to tear himself away; there people were jubilant… His sister wasn't far away, he visited her too. There he was met with advice: sell absolutely everything as quickly as possible so he wouldn't live to see the day when fires would be set on all four sides and the house at Oreshkovo and the whole village would be burned to the ground. He can't remember when he last laughed so hard, and he brought lots of stories back to Anyuta. That same winter they opened a school with *father*, Father Pyotr, a "real" school now with a teacher from among the old university students.

A year passed in work, peace, expectation. As a well-to-do landowner, Tabaev was elected a member of the N. Committee on the Peasant Question. He had in fact gone to some trouble to get elected. He put all of himself into the cause, he adored the cause and because of it believed he was needed. He parted from his Anyuta and his Sasha for half a year, did whatever he could to make quick trips back to see them during the rare intervals, endured the rattling of the post carriage back so he wouldn't be late for meetings. He worked whole nights through, wrote and said a great deal, argued and offered dissenting opinions even more. He made some implacable enemies, knew this, and did not get discouraged. He was called "restless," "dangerous"; he only laughed… In the spring of 1859 he was home, satisfied, excited, like a man who has done his duty, like a sailor who has seen land…

Anyone who lived through those years and remembers them knows how difficult it is to describe them. One's first ideas, first love, first hours of regained health cannot be expressed in any words… Something solemnly quiet, like the eve of a great holiday; the house is clean, the candles have not yet been lit but are ready, and everything awaits the bell that will sound in the night. And even the receding night is so full of grace; something was accomplished during it, something was resurrected; the night now shines with the amber of rising dawn.. Reason, freedom…

Of course, people remember it different ways…

This irrevocable thing has been criticized more than once. Its goals have been called madness, it has been mercilessly mocked, it has been unconscionably slandered. It has been buried…

Anna Vasilyevna remembered where she was when she tripped on a felled tree in the grove.

"What is the matter with me?" she thought.

She saw before her the groves of Oreshkovo, and a tiny girl who would run in the twilight holding on to her dress.

She was a beautiful girl…

There were times when the young people hardly ever put her down; they took her along to building sites, to go fishing. They would give the mother a lesson, learn this, and they would definitely keep an eye on Sasha in the meantime… Lord, she was the apple of her father's eye! She was mischievous, incorrigible…

Grown up now.

How could this be…? What kind of people were they *there*? This visitor, the writer fellow, wasn't exactly young after all. *Those* men were young, but who ever heard so much as an immodest word from them? "Love," they used to say, "not debauchery…" Or sometimes they would say, "whoever loves honestly is in the right, Anna Vasilyevna…"

They were the first ones to call her that; before, she had always been "Annushka." They respected her. They explained in their own way that vain pride was stupid, that getting rich was sinful, they had read this; she had already understood this to be true before, only in her own way; they talked it through together, and it came out to be the same thing. They were lovely, simple people, dear, true friends. And how they loved *him*, and he… he became even better with them. They were so cheerful, they worked so hard, they knew so much. And they would say, "keep studying, Anna Vasilyevna, keep studying, you'll be a help to your daughter…"

She'd certainly been a help…! Creator, wouldn't it have been easier to bury her then…?

She stopped, beside herself. Everything was getting mixed up, the present, the past… "Bury her…" Once Sasha had cut her foot on some glass, the grass had blood on it; the university students were afraid for the mother. That was right in front of her…! Only now it was her maternal heart lying torn out and trampled… it hurts…! Sasha, God help you, what were you thinking? Why? I mean, if you weren't free, but serfdom is over! If you did it for a crust of bread, but, my treasure, you have a crust of bread, you are skilled, educated… And then if you didn't have enough, and didn't have the strength to earn your own money, what am I here for, daughter, my life, my heart… lying there in a pool of blood! Sasha, take everything from me,

everything, I'll give you nice clothes and good things to eat… Lord, it is for her, so she could be praised by those debauchers, that I worked… she sent the patterns… "My serfs…" Sasha, isn't it a sin? I mean, it wasn't just me, innocent children also did some of the work, what did they do that you should make them work for something so shameful… You paid… My God, where did it come from, what money did she use to pay…? A house, diamonds… Alexandra Petrovna or whatever it is they call you, what are you? You'll say your mother spent fifteen years as a gentleman's lover, but your mother loved him and shared his sorrows more than lawful wedded wives ever do! Your mother came to him penniless and was still penniless when she left! Honest men, the likes of which no longer exist, used to kiss your mother's hand, while you have that nice old man telling stories about you…

"What's wrong with me, am I out of my mind? What am I waiting for? I'll go see her, I'll speak to her, she'll see me and come to her senses! I'll speak to her, I'll fall at her feet… Sasha, Christ forgave the likes of you, but think what you're doing! My light, my child… Oh, I won't reproach you, I'm a sinner too… Come back to me, come into my arms, my sweet, beautiful girl! My tears will wash you clean like a baptism… I'll go to her. Right away… tomorrow. I'll find her; what's the use of waiting any longer? Who's going to stop me? I mean, if I were locked up and saw out the window that she was being attacked by wild animals, I'd jump out the window to save her. I'll go, I'll find her; it's all God. I'll get to see my… my darling, my joy…!"

In the grove the cook and the worker who had returned from town had been calling her for a long time. The girl, who had been eavesdropping from the entryway, told them that Anna Vasilyevna had run off.

"Time to serve the meal!" she shouted from the porch.

Anna Vasilyevna came up the porch stairs.

She remembered everything that needed to be done, she got out the Dresden cups and poured the bouillon, arranged the pastries brought from the town bakery on a platter, put the wine in the icebox—which Alexandra Sergeyevna had given particular orders about. The girl started off to set the table.

“I don’t need a place set for me,” said Anna Vasilyevna, handing her the heirloom silver.

“You’re not supposed to have one anyway. You’re to make a bed for the gentleman in your room.”

Anna Vasilyevna tidied her room and prepared a bed for Altasov. She thought that she would not spend the next night here either, and—not mechanically, but quite calmly—took a little suitcase out from under the couch, got some undergarments and dresses from the wardrobe, and packed them, unhurriedly, just as usual. There was still plenty of room in the suitcase. She took a tiny box with her papers and money off the table and checked and counted everything. Everything is as it should be, only there wasn’t much money, not much of her own. This was *her* money; she had sent a hundred rubles as a gift for Holy Week… A gift…! Well, let it go toward her own salvation. Looking for her might take a long time. She wasn’t about to ask that gentleman which street and which house…

She felt that it was getting cold again. No, no, none of these caprices. Need to stay healthy. For six months she had helped the man she loved turn over in his bedsheets, she had been there when he breathed his last sigh… Lord, you do sometimes seem to send us more than we can bear… No, none of that, and make sure no one notices… She locked the suitcase and pushed it back into its place.

“Afimya,” she said to the cook, “I’ll stay the night in your hut. Grab my cloak from the entryway; I need to go to town early, and I don’t want to wake anyone up…”

“Supposed to wake the guest early too, and get the samovar…”

“We’ll see how that goes.”

She left by the small porch. The lady and gentleman were getting up from the table. The girl ran in to inform the cook that the gentleman had kept kissing the lady’s hands at dinner. Now they are saying goodbye. The lady would not get up to see him off in the morning.

In fact, Alexandra Sergeyevna had realized that her toilette could not be finished in time for her guest’s early departure, but she assured him she

would wake up and see him again without fail. Altasov understood what she was thinking and was delightfully firm.

“I shall never forgive myself if I deprive you of a single minute of the sleep you need—indeed you do need it, don’t be like that. No, no, don’t. You have a nervous temperament, and to interrupt your dreams, the bliss of repose—

> “Sleep, the dawn comes
> “Cold and early…”[18]

“O poet!”

“Let us say our farewells now. Farewell…”

“No… goodbye, until we meet again.”

“Meet again? When?”

“In September... in St. Petersburg.”

“Oh, but I’ll be here again in August myself!”

“You will? You’ll come?”

“I shall come to get you, to remind you, I shall take you away…”

“Really? And we shall see each other…?”

“‘Let’s drink to our meeting!’” he sang, filling two glasses. “A toast!”

The girl led him to Anna Vasilyevna’s room. Pale barege could still be seen in the hallway and the goodbyes still echoed in the air when Altasov locked the door. The window had remained ajar the whole evening; a damp shivering was setting in, as after tears. Altasov yawned and laughed, packing his things with pleasure.

“Lovely…! Now I just need not to spoil things in August. And until then keep things going—letters, packages, and such. And on to St. Petersburg for the honeymoon. Easier to finish things here, and it would be a better play to appear there with it already finished… Or even, I suppose, bother St. Petersburg…”

He fell asleep.

"'In August…' In mid-August the fast will be ending…" thought Alexandra Sergeyevna, while the girl was taking off her shoes.

This girl was her temporary lady's maid. Lady's maids came and went too often, which meant it was more and more difficult to find experienced, competent ones. In the summer Alexandra Sergeyevna made do with the services of just this one, but then she was especially pleased with her devotion and naïveté.

"You say she went off to sleep in the kitchen?"

"Yes, ma'am, in the kitchen."

"Long ago?"

"You were still eating when she left."

"Then nothing was put away, neither the silver nor the linens?"

"Afimya must have locked it all in the buffet."

"She even left her key with that Afimya of hers. That's all wonderful, just the way to do things! And of course this is not the first time; I am the only one who doesn't know what's going on."

The girl laughed sympathetically.

"So where is this key now?"

"Afimya took it to her."

"Took it to her…? That's all just splendid. I'll take a look tomorrow… Go and lock all the windows, take a look around… She decides to go off to the kitchen, and only the girl in the house… We'll be murdered in our beds!"

"God is merciful, ma'am. Have a pleasant sleep."

Sleep might have been quite pleasant, of course, but it took a long time to come. Alexandra Sergeyevna was troubled by her household worries, which got mixed up with her dreams about the future. Although one thing somehow completed the other, you could almost say it made it more attractive… People never know what the future holds for them… oh, how

true that is! Yesterday as she was falling asleep she had been thinking everything was over, everything in her life. And suddenly, from somewhere far off, there appears… Well, really, he was too delightful. Well, as God is my witness, all the women here will go mad when it happens! I won't let him get away no matter what. I'll write to him… "Buguruslan, X Station…"[19]

She jumped up, forgetting her shoes, found a pencil somewhere, and wrote down the address on the top of a sheet of newspaper.

"No sense putting things off till St. Petersburg. He'll go back to his idle ways there and disappear without a trace. It would be cheaper there, of course, but after all a person wins this prize only once. Do it here, *en grand*. That's the only way: I've done things decently my whole life. And let them see whom Tabaeva is marrying… I certainly hope he's presentable enough…! But if we got married *there*, out of sight, they'd say she used her money to catch any man she could… My money is mine and will remain mine. That's my business… In my own parish. It's a big church. The August nights are good for lighting…"

She considered her outfit… Definitely *fleurs d'oranger* and a veil. But should the dress be silver-gray, or must she go ahead and have one that's entirely white…?

Anna Vasilyevna also fell asleep thinking about a wedding; she was remembering her own.

Their young friends were gone, there was not even any news of them. Tabaev was left alone, as he had been just after his return from the war. But it was not at all the same thing.

Back then, energized and happy, he found it easy to get close to people, and people did not avoid him either. He made new acquaintances, sought opportunities for meaningful activity, preached in favor of this activism, gave advice, helped people, did not get discouraged when he made mistakes, spent money, turned himself over entirely to the "common good"—as it was then understood by the majority of honest people, who had thrown themselves joyfully into the work, though they had little

experience of it. Tabaev knew that others were sympathetic, that support was strong… This ended suddenly, too unexpectedly and abruptly. It was impossible for his excitement to survive intact; and when it had passed, the weakness of his character made itself apparent. At thirty-four, this handsome, valiant fellow, this "unrestrained nature," was broken even in the physical sense. Those who had said he was nothing but empty words and poses came to believe in his sincerity when he took to his bed with fever. To make up for this, naturally, other people took to calling him a coward. And everyone now considered him a fool. The most painful thing was when those who had seemed to be on his side—some out of fear, some without taking the trouble to think it through, some after calculating what was to their advantage—retreated, backed away, looked at him the way you look at a dead man…

Several years passed like this. Tabaev did not leave the village. The gates had no one to open for, and they were covered up by drifting snow. The garden paths became overgrown with bushes; the only ones to stroll there were a young woman and her beautiful daughter. They alone gave beauty to the place, they alone were a comfort. Ever since the day when the "misfortune" had occurred, Tabaev had not seen Anna Vasilyevna cry. "God forbid I make him feel even worse," she had decided. This meant constant concealment, a constant feigning of calm, a certain firmness, a meek even temper that was a source of quiet affection like the warmth of spring. It meant patiently enduring, but with a patience full of dignity and strength; it made one act sensibly without losing sight of one's dignity. Through what "secret" did this simple, *uneducated* woman grasp this? She loved him, she understood his soul, his misfortune; he became even dearer to her precisely because he had suffered a misfortune of this kind. Tormented, abandoned, shut up in the country, deprived of society, meaningful activity, and significance, bored, sick—Tabaev did not lose his manners or his way, thanks entirely to her love. The tireless woman ran errands, kept the household running, taught their daughter everything she knew, everything the university students had taught her; she studied herself, she read aloud for days on end, developed a passion for flowers and communicated that passion to Tabaev; she jokingly found him things to do. When she went to dig in the flower garden, she left the girl and a book with him; as he

worked with Sasha, Tabaev could hear Anna Vasilyevna sing… This was the happiness of a prison, but it was happiness nonetheless.

“Sasha is going on ten; we can’t give her an education by ourselves,” he said once.

“I was just thinking that,” replied Anna Vasilyevna.

Their thoughts often converged this way.

“No one will come out here to us, and governesses are no good,” he went on.

“I was thinking the same thing. We need to send her somewhere.”

She was not scared at the thought of separation, nor by the void that would be left. During his short time at the university, Tabaev had known a boarding school in Moscow; the then headmistress, an old woman, had now turned it over to her daughter, but she lived at the institution and remembered Tabaev. They wrote to each other. Tabaev could not go himself; Anna Vasilyevna took Sasha there.

But she had been too confident in her own courage. When the sound of running was gone from the house, the dolls had disappeared, the studying had stopped, when there was no one to kiss and spoil, the house became a grave. The father and mother did not say this to each other, each thinking the same thing. She laughed and sang in vain, in vain did she bake treats and sew Sasha new clothes for vacation, trying to get him to wait and hope; he did not hope, nor await anything. She threw herself into her studies with even more determination, she ordered books, finding out or guessing which ones he might want; he languished. There was no one to bring Sasha back for vacation: Tabaev had fallen ill, Anna Vasilyevna did not leave his side.

The days dragged on without end, and this life had to be measured in years. Another year passed. Tabaev could hardly get around at all; with the inexplicable caprice of a mortally ill man, he did not want to see Sasha.

“Vacation would just mean teasing ourselves for two months,” he would say. “Just wait, I’ll be better by winter, and we won’t ask anyone, you and I will slip off to Moscow. Why sit here…”

He had also started to pretend. Until that minute she had not exactly disbelieved, nor exactly been pushing away the frightening thought; she did not know herself, but it could still be borne somehow. Now… But no one saw her tears. This injured man had no one but her in the whole world; she would not make him feel worse…

She had enough strength to conceal what she was doing, enough humility to endure with a smile his inevitable outbursts and caprices, which the unfortunate man paid for by repenting more severely than he had hurt her in the first place; she had sufficient health to go without sleep and food, to remember all the details and chores of the household, so he would not notice any difference, would not worry…

“God is helping,” she would say, ready on any given day for torture. But it was not in her power to bring this house, this faded, darkened house, back to life, this house where the slightest rustling echoed in the emptiness, where things seemed to appear in the gray corners. Despair lived in the house. The dying man could see it.

Autumn came with fogs and rains. One evening she was reading; he was sprawled in an armchair and suddenly interrupted her.

“Send for Father Pyotr.”

She jumped up involuntarily.

“Don’t be scared. I’ll just talk to him. But I’ll talk to you first.”

“What about?” she said.

“Come closer… I want to marry you, Anyuta.”

“Marry me?” she echoed. “Why?”

“Why? So that after I kick the bucket, they don’t chase you away before my body’s even cold.”

“Who would dare?”

“Someone will turn up who will,” he replied, getting agitated. “They’ll chase you away and bawl you out too… You made my life worth living. I’m not going to let them insult you…”

On the first day the temperature went below freezing, they walked to the church and were married. After they returned, Tabaev took to his bed and did not get up again. Anna Vasilyevna informed Alexandra Sergeyevna.

Alexandra Sergeyevna arrived late in the evening on the day of the funeral. A carriage was sent to the railway station to pick her up; they waited for her, but she apparently did not notice this any more than she noticed Anna Vasilyevna, who met her in the entryway. She walked through all the rooms in silence. In the hall, pointing at an empty space, she said only "here?"—and, without waiting for an answer, dropped to the floor where, to her way of thinking, the casket must have been. After she got up, she asked the servants if she could have a room. Anna Vasilyevna replied that a room had been prepared for her, got a candle, and led her there. Alexandra Sergeyevna did not see her.

Anna Vasilyevna was too broken to pay any attention to this, and in any case would not have understood how *this* was done. Alexandra Sergeyevna declined supper and ordered the maid who had come with her to put a lamp in her room, as she was certain not to sleep all night. Anna Vasilyevna froze through a snowstorm in unheated rooms, drank a few cups of tea, and fell asleep.

In the morning she very much wanted to see the new arrival as soon as she could, but she did not dare disturb her. Alexandra Sergeyevna sent for her herself. She was already up and dressed, wearing a black cashmere dress with a train and a hat trimmed in black crape. Anna Vasilyevna did not notice the glance cast at her plaid blouse, since she had not noticed that she had put it on out of habit; for the last several days she had been wearing it all the time.

"Are you Anna Vasilyevna?" asked Alexandra Sergeyevna.

"Yes," she replied.

"Pleased to meet you. Sit down. Have my coffee served in here," she told her maid. "Were you at mass? I am in no state to go. It is too, too…"

She burst into tears. Anna Vasilyevna did not cry, out of habit.

“Brother! How could you?” cried Alexandra Sergeyevna, addressing his unseen shade. “How could you? In your final days… how could you? What did I do to deserve to be rejected, insulted… Well,” she interrupted herself, “what’s done is done…! Anna Vasilyevna, we do not live in the clouds. I have heard that you were particularly well disposed to the people who brought my brother to this terrible state, that is, their ideas did… You understand what I mean by ‘ideas’…? But one cannot follow them. Property is property. And family is family, no matter what anyone says…”

“I wanted to tell you…” Anna Vasilyevna interrupted her.

“Yes, madam, but my brother, in marrying you, gave you certain rights. As you undoubtedly knew.” She smirked. “I am the lawful heir, but you, as his wife, can demand…”

“That’s what I was coming to tell you,” Anna Vasilyevna interrupted again, “I have been his wife…”

Her voice shook.

“His wife for about five minutes. What rights do I have? He gave me his name, and that’s enough for me. There is nothing in the world anyone can give that is greater than that. And I wouldn’t take it anyway. I won’t take anything.”

“Please speak more clearly: what won’t you take?”

“Anything,” she replied simply. “I don’t want any inheritance, because I don’t deserve any.”

“That means what exactly? You will not take your share? Your seventh part?”

“I don’t know what part it is; I won’t take anything.”

“But that will require a formal declaration…”

“That’s what I was coming to tell you. When you’re receiving the inheritance and the officials are here, you can show me what I need to do.”

“Very well… So, do you have any future arrangements in mind? Will you go somewhere? Do you have relatives?”

The unhappy woman clasped her head with both hands.

“I don’t have anyone,” she cried, “He is gone, and I don’t have anyone!”

The maid, who was carrying in the coffee, almost ran into her.

“Why these scenes?” said Alexandra Sergeyevna. “Surely you cannot imagine it is any easier for me? I have lost more than you… Enough. Sit down; you don’t need to be timid around me. I respect my brother’s memory too much, and now, when the church itself has… and such generosity… Enough, my dear, do not upset me.”

She walked up and kissed her.

“Tell me what you would like. Let’s forget the past. You now have a certain position, and I can recommend you without embarrassment, set you up somewhere… What would you like? I am ready. I shall even consider it my duty…”

“You don’t owe me anything.”

“Granted, but… Well, come on, courage! We’ll think of something together. What do you know how to do?”

“Nothing.”

“How can that be? Did you really think so little about your future…? By the way, did my brother give you anything?”

“There is a note for four thousand,” replied Anna Vasilyevna, as if talking in her sleep.

“Made out to the bearer?”

“No, by name.”

“Well, that will let you get yourself settled. That’s no small amount.”

“It’s not mine,” Anna Vasilyevna objected quietly.

Alexandra Sergeyevna said nothing. She knew that there was such a person as Sasha, but seemed not to know, and asked no further questions. Anna Vasilyevna did not explain. The note had been made out when Sasha was born, while Tabaev could still dispose of what he owned. The amount he

had chosen was not large, but he had had no more money at the time; and why make it out for more? Let the girl first grow up, go to school…

Anna Vasilyevna froze: Sasha is in school, yes, as long as someone is paying her way. Who will pay now? With what…?

“So you have nothing else…?” said Alexandra Sergeyevna. “What do you intend to do?”

“I’ll find work as someone’s housekeeper,” Anna Vasilyevna replied calmly.

“You can do that? What do you know how to do?”

Anna Vasilyevna had to list the things she could do, describe them; she had kept house for fifteen years. Alexandra Sergeyevna grew thoughtful.

“Let’s have coffee together,” she said. “Did you make it? And the crackers too…? Excellent…! How many cows are there here for the cream?”

“That’s written down,” replied Anna Vasilyevna.

“You keep records? Good… You know, working as a housekeeper… I have nothing against this occupation; it is splendid and profitable, and entirely within your powers… But I shall find it awkward. You must understand: we bear the same name…”

“My name is one thing I won’t give up,” objected Anna Vasilyevna. “But what difference does it make to you?”

“Well, you can take it that way if you like,” objected Alexandra Sergeyevna, flaring up a little. “But for the daughter of a noble family whose roots go back three hundred years to have a relative employed as a housekeeper…! When everyone knows me! Unless maybe we do this: stay at my house. Really. It’s familiar to you. I shall feel comfortable knowing that everything is in the same hands. While all the formalities are being taken care of before I move to N. to stay, you keep an eye on things here. That will make me feel more comfortable. Stay. I shall pay you the going rate… Even more, since you will take charge of everything in the house, absolutely everything; your job will be to keep expenses in line, and mine will be to pay the bills. Are you interested? A hundred and fifty rubles a year?”

“Three hundred,” said Anna Sergeyevna.

This was the sum paid for Sasha.

Alexandra Sergeyevna snickered.

“I am not stingy,” she said, “but take the trouble to calculate how much capital would be required to yield that much in interest. With your room and board included, to have wages that high… One could not say you had refused to accept *anything*! That does not come out badly for you at all, wouldn’t you say?”

“As you like…” replied Anna Vasilyevna, embarrassed.

“There is nothing for it: a hundred and eighty. No one will give you more; only someone quite well known could be paid so much. I am very glad. We will not go our separate ways, then?”

The officials came; Anna Vasilyevna was instructed how to write a formal renunciation of all rights of inheritance; Alexandra Sergeyevna’s claim was affirmed, she took possession of the property, she officially announced Anna Vasilyevna’s new position to the servants, and then she went back to Vologda to arrange her permanent move to N. For the moment nothing had changed in Oreshkovo. Anna Vasilyevna wandered through the house, over the snowbanks to the cemetery, and she kept house.

Thus the winter passed. Anna Vasilyevna thought about Sasha. If only she could see her, however briefly… now that was quite impossible! No money. That was the main problem—she didn’t have any. Apart from the tuition payment, and even that was short! Sasha is growing, she needs… And she did too, even if room and board were included. Where could she get money…? She remembered her university students, remembered everything she knew, everything she had read, in the long evenings she read all her textbooks again, she went not to N., but to another provincial capital farther away, and at its secondary school she took the examination to become a teacher. No sorrow could ruin this life force; she had a purpose—Sasha… Only, when she came home and went to *his* room to *show him her certificate* she burst into tears…

In the spring, when the apple trees were in bloom, carpenters came and started disassembling the house at Oreshkovo; Alexandra Sergeyevna was transporting it to the town of N., where she was already living in an

apartment. She wrote to Anna Vasilyevna that she could not bear seeing the house looking as it always had in the place where it had always been… "You could never understand this feeling…" Orders were given for the outbuilding that had once housed the school to be renovated for Alexandra Sergeyevna's arrival. In the meantime Anna Vasilyevna lived there until autumn, kept house, held a memorial for her husband on the anniversary, and, when she came to N., failed to recognize the Oreshkovo house in its new location. She immediately made up her mind to ask Alexandra Sergeyevna's permission to start a school.

"You want to leave me? Then you should have said so earlier!"

But this blew over. Alexandra Sergeyevna realized on her own that Anna Vasilyevna's activities would not interfere with the management of the house and would in addition get her out of the drawing room, where Alexandra Sergeyevna considered her presence quite unnecessary. Keeping house was an obligation that she would not, of course, forget, and of which she could be reminded. There were two rooms in the house that had a separate entrance; they were intended as a storeroom and a clothes closet. Alexandra Sergeyevna let her use them. One turned into a classroom, the other served as Anna Vasilyevna's living quarters. The headmaster of the N. secondary school and the governor thanked Alexandra Sergeyevna for doing so much for the education of the people. Social benefactresses were all the rage. Alexandra Sergeyevna found that having a sign reading "The A. Tabaeva School" was quite original; she even asked the bishop to come bless it. All of N. called the school her school.

Anna Vasilyevna rose at dawn and tended to the house. She and Alexandra Sergeyevna saw each other each morning, sometimes in the evening, and never at the midday meal. That was the time of the needlework lessons. Alexandra Sergeyevna treated her decently from day to day, sometimes even being affectionate when some event from her life in society had put her in a good mood. She introduced her "relative" to an acquaintance here and there. Anna Vasilyevna visited no one except her students' mothers. She in turn understood her relative, and if she did not leave, it was because she worked conscientiously and consequently was no parasite. Besides, wherever she might live, the grief was the same. This was for Sasha. At

school she saw her Sasha in every girl, and the work, which was to her liking in any case, meant more to her each day. Gradually she began to lose herself in it, to become more attached to *this* work and to understand it more clearly. Her grief grew quieter, somehow it healed a little. The children's affection started to bring out her former sweet cheerfulness, living got easier…

There was only one thing: in four years she had seen her Sasha just once. Alexandra Sergeyevna let her go to Moscow for a day—the house and school cannot be abandoned for longer—that day, as luck would have it, was a weekday. Sasha came out during a break between classes for a minute, in a hurry; people all around, no chance to say a word… Anna Vasilyevna thought about finding some way to take her to Oreshkovo for vacation, but the outbuilding was small, Alexandra Sergeyevna was to go there herself… and Alexandra Sergeyevna never so much as mentioned Sasha's name.

She had an elegant way of not doing so, to such an extent that Sasha's mother did not mention her name either. This was a strange feeling, a horrific feeling: a mixture of beaten-down submission and pride beyond all measure… "Well, Sasha will finish her studies, she'll come back, then… then she and I will leave together, we'll find students, make a life…"

One fine May day in 1875, at dawn, Anna Vasilyevna was awoken by an exclamation.

"Get up! Hello!"

Before her stood a young woman—delicate, slender, dark-eyed, as bright as that morning, elegant, in a flattering dress with about a hundred glittering buttons, with a bag over her shoulder, in a hat with a blue-gray brim. She was pulling at Anna Vasilyevna's shoulders.

"Get up, that's enough sleeping for you!"

"Sasha…!"

"In the flesh. Well, hello. Have my suitcase brought in; the caretaker took me through an absolute maze when he let me in. How do you live like this!"

Anna Vasilyevna threw on a dress, found the caretaker, brought water. She found her treasure lying on the couch.

“So tired! Cursed train crawled along like a turtle, and they call it an express!”

“You took the express?”

“Of course. What, did you think I’d be in third class? God knows what that’s like… You weren’t expecting me?”

“I wasn’t. I wanted to send you money next week…”

“Yes, you wanted to, and sooner or later you would have. I borrowed fifty rubles from Masha Golitseva. She’s lucky—she’s off to St. Petersburg tomorrow… They told me the Moscow train leaves here at nine in the morning, the mail train. I’ll write to Masha; she’ll still get it before she leaves. Do you have paper here?”

“Wait a moment, you have plenty of time,” said her mother. “Let me look at you.”

“You look, and I’ll write. How did you come to live in such an odd part of the house?”

“The school, you know, darling…”

“What of it? There must still be a free room somewhere?”

“Only this one, my joy.”

“What, that’s all? It’s such a huge house.”

“The house is Alexandra Sergeyevna’s. This will be enough room for you and me for now,” added Anna Vasilyevna.

“What, why?”

“You know why: I live in her house.”

“Right, I know, as a housekeeper and cook. But I think that’s enough of that.”

“Of course; we’ll start our own school…”

“What’s that?”

Her mother repeated what she had said.

“Why would we do that? I don’t want any part of your school! You have the right to live in this house, so just live here! And me with you! What’s this about schools? What good is a penny-ante idea like that? You lived the way you wanted to when I was gone, the kitchen and the teaching… but to lock up your daughter—no, thank you kindly…! You might have had some financial arrangement with that lady—you’re related to her through your husband, but I’m not about to call her aunt, am I?—so you split the expenses, and now I think you can stop scrimping and saving; you have a daughter, do that for her. I am eighteen, I won’t be young much longer, and I’ve done enough time in prison as it is…”

Anna Vasilyevna felt as if everything around her was coming unmoored.

“You thought it was easy? No hat, no gloves either—wait until you send something! Can’t so much as wager a box of chocolates! It was awful! The shame! You don’t understand, it’s all right for you! Now at least I have a chance for a regular life, and you’re planning all these schools! I don’t want to! If the house isn’t yours, rent another one! We can go to the village—we have a village—and in the winter we can go to Moscow, to St. Petersburg…”

Anna Vasilyevna was paler than the wall.

“Sasha,” she said, “we don’t have anything.”

“What do you mean we don’t have anything? Come on, I’m not a small child, I know the law. You did inherit something from your husband?”

“Sasha, you keep saying ‘your husband’—he is your father.”

“Yes, indeed, but he was the gentleman Mr. Tabaev, and I’m plain old Miss Oreshkova. But never mind that. You are Mrs. Tabaeva and got what was coming to you.”

“I didn’t get anything.”

“What? So you got swindled?”

“No one swindled me. I’m the one who didn’t take anything,” she shouted and burst into tears.

Sasha went over to her. She looked at her mother in surprise, awkwardly touched her shoulder, embarrassed, rather frightened. She could not say a word, nor did she know what to say; this was the first time she saw such… such strange behavior. She actually shrugged.

“I don’t understand a thing,” she said finally.

Anna Vasilyevna suddenly stood up.

“My darling, you know what I was, what I did… what am I to do, show you how much I repent…”

“There’s no need for that,” objected Sasha. “There are thousands like you.”

“Only, do you see,” her mother went on, “those thousands… God will forgive them all, but their conscience must… I always used to laugh about it with *him*, I know people said that I was a ruthless schemer without a care in the world… God grant you should love someone so much, Sasha…! I could put up with any criticism, but when I thought, what, am I going to take money for loving him…? My God! Lord, do not send so great a shame to my worst enemy! I said I don’t want anything. And I don’t have anything. I was practically taken from a peasant hut; I am a worker, and I’ve worked all my life, and I will work for the rest of my life for as long as I have the strength. That’s how God said it should be. That’s what honest people told me. And if he, your father, did have something, he was ready to give the shirt off his back…”

“That much I know. So in memory of him you gave the shirt off yours.”

She abruptly started walking around the room; tears shone in her beautiful eyes.

“Only what did I do to make you abandon me? Well?” she asked, stopping in front of her mother. “They say I’m your only daughter; couldn’t you have thought about me a tiny bit…? How could you, how dare you do such a thing, what gave you the right to forget about me? You don’t need it? I do! You didn’t want it? I do! What did I do to deserve to be poor thanks to you?”

“For heaven’s sake, Sasha, you’re not poor! I don’t have anything, but you… here… Your father…”

She reached for her box and got the note. Sasha took it and grew thoughtful. Both were silent.

The silence lasted a long time. Through the open window came a church bell sounding the call to worship and the rustling of a nearby orchard. The clock struck seven. Anna Vasilyevna looked around at her untidy room.

“Are your students coming?” asked Sasha.

“Yes, soon.”

“Listen…”

“What is it, my dear?”

“Was this the money you were planning to use to start a school?”

“Yes, the two of us together…”

“No, that’s impossible. I don’t want to. I can’t.”

“If that’s how you feel. But in that case what…”

“I’ve worked it out… Living here isn’t too bad for you? Not that awful?”

She did not wait for an answer and went on.

“You’re used to it. So why change? Stay here in this house and leave things as they are.”

“What? But what about you, Sasha?” cried Anna Vasilyevna. “I mean, you could stay a day or two for the time being, but for me to let you…”

“Hold on! What gave you the idea that I was going to stay here? To be under the thumb of that old maid, your old bat of a sister-in-law? I don’t even want to see her stupid face…”

“Don’t shout…”

“No, I’m going to…! You can live here, live like you did before, but I’m leaving!”

“Where will you go?”

Sasha looked at her and took herself in hand.

“Do forgive me, mama. Honestly, I can’t… Forgive me…”

She walked over, perched on the arm of the old armchair, and gave her mother a hug. Her mother pressed herself against her.

“How lovely,” Sasha went on, stroking her hair, “how can it be, not a single gray hair…! Well, listen, dearest. You spoke of working. I want to work too. Only not here. In earshot of that old witch… all right, I won’t shout, I won’t…! Let me go.”

“Where?”

“I’ve worked it out: to St. Petersburg. Masha Golitseva is going there to take courses; I’ll go with her, and she and I will live together. That’s what everyone does; perhaps you haven’t heard? Absolutely everyone does that. And this note of mine will come in handy... I’ll live off it and also earn my own money like you… I mean, you set an example…! I’ll give lessons. I’m excellent at languages, English, French. And you should hear me play piano, mama! You don’t have one here or I’d give you a concert right now…”

“My life…!” said Anna Vasilyevna.

“Stop, that hurts: the buttons… You see how wonderful it will be; you work here, and I’ll work there…”

“And we’ll see each other there,” her mother finished for her, coming alive.

“Oh, of course, come and visit me. Maybe the witch will let you go. We’ll see St. Petersburg…”

Her mother wrapped both arms around her.

“Only please don’t cry. I can’t bear when there are tears… it’s not good for me. And think, what is there to cry about? You say you love me, why should I have to sink without a trace in the middle of nowhere? I’m young and talented and have a little of my own—there’s no need to bow and scrape… Oh, you do as you like, I’m leaving!”

“Well…” said Anna Vasilyevna.

“Will you let me go?”

Anna Vasilyevna looked at her and said nothing.

“Such egotism!” cried the young woman. “Call this love! This, love! ‘This is how I want things to be, so you have to debase yourself and wither and die.’”

“So be it. Go,” her mother interrupted her.

Sasha threw herself into her arms.

“There’s a good girl!” she cried, jumping up and down. “Hurrah, I’m going to St. Petersburg! Mama, how happy I am, simply overjoyed! You cannot imagine how happy I am!”

“So be it,” Anna Vasilyevna said again. “The Lord be with you.”

“Then farewell! It has to be now. The Moscow train is at nine. I have to catch Masha while she’s still in Moscow. It’s a good thing I didn’t undo my suitcase… I brought you a batiste head scarf—no time to get it out.”

“Keep it, you need it more.”

“Of course. Give me some tea, I’ll fix my hair and I’ll just make it… And tell the lady of the house that I did not wish to meet her…”

She left, wrote that she was settled, going to courses, giving lessons, she wasn’t bored, she had found some good people; then she started sending orders to the school for work, sending money to her mother…

“Lord, what is this?” cried Anna Vasilyevna, sitting up suddenly on the bench in the kitchen.

She had been awakened by the sun shining in through the window.

Alexandra Sergeyevna got up late, later than usual. The girl gave her some coffee that had clearly been made by an inexperienced hand.

“Has she already left?” asked Alexandra Sergeyevna.

“Earlier than the gentleman, ma’am,” replied the girl, understanding to whom the question referred.

“Earlier? What about the samovar? He must have left without…”

“No, ma’am, how could that be! I put it out and made tea; everything was just as it should be. He was even quite satisfied himself and said he liked it… He told me to give you his respects and left this note for you. I ran to the village to get him a cab…”

Alexandra Sergeyevna read what turned out to be a page torn from a notebook. The presence of a witness made her feel constrained, but no matter how hard she tried to seem indifferent, her face showed something that caused the maid to laugh sympathetically.

“What is it?” asked Alexandra Sergeyevna.

“Nothing, ma’am… it’s fine weather.”

“A child! Happy about the weather…”

Time passed without her noticing—on the balcony, where the memory of the first minutes, the first hints fluttered through the air; at the table where he had drunk “to our meeting…!”

“Life is good…” she thought, trying to remember a certain poem: “it might be *his* poem, which means it’s particularly important to remember it and write to *him*…”

She unlocked a chest of drawers and got out her official papers, pawn tickets, promissory notes, read them, counted and recounted them; then she lay down on the couch, reading a novel, and finally asked for something to eat.

A droshky stopped at the porch. She was alarmed… Could it be *him* again? Had he come back? Had he been unable to leave? Could it be…? And she was wearing a blouse! A plain blouse for the first time all summer…! Alexandra Sergeyevna had already jumped up to run and hide in her bedroom, abandoning her lunch, when Anna Vasilyevna walked in.

“It’s you…? What a fright you gave me. What made you decide to come home so early? And in a droshky, no less?”

“Yes, that’s right,” Anna Vasilyevna replied.

Without taking off her cloak, she sat down. She seemed very tired; she poured some water into Alexandra Sergeyevna’s glass and drank it.

“I’m sorry,” she said, realizing she had been impolite from the surprise with which the other woman looked at her.

However, this was not merely surprise. Since the previous day, Alexandra Sergeyevna had been feeling a strange feeling. Altasov had paid too much attention to this woman when he looked at her. She is nearly forty, but fresh as a twenty-year-old. She is a peasant, of course… uneducated, of course; but then what is it that *they* care about…! Of course, he had nevertheless preferred… But then it might be about money… Alexandra Sergeyevna did not mind people being “calculating.” To be calculating is the most ordinary thing and there is no way around it, and in the end it is no business of hers what calculations Altasov might be making! Calculate all day long, and you can still *mis*calculate. But this woman had become hateful to her. She had risen a bit abruptly, makes herself part of the conversation. A person like that in the house… Then too she has suffered a misfortune. One could ignore it entirely, of course, but any misfortune is always awkward; it distracts people from their daily tasks and puts those around them in an awkward position… What should be done with her…?

Alexandra Sergeyevna glanced again at the figure seated at the table and continued to eat her lunch in silence.

Anna Vasilyevna finished resting and got up.

“I came to tell you,” she said, “I’ve taken care of things over there. The rooms are tidy and locked up; the key is with the caretaker in case there’s some misfortune, God forbid. I told all the girls not to come anymore until I tell them to or… We’ll see what happens. So they took away their embroidery hoops and their books; it’s all done. They won’t be bothering you…”

“What does this mean?” Alexandra Sergeyevna interrupted her.

“I’m leaving. I came to say goodbye and get a few things from the house.”

“I see, that’s what this is about,” said Alexandra Sergeyevna, as if to herself. “What made you decide so abruptly? And did you think about the position you are leaving me in? It does not look right, after so many years, at the drop of a hat…”

“I have no choice.”

“I shall not try to keep you. Where do you intend to go?”

“To St. Petersburg.”

“Is that so…? For long?”

“I don’t know.”

“You won’t return, of course; St. Petersburg is an entertaining place. You will find some occupation there.”

“I don’t know how to do anything, Alexandra Sergeyevna.”

“Oh, you’ll manage! You are of course hoping to find a comfortable situation in an affluent home. Only be careful not to set your hopes too high. If not as a housekeeper, you will find some other way to make yourself useful…”

She stopped involuntarily... There was no answer.

“Farewell, Alexandra Sergeyevna,” Anna Vasilyevna said after a minute.

Alexandra Sergeyevna quickly got to her feet.

“Farewell. I wish you every happiness… Thank you all the same: I found you satisfactory.”

She offered her her hand.

“Do you need any money?” she asked, as if she had suddenly remembered. “I believe I paid for your last month…”

“No, I don’t,” replied Anna Vasilyevna, and she left.

Alexandra Sergeyevna waited until she heard the droshky rattle off, lit a cigarette, and went out onto the balcony. She kept remembering fragments

of poems. It occurred to her that it was actually rather difficult to find a woman, and she tried to think whom she… And in St. Petersburg, that person would not cross her threshold, of course, neither mother nor daughter…

The setting sun enveloped the town in a golden fog. Smoke rose over the train platform in fiery lilac clouds. Suddenly a whistle sounded, then the pounding of feet; the smoke flew across the sky in an undulating line; the St. Petersburg train had gone…

Characters and names

Russian names are made up of a first name, a patronymic based on one's father's first name, and a surname. Where men's surnames end in -in, -ov, or -ev, women's surnames have an additional -a ending, so that Tabaeva is a feminine form of Tabaev. In descending order of formality, these forms of names are used in *The Meeting*:

- Full first name and full patronymic (Alexandra Sergeyevna, Anna Vasilyevna)
- Surname used by itself in the third person (Altasov, Tabaev)
- Full first name by itself (Pyotr)
- Any of several possible affectionate nicknames formed from the first name (Annushka or Anyuta, both from Anna; and Sasha, from Alexandra)

The named characters are:

- Alexandra Sergeyevna Tabaeva
- Pyotr Nikolayevich Altasov
- Tabaev
- Anna Vasilyevna Tabaeva (Anyuta, Annushka)
- Father Pyotr, a priest
- Alexandra Petrovna Oreshkova (Sasha), a.k.a. Mademoiselle Ada Dunoyer
- Afimya, a cook

Since we never directly learn Tabaev's first name and patronymic, we can't be sure whether his illegitimate daughter Sasha's patronymic (Petrovna, or daughter of Pyotr) is based on his first name or someone else's, perhaps the priest's. Her surname, Oreshkova, is related to Oreshkovo, the village owned by Tabaev, and it may also have been Anna Vasilyevna's surname before her marriage.

СВИДАНИЕ

1878.

Гроза только что прошла. Солнце, еще высокое и знойное, выкинуло столбы огней над упавшей тучей; городские строения синели в полутьме запоздалого, оторванного облака; поле, которое начинается от заставы, все в искрах, мокрое, теплое, еще не расправило своей молодой травы; на ее зелени чернела узкая дорога, уходя вдоль по пригорку, где виднелась тоненькая колокольня, белая ограда, и дальше — роща, уж густая и темная.

В этой роще было жилье, что-то вроде выселок: избы, сарайчики и, на более видном месте, небольшой дом с цветничком и балконом, обращенным в сторону дороги и города. Над балконом был навес; после дождя можно было выйти подышать воздухом, посмотреть в даль, показаться проезжим и прохожим, которым всегда приятно что-нибудь увидеть.

Дверь из комнаты отворилась; на балкон вышла дама, одетая по моде, очень узко, по-летнему — бесцветно, кроме широкого алого банта, который резко выдавал бледность ее лица и бледность ее волос, уложенных пышным шиньоном. Она была невысока ростом, худощава, заметно стянута и немолода. Она прищуривалась, грациозно заслоняясь рукой от лучей солнца.

— Не простудитесь, сказал, выходя за нею, господин, тоже не молодой, но плотный, высокий, румяный, с превосходно расчесанной бородою. — Не рискуйте; сыро.

— О, я живу воздухом, возразила она. — Ах, как хорошо! Смотрите. Право, издали, с высоты, даже наш N. живописен.

— Вы не взыскательны, сказал гость.

— Что же делать… Но нет! Скажите, разве не лучше довольствоваться тем, что есть, нежели вздыхать о невозможном. Возьмемте кресла из

гостиной, я велю сюда дать чаю. Теперь уж скоро…

Гость выкатил кресла; хозяйка сама вынесла маленький столик, немного стараясь дать заметить, что делает это свободно и ловко.

— О, хорошо… повторила она, бросаясь в кресла. — Но говорите же, как вы меня отыскали? как вам вздумалось приехать в этот опальный N.? Надолго ли? где вы пропадали?.. Право, не знаешь, что спрашивать! Ну, по порядку!

— Если вы живете в N… начал он. — Курить можно?

— О, Боже, конечно. Сейчас…

— Не беспокойтесь, спички у меня есть. — Если вы живете в N., почему же другие не могут заехать в N., благо он на проезжей дороге?

— Так вы только проездом?

— Да, на юг. Отдохнуть еду, отдохнуть, дорогая моя Александра Сергеевна. Отдохннуть от холода, слякоти, трескотни, от формальностей, от всего!

— От всего!.. повторила она, задумчиво наклонив голову, и вдруг опять резко ее поднимая. — Да! нам есть от чего отдыхать…

— Живем шибко, произнес гость сквозь сигару, тоже будто задумываясь и также чрез минуту снова оживляясь. — Нет, но пуще всего — отдохнуть от всяких нелепостей, от так называемой «кабинетной» жизни вперемежку с прениями, этим переливаньем из пустого в порожнее, с толками обо всем на свете, что вовсе до нас не касается, где без нас обойдутся, где мы только шумим, трудим легкие, наживаем себе желчь… Право, вам позавидуешь: вы — истинно передовая женщина…

— Ах, Петр Николаевич…

— Я это всегда говорю.

— Обо мне? Но с кем же?

— Помилуйте, мало ли с кем, будто уж и людей нет.

— Вы не забыли меня?

— Помилуйте!

— Старого друга? А сколько лет…

— Что для вас годы! Это, вот нашему брату…

— Полноте!.. Но что же можно обо мне сказать? Запертая в глуши…

— Да вот хоть позавидовать вашему благоразумию: вы умели отрешиться от всяких дрязг, спокойно…

— Ах, как я тоже устала, прервала она.

— Вы? от чего же?

— Но вот эти два последние года…

— Да, заодно со всеми…

— Страхи!

— Да… Но ведь от вас далеко…

— А пожертвования? возразила она горестно.

— Да… Отозвались и на вас, прибавил он, слегка затрудненный.

— Еще как отозвались! вскричала она, и вдруг спохватилась. — Нет, но ожидания…

— Да…

— Телеграммы!

— Да...

— Всякий день, всякий час!..

— Да…

— У вас как это было?

— У нас? Что же… Мы знали почти одновременно с событиями.

— Что вы делали?

— Я-то собственно? Что же… Обыкновенные занятия. Читал, сидел на службе.

— Вы служите?

— Служу.

— Давно ли?

— Да… Нет… Не так давно.

— А я думала… Вы занимались в редакции…

— Да!.. Был когда-то литератором. Это оставлено… я разошелся с редакцией, досказал он, глядя в сторону.

Александра Сергеевна примолкла.

— Конечно, были причины, сказала она наконец.

— Без причины ничего не бывает, выговорил он, усмехнувшись.

— И ваши причины, без сомнения, уважительные, сказала она уверенно.

— Благодарю за доброе слово. Сам-то я считаю их уважительными, но другие, пожалуй…

— Ах, что вам до других! прервала она с увлечением, будто чему обрадовалась. — Что вам мнение других, всех, вы сами себе судья; вы, во-первых…

— Во-первых, я тоже человек. Из-за каких-нибудь трех-четырех тысяч в год закабалиться, продать свои силы, труд, здоровье… И если бы к чему-нибудь вело, а то и удовольствия даже никакого!

— А я думала, начала она. — Я думала, что, занимаясь там… при всем громадном труде, вы все-таки чувствовали себя отраднее. Все-таки, знаете…

Она заторопилась.

— Интимная, семейная жизнь нашей интеллигенции… это все происходило на глазах, все… известности, начинающие, задатки…

— О, дребедень! воскликнул он. — Не мечтайте! «Отрадно»! да крепостная барщина была не хуже!

— Неужели?..

— Не хуже! повторил он хохоча, и вдруг сделался почти мрачен. — Надо еще взять в рассчет направление… Нет-с, время талантов, время чистого искусства невозвратно прошло. Тенденция заела. Всякий стремится «мыслить», кто во что горазд… не то, что не спрося броду, а не справясь о глубине, и потому — как раз на мели. Но вы, я думаю, сами заметили… ужасное время!

— Ужасное!

— Да!..

Искусство — опустелый храм.
На площадях толпится смута;
Каким-то яростным богам
Курится чадный фимиам —
И бедной музе нет приюта!..

Декламируя, он как будто пел.

— Чье это?.. спросила Александра Сергеевна, нерешительно и слегка замирая.

— Мое… отвечал он как-то вскользь, усмехаясь, и посмотрел, как тянулась в воздухе струйка дыма.

Несколько минут оба помолчали.

— Давно я не читала ничего вашего, начала она в раздумьи. — Есть что-нибудь новое?

— Есть. Я недавно издал. Я вам дам. Так, сборник. Кое-что из лиричиских вещей прошлых годов, и потом нынешнее, навеянное…

Он сделал маленький жест рукою.

— Merci.

— Вы там увидите меня в новом виде, продолжал он шутливо: — «*В одежде воина, с неловкостью приятной*…» Пожалуй, не узнаете.

— Я вас всегда узнаю, возразила она: — когда понятия, убеждения… одним словом — все!.. это оставляет такую неизгладимую складку…

— Да… сказал он, так же, как она, затрудняясь.

В беседе случился опять промежуток молчания.

— То, что вы сейчас читали — оттуда? спросила Александра Сергеевна.

— Что?.. Да, оттуда, отвечал литератор, будто его разбудили. — Но скажите же что-нибудь реальное.

— Реальное?..

Она растерялась.

— Реальное… Но что же реальное?

— Что-нибудь. Например, вы желали знать, как я вас нашел. Я приехал; узна́ю: поезд, который мне нужен, пойдет только завтра, в восемь утра. Следовательно — надо ждать. Я спросил ваш дом и, совсем с своим саквояжем, который теперь имеет честь покоиться в вашей прихожей — отправляюсь. Нахожу дом: все заперто. Я к другому подъезду, и — удивлен! Надпись: «*Начальное училище для девиц, А. Табаевой*». Тут… понимаете мою мысль: *она* работает, *она* все та же! И я звоню, стучу, кричу…

Александра Сергеевна радостно смеялась.

— Выбегает девочка и объявляет: вы на даче. Где? Далеко ли? За какой-то астраханской заставой. Я не удовлетворился, ворвался. Встречает какая-то дама. Говорю: — «Алтасов, из Петербурга; где Александра Сергеевна?» Мне толковали: «свечной завод, церковный староста» — но я уж не слушал, вскочил на дрожки и явился с саквояжем перед вами, как раз под ливнем, что вам известно. Но, понимаете, я все-таки не знаю, где я. Я чувствую себя с вами, но почему вы здесь, почему в вашем отсутствии ваша школа полна девочек… Я видел головки, головки, русые, черненькие… Одна — прелесть что такое! Ватто! спрыгнула с веера…

— О, поэт!

— Чувствую, чувствую — не по летам! Но объясняйте же.

— Где вы? Точно на свечном заводе, обращенном в дачу.

— Как это?

— Но в нынешнее время даже провинция понимает необходимость дач. Чиновники и те нанимают для своих семейств избы по деревням…

— Но что ж это! это скука.

— Конечно. Но одним летом, верстах в двух отсюда, было прекрасно; целая компания дачников, кумысное заведение, минеральные воды…

— Вот как! в деревне?

— Да. Я жила там, пила кумыс. Все было, маленький клуб, галерейка: танцевали; даже театр был.

— Неужели?

— Петербургский житель, не верит! Был. Заезжая труппа; пели нам Оффенбаха.

— Конечно, плохо?

— О, напротив, очень мило. Фейерверки, катанья. Из города множество приезжало. Содержатель клуба, для удобства, завел свои линейки, в роде дилижансов…

— Это прошлым летом?

— О, нет, три года назад. «Прошлым летом»… было не до того. И притом, в городе было много удовольствий, благотворительные гулянья на бульваре, аллегри, сборы, пожертвования…

— Да, частным антрепренерам, конечно, уж нечего было рассчитывать… Но здесь у вас — пустыня.

— Что ж делать.

— Вы — одна жилица?

— Кто-то живет еще, там далеко в роще. Здешний хозяин — купец, церковный староста…

— Следовательно, Оффенбаха не допустит.

— Ах, нет… Но, видите, домик он отделал. В роще бывают пикники, самовары; есть нечто в роде гостиницы…

— Где можно найти приют, не для музы…

Оба засмеялись.

— Но для моей особы на ночь. Я желаю пробыть у вас как можно дольше.

— Вы найдете приют у меня.

— Я обеспокою вас.

— Что за церемонии!

— Grand merci.

— Мы так давно не видались. В последний раз… Боже, скоро восемь лет! зимой 70-го, в Петербурге, и то всего несколько минут; встретились в опере…

— Да. И вы так спешили уехать.

— На другой же день я уехала. Невозможно было — дела: наследство; и притом, я была в трауре. Тогда умер мой брат…

— Да, да, да… А вы получили наследство?

— Получила. Но после этого я была еще в Петербурге, два раза, искала вас…

— Позвольте, когда?.. Ах, я был за границей!

— Оба раза? возразила она с легким упреком. — Я вам писала по городской почте…

— Не получал! это недоразумение…

— Разъяснять уж поздно… И теперь, что ж? только судьба…

— Судьба — умница; она подслушивает наши желания…

— Ну, Бог вас простит.

— Вы — милейшая; вот такие женщины… Ну-с, что же наследство? Порядочное?

— Да, деревня.

— Почему же вы не там?

— В деревне? В нынешнее время? Помилуйте! Только идеалист, лирический поэт может вообразить возможность житья в деревне теперь, когда… Помилуйте, мы вконец разорены! там кто только может, тот с нас тащит, самоуправство, воровство, кабаки…

Она вдруг спохватилась и замолчала… Это, кажется, уж слишком реально?.. Что ж, он хотел реального… И еще так обидно: точно будто уж с провинциалкой ни о чем другом и говорить нельзя… Конечно, это разнообразнее, разговор стал и живее, и… словом, легче. Но надо же было подвернуться этому «вопросу» — деревне!.. Лет пятнадцать назад она жила у бабушки в далеком городишке и туда вовсе не своей волею явился Алтасов. Было очень скучно. Они познакомились, много говорили — время было такое! — «исповедывали» вместе… что-то непохожее на то, что она сейчас сказала… Правда, Александра Сергеевна, сознательно и бессознательно, давно рассталась с этими «иллюзиями», но Алтасов-то, может быть, еще не расстался. Он еще недавно печатал о «чарующей гармонии», о «светлых образах» — правда, он говорил о прошедшем, но кто ж его знает, какие у него иллюзии теперь? И вдруг, так неосторожно сорвалось с языка…

И без того, все-то удовольствие какое-то *скрепя сердце*: приехал — занесло его проездом; остался — потому что нет поезда…

Александра Сергеевна отмахивалась от этих размышлений и покорялась, как девица, уже не раз испытавшая необходимость подобной покорности. Все-таки, вот гость, и петербургский, и литератор, и ночует у нее в доме — говори, кто что хочет! Ах, Боже, неужели уж так всех и слушать! Отлично!.. Вот и умна, что всегда одета с утра, не распущена по-провинциальному. Но и вообще, что ж особенно провинциального? И склад, и понятия — уж, кажется, вполне порядочного круга; уж очень он будет разборчив, если что найдет… Только вот сорвалось о деревне. Но и о деревне какой же образованный человек нынче думает иначе?

Атласов между тем улыбался.

— Дорогая моя, сказал он, подавая ей руку: — я вижу, вам тяжело выговорить старому другу, что мы оба вместе были жестоко молоды и — глупы. Да?.. Ничего. Свидетелей нет: сознаемся вместе.

Она передохнула, впрочем, еще не совсем понимая.

— В какую прелестную пору жизни мы узнали друг друга, продолжал Алтасов: — полные веры, полные надежд! Мы были не безумное «молодое поколение», но сильнее его: я — раненый боец, вы — самоотверженная женщина!

Александре Сергеевне мелькнуло, что в ту эпоху ей было за тридцать, и никто не сватался, и у бабушки было очень скучно…

— Мы верили, надеялись и — обманулись, продолжал он. — Обыкновенная история. Мы не первые. Мы платимся за наше заблуждение страшной усталостью: что ж, надо согласиться, многие поплатились и больше, договорил он, слегка понижая голос.

— Да!.. отвечала Александра Сергеевна.

— Зато — мы прозрели. Не будем неблагодарны, начал он серьезно: — и если в этом море житейском мы не разбились и не потонули, вспомним высоконравственное миросозерцание нашего великого поэта: «*Нас было много на челне*»… Уцелел один; он сушит на солнце свою белую одежду и — поет… Образ-то какой! вскричал он с восхищением: — вот художник!

— Художник! повторила Александра Сергеевна.

— Милая вы моя… сказал Алтасов, опять пожимая ей руку. — Ну, рассказывайте же, рассказывайте, да аккуратнее: цифры и имена собственные. Как поживаете, как что. Теперь-то вы свободны, обеспечены…

— Да, я-таки выдержала срок. Ах, эти житейские мелочи…

— Знаю, знаю.

— Они убивают!.. Что же? Ведь мы, женщины, бесправны; мы должны существовать на четырнадцатую часть. Ну-с, я и существовала на оную — вы видели у бабушки, между тем как мой брат…

— Наслаждался жизнью. Это тогда говорили.

— Я говорила? Никогда!

— Не вы, не вы. Я слышал. Он был некогда ополченец, ваш брат? Потом жил безвыездно в деревне?

— Да… принужден был жить.

— В той, что теперь ваша? Что же он, по крайней мере, оставил ее в порядке?

— Он не мог оставить ее не в порядке… Но в нынешнее время не может быть порядка. Я отступилась. Там арендатор.

— Исправный?

— Я приняла свои меры.

— Необходимая житейская мудрость, сказал он задумчиво. — Много земли?

— Слишком тысяча десятин, кроме леса; луга́, два сада, мельницы… говорила она, между тем, как он засмотрелся в даль.

— И дом? спросил он.

— Флигель, комнат в пять; дом я перевезла в город. Вы его видели.

— Я думал, вы нанимаете, сказал он будто про себя, и вдруг живо обернулся. — Ну, вот вы и вся налицо: выстроила палаты и отдала их на школу… Вечно юная!.. Как у вас идет школа?

— Так себе… Элементарная, отвечала Александра Сергеевна, немного закрасневшись.

— Много занимаетесь?

— Да…

— И конфузится! Прелестно!.. Что ж, у вас, стало быть, там и живут они? А то вас нет, а там девочки?

— Нет, но… я сегодня не совсем здорова, летнее время… Кроме всего, они еще учатся рукодельям…

— А вам вздумалось полениться, весело досказал Алтасов: — и отлично; ленитесь, отдыхайте. Рукоделья, конечно, не по вашей части. Кто у вас этим заведует?

— Но… жена моего брата, отвечала Александра Сергеевна, уж совсем вспыхнув.

— Он был женат?

— Перед смертью женился.

Алтасов осторожно помолчал. Александра Сергеевна потупилась.

— Кто она? выговорил он тихо, тоном друга, готового огорчиться, если это потребуется.

— Простая девушка; однодворка.

— Дети? спросил он еще тише.

Она пожала плечами.

— *Он* сделал какое-нибудь распоряжение… чтобы, одним словом, для вас…

— Все устроено. Наследница я одна.

— Семья у нее?

— Сирота.

— И вы оставили ее при себе?

— Да… куда же ей?

— Нет, я думал о вас. Для нее, конечно, все выгоды. Под вашим руководством молодая особа может только выиграть…

— Какая она молодая особа, прервала Александра Сергеевна: — эта история двадцать лет тянулась!

— Двадцать лет?

— Меньше, больше, почему я знаю… Возвратясь из ополчения, мой братец… Ах, все это больно, Петр Николаевич, вы вообразить не можете!

— Расскажите мне все, сказал он тихо.

— О, говорить надо много… все подробности, все мелочи, которые заедают жизнь! Но вы меня знаете! Вы давно меня знаете…

Она схватила его руку.

— Петр Николаевич, право, я стоила больше того, что мне далось! Что ж в том… Ну, в то время, когда у нас еще жили по-людски, я выезжала, я значила в свете…

— Знаю, знаю, повторил он с грустью.

— При жизни папеньки. Состояние было в его руках. Тогда имения давали широкий доход, тогда умели извлекать… Папенька был председателем; он меня любил; я была в доме полной хозяйкой… И вдруг, разом, удар, всему конец! На масленице, на другой же день нашего праздника… Это ужасно! У нас были званые блины, все лучшее общество…

— Воспоминание о былом счастьи… выговорил Алтасов. — Но я это знаю. Вы мне рассказывали внезапную смерть вашего отца. Дальше: ваш брат?

— Он тогда служил здесь при папеньке. Папенька всегда держал его на глазах, будто предчувствовал! Тут и выказалась вся эта дикая воля. Папенька (Бог его знает почему, нелепый какой-то, смешной страх смерти!), папенька ничем не распорядился. Ну, а мудрый закон: «сестра при брате не наследница». Брат, тотчас… трех недель не выждал!.. в отставку, и предложил мне ехать жить в деревню *к нему*. Он уж так и говорил: «*ко мне*». Понимаете, иногда одно слово…

— Понимаю.

— «Распоряжайся всем, как тебе угодно». Но как же распоряжаться, когда он уже сам распорядился? Тогда, помните, была крымская война. Он вызвал из мужиков охотников в ополчение, пошел сам. Что было наличных денег, что можно было обратить в деньги, он это все взял, пожертвовал…

— Широкая русская натура.

— Да-с, но представьте положение молодой, неопытной девушки! Что ж мне в том, что война там, что великий пост; я не затворница; что-нибудь мне нужно, кроме траурного платья; я не могу… Тетка папеньки благородная женщина… Вы ее знали!

— Да.

— Я к ней уехала в Вологду. Она меня поняла. У нее был капитал. Я просила только, чтоб, ради Бога, билеты были переписаны тотчас, прямо на мое имя, чтоб потом с братом этих процессов… Я ненавижу крючкотворство, всю эту бюрократию!.. Бабушка так и сделала. Я настояла! Я дала ей понять папенькину несправедливость ко мне. Так уж, говорю, чтоб другой-то раз этих сюрпризов мне не преподносили… Я вполне заслужила это вознаграждение. Вы знали бабушку, были в доме; мы с вами познакомились в последнее время моего испытания… Ведь я семь лет (мистическое число!), семь лет-с, ни много, ни мало, я выносила капризы старой девы… И сама-то я тоже старая дева!

— Вы? сказал с упреком Алтасов. — Вы — человек!

— Может быть, прошептала она. — Конечно, я всегда умела сохранять свою самостоятельность, я не позволяла себя третировать… Но Бог с нею; она вскоре скончалась. Наконец-то я была независима. Я осталась в Вологде и не видалась с братом.

— Никогда?

— Он приезжал ко мне. Но, Петр Николаевич, могла ли я бывать у него? Я не ригористка, нет, избави Бог, но, вы понимаете, для девушки… Воротясь из ополчения, он завел себе… и кроме того… Кроме того, у него был притон всем этим деятелям тогдашним. Их в N. было вволю. Все это наезжало, жило у него в деревне. Дом, кстати, просторный. Самовары целый день. Планы… Вы не поверите: что-то в роде университета с музеем — для мужиков-то!.. Он тогда приезжал ко мне, наэлектризованный, распевал… Постойте, как это…

Бога мысли, Бога света
К делу жизни призовем...

— А, Щербина! сказал литератор: — «Дело земское, ребята»! *Песнь ополчения*…

— Не знаю. Чего стоил этот музей и все эти затеи… Ну, Петр Николаевич, вы знаете мой образ мыслей? Вы говорите, я не старуха? Не китаец я? Не поклонница мракобесия? Не идиотка?

— Бог с вами, что вы…

— А!.. А мой братец так меня назвал! вскричала она и глаза ее засветились. — Был у нас разговор…

Она передохнула.

— Я… что же? я только благоразумно ему заметила… В его же интересах, право! Ведь не рассчитывала же я, Боже мой, что переживу его!.. Я сказала ему: «Ты останешься ни с чем» — и еще…

Она зашептала.

— «Моли Бога, чтоб самому уцелеть!»

— Что же он отвечал вам? спросил так же тихо Алтасов.

— Отвечал… Но неужели вы не знаете развзяки?

Алтасов кивнул головой.

— Слышал, но *их* так много…

— Да, обыкновенная история. Если бы за нею не было трагедии… Все это было устроено, академия, музей, клиники, приюты… Боже милосердый!

Она усмехнулась, пожимая плечами.

— Года три *они* там учили, лечили, проповедывали, и вдруг, в один прекрасный день, братцу моему ничего больше не осталось, как прохаживаться по пустому дому, сводить счет рассоренным деньгам и наблюдать, как разваливалась академия, из которой ее бывшие ученики кирпичи крали… Еще счастливо отделался!

— Да! сказал отрывисто Алтасов. — Таким натурам легко сходит.

— Нет, знаете, странно: это его все-таки потрясло, возразила она.

— Вы его видели?

— Сил не было! ответила она после минуты молчания. — И это было бы ни к чему. Что я могла ему посоветовать? Службу он всегда так третировал… Но его и не приняли бы на службу; это было уж кончено!.. Похорониться с ним в деревне — но за что же? Я не так роскошно пользовалась жизнью, чтоб еще это… У меня свои привычки, я хочу жить как хочу. У меня было свое состояние — помилуйте, я отрезанный ломоть. Из чего я стала бы мешаться не в свое дело? Добровольно — в чужом пиру похмелье! Ну, *он*, по своей глупости, выкинут из общества; я-то ведь член общества!

— Деятельный и полезный, прибавил Алтасов.

— Не знаю уж какой, но я к нему не поехала. Мы не видались до конца; я не была и при его смерти… я говорю вам все! Если он и скучал — и без меня была утешительница, и лучше меня знала как утешать. Мне, девушке, было бы только неловко… что совершенно понятно! договорила она, помолчав, выжидая, чтоб отозвался гость.

Гость молчал и смотрел в даль. Сыроватое, свежее тепло, запах поля, тишина на широком пространстве, все нежило и наводило на раздумье. Алтасов точно вдруг крепко задумался. Между тем, ему очень хотелось чаю; он дурно пообедал на станции.

Заметив, что подле него замолчали, он бросил свою погасшую сигару и обернулся.

— Ну-с, как же… Когда же он женился? Он вам писал?

— Очень редко. История многих годов. Что такое была эта жизнь…

— Я бы на вашем месте заглянул из любопытства.

— О!.. Но к чему же? И неловко: над ним был надзор. Я знала, что он ни в чем не терпел недостатка, но уж безумно тратиться он не мог; понимаете — помогать там, и прочее. Опека была. Следовательно, я была покойна. Лет через пять этого затворничества, получаю письмо: — «Делаю то, что должен был сделать давно: женюсь на Анюте: у тебя будет сестра…» — *Сестра!!..*

— Да!.. Хорошо!.. сказал Алтасов.

— Ах, нет, она добрая женщина, вскричала Александра Сергеевна. — Вы меня знаете. Чего же требовать? О, я беру из жизни, что могу, я не требовательна… Брат умер вскоре. Он, в самом деле, был разбит, последнее время страдал; она за ним ходила…

Алтасов склонил голову.

— Я и сказала ей: «оставайтесь жить у меня...»

— «*Твоя родина будет моей родиной, твой Бог — моим Богом*»… выговорил Алтасов, глядя в поле. — Незабвенно-прелестная история Руфи…

И, будто забывшись, он тихо положил руку на ее руку.

— Ну, что ж вы поделываете с вашей Руфью? спросил он через минуту; его голос будто изменился.

— Да что — хозяйничаем, отвечала Александра Сергеевна, также удачно растроганная. — Я — вы знаете — не умею, а моя Руфь…

— Мастерица?

— Мастерица. Шьет, варит, солит. Я на ее попечении.

— Ну, это меньшая из ее обязанностей, возразил он серьезно. — Претензий нет у нее?

— Каких?

— Ну, всяких. Общество, знакомства.

— Нет, она скромна. Есть кое-какое воспитание, но она сама чувствует… Это грустно. Я сужу по себе: грустно сознавать, что общество нам чуждо, что мы для него не годимся…

— Как это вы ухитряетесь судить *по себе*? спросил Алтасов. — Вы проказница!

Она засмеялась.

— Нет, но что же… Я думаю, ей грустно. Она должна понимать, что не может быть моим другом.

— Позвольте: но даже и в русском языке нет слова amie — *друг-женщина*. Есть *подруга*, то есть, нечто близкое, но легко могущее отойти и непременно отходящее по воле обстоятельств. *Амишкой* кличут собак.

Александра Сергеевна хохотала.

— Кстати: у вас нет собачки?

— Нет. А что?

— Я так и думал. Вы слишком молоды, чтоб заводиться этой дрянью… Как зовут вашу Руфь?

— Анна Васильевна.

— Очень желал бы скорее ее увидеть.

— Вас заинтересовало?

Алтасов засмеялся.

— Я буду неучтив, сказал он. — Вы сейчас говорили, что хозяйством занимается у вас она; следовательно, я так заключаю — с ее появлением появится и чай, который мне обещали.

— Ах, вы проказник, сказала весело Александра Сергеевна. — Сегодня она, не знаю почему, запропала… Но, кажется, судьба подслушала ваше желание.

По дороге ехала маленькая гремучая тележка. Алтасов накинул pince-nez и смотрел. Александра Сергеевна прищурилась.

— Скорее! закричала она, махая платком. — Видите, как у нас патриархально. Анна Васильевна всегда является пешком, а сегодня, не знаю, должно быть, ей показалось грязно, и она воспользовалась экипажем нашего хозяина: он приезжает по вечерам инспектировать свой завод… Скорее! повторила она, наклоняясь чрез балкон, между тем как приехавшая соскакивала с тележки и бежала в ворота.

— Теперь — сейчас, сказала Александра Сергеевна и выскользнула в комнату, пользуясь тем, что гость засмотрелся в темнеющее поле.

Алтасов засмотрелся нарочно, чтоб дать ей уйти: хозяйке все-таки надо приказать, сообразиться. Он предчувствовал, что «друг» не оставит его на попечение своей Руфи. Ему это было приятно; вообще, он нежился. Маленькая дорожная усталость, множество воздуха необыкновенно развивали аппетит. И странно: разыгрывались всякие аппетиты… — Вот луг; хорошо его внаймы отдавать… Свечной завод. Ведь пропасть свеч всякий день расходится; в N. три чудотворных образа, да монастыри… Все это… Вообще, хорошо бы побольше денег. — По балкону перебежал свет пронесенной свечи; в комнате прошла Александра Сергеевна, не одна; щелкнул замок, звякнул ключ; что-то приказывалось… — «Посылают в город», отвечали кому-то внизу и из ворот проскакал верхом парень в светлой рубахе. Рубаха долго мелькала, долго слышалось шлепанье копыт. Из сарайчика согнутая старуха протащила вязанку дров. Чрез несколько минут в окне какого-то низенького строения запылал огонь; в воздухе потянуло дымом.

— Меня хотят угощать, подумал Алтасов.

Ему было приятно. Что ж, пусть угостят. Старой деве делать нечего, денег девать некуда. В провинции, вообще, едят вкусно; главное, оригинально и свежо… «Юг», куда ехал Алтасов, был всего на какой-нибудь градус южнее N., а место отдохновения — хутор какого-то приятеля, достаточно голая степь, изобилующая сусликами; киргизы, кибитки, прокислые бурдюки… — Тоже, кумыс пила… А, на здоровье. Поживает себе в свое удовольствие. Не сказала, сколько унаследовала от бабушки. Конечно, не меньше, чем от братца, да еще в капиталах: оно вернее. Но и тысяча слишком десятин, кроме леса, имеет свою приятность. Арендатор там… Ну, эту не проведут!.. А чем можно ее провести?..

Алтасов улыбнулся. — Но, нет, серьезно: у всякого есть своя уязвимая сторона. У этой особы — она налицо… Не ошибиться бы… Разве попробовать?

В либерализм в свое время поиграли — ну, и будет. Есть еще многое, чего душа сия не испытала, но как жаждала испытать! — Ей пятьдесят, должно быть. А, на здоровье… Как это до сих пор никому не пришло в голову, никто не вспомнил об этих залежах капиталов?

Странные, в самом деле, были люди в те времена — идеалисты. А еще сами сочинили поговорку о козе в золотых рогах… Может быть, и покушались, да неловко. Ну, после пятидесяти все покажется ловко. Попробовать.

В самом деле, почему нет? Ну, лето, киргизы, суслики — как-нибудь проживется. А потом что? В прошлом году еще были фельетоны, корреспонденции какие-нибудь, а в нынешнем и пристроиться некуда: где полно, а где…

Алтасову было очень неприятно воспоминание о разрыве с редакцией. Он сколько мог отклонял его и его подробности, но рисовать все это в другом свете — можно было только в жару рассказа посторонним, когда рассказчик сам верит тому, что говорит. Наедине с самим собою выходило очень некрасиво и неутешительно, очень нелестно для самолюбия. Было бы даже неловко и со стороны «убеждений»... но Алтасов, по своему художественно-примирительному миросозерцанию, был всегда готов служить своими убеждениями кому и чему угодно. Именно, отгадав эту способность, редакция и предложила ему отставку. Тогда пришлось сделаться чиновником. Но служба что ж, мизерная…

Служба в провинций приятнее; найти не трудно… но хоть бы и не нашлось! — Дом свой. — Можно, пожалуй, и писать, но так, время от времени, ради собственного удовольствия. Свободная работа лучше удастся. Обличения… А, впрочем, прах с этим, со всем… Гоголь и в помышлении не имел иронизировать над своими «Старосветскими». Высокое наслаждение — не мозолить рук, не трудить мозга, почивать мягко, кушать вволю. И человек перед собою обязан этого достигнуть, особенно, когда представляется случай…

— Чай готов, звонко сказала Александра Сергеевна.

Ее фигура в обтянутом платье, с скрученым шлейфом, вырезалась силуэтом на светлой двери. Она приостановилась на пороге и подошла ближе.

— Подать сюда?

— Нет, отвечал Алтасов и, продолжая смотреть в поле, взял через плечо ее руку и поцеловал. — Нет, merci. По сырости пить горячее не годится… Уж стемнело, договорил он, оборачиваясь.

— Я не заметила… сказала она, улыбаясь.

Минуту они помолчали.

— Что ж, идем? напомнила она.

— Пойдемте, сказал он, оставляя ее руку, и встал.

В гостиной у стола за самоваром стояла особа, красивая и молодая; Алтасов, как художник, сейчас заметил, что темное платье и ровный свет висячей лампы особенно хорошо выдают белизну и свежесть этого оживленного лица и прелестных рук. Он даже секунду загляделся.

— Анна Васильевна, сказала, указывая на нее, Александра Сергеевна.

Алтасов раскланялся.

— Мы уж виделись, сказал он: — вы были так добры, объяснили мне, как сюда проехать.

— И потом пожалела, отвечала она весело. — Право.

Она обратилась к Александре Сергеевне.

— Как полил этот ливень, я говорю себе: не глупа ли я? ведь видела тучу; догадаться только сказать: переждите… Бросаюсь от окна к окну; совесть меня мучает. Девочки надо мной смеются: — «Барин, говорят, вас теперь клянет…»

Она смеялась. Александра Сергеевна бросила Алтасову взгляд неуловимый, как-то жалобно извиняющийся. Алтасов отвечал таким же неуловимым взглядом, сострадательно-снисходительным. Анна Васильевна хотела уже наливать чай и спохватилась.

— Да, вам в стакане, сказала она, вышла на минуту, воротилась, вышла еще раз и принесла в салфетке связку булок.

— Виновата, сказала она, выкладывая их пред Александрой Сергеевной: — за дождем я запоздала взять; ваши любимые все

разобрали. Какие есть…

— Из чего столько толку, отвечала едва слышно Александра Сергеевна.
— Что там, все в порядке?

— Да что же?.. Ах, но как мои *маленькие* меня сегодня обрадовали! Это, уж и не знаю… Вообразите, Александра Сергеевна, всю Европу, и главные города, и границы, и реки, и горы, и озеры — по карте, друг перед дружкой рассказали, чего я еще не объясняла, не задавала…

Александра Сергеевна вспыхнула.

— Петр Николаевич, отведайте нашего N—ского печенья, сказала она очень громко.

— Не угодно ли? предложила Анна Васильевна, подвигая ему сливки и масло, и продолжала: — Не помню, когда я была так рада. И как мило! и как охотно! Обещала наградить. Сюда привезли панораму, вы видели афишку? — Поведу их смотреть.

— Всех?

— Что ж, Александра Сергеевна, исключения жалко делать, и за что же? Кто как мог, а усердие было одно. Как козы распрыгались — дети! прибавила она, смеясь и как-то мило пожав плечами, будто извиняясь.

— А сколько этих маленьких? спросил Алтасов.

— Двадцать две.

— Эта щедрота вам будет чего-нибудь стоить, Александра Сергеевна, заметил Алтасов.

— За что ж платить Александре Сергеевне? возразила Анна Васильевна. — Ученицы мои. По справедливости, даже не я заплачу, а они сами, я от них же имею…

— Репетирует... сказала вскользь Александра Сергеевна Алтасову; тот кивнул головой. — Прибавьте мне воды, Анна Васильевна…

— Сейчас… Сегодня, просто, чудесный день. Это, уж старшие отличались. Читали мы все, «Птичек» этих: «*В чужбине свято*

исполняю», да «*Вчера я отворил темницу воздушной пленницы моей*»…

Она читала стихи скороговоркой. Литератор поморщился.

— «Что это, говорят, чем эти поэты хвастаются?» Что птиц выпустили? Да они бы просто их не ловили — а то еще молись за великую милость. Это, говорят, «лицемерие»… Я даже растерялась, и забавно мне, и рада я: значит, дети размышляют…

— Лучше бы они понимали красоты произведения, возразил Алтасов.

Александра Сергеевна была заметно взволнована.

— Все это совершенно лишнее, сказала она резко.

— Конечно… Но чего ж требовать от простой репетиции урока? Чтоб объяснять красоты, нужно уменье, художественное чутье…

— Вот, я отленюсь и за них примусь, сказала Александра Сергеевна, улыбнувшись.

— Вы хотите приняться? вскричала Анна Васильевна. — Что это вам вздумалось? Вы говорили, что у вас голова разбаливается, когда *они* мимо окон идут, а класса вы и вовсе не вынесете. Я люблю-люблю, а все-таки нужна привычка…

Алтасов очень ловко этого не слышал, он озабоченно ощупывал свой боковой карман и, вскочив, бросился на балкон.

— Что вы потеряли? спросила Александра Сергеевна.

— Я вам посвечу, сказала Анна Васильевна.

— Мой портсигар… Благодарю, нашел, отвечал Алтасов, возвращаясь с портфелем, который не покидал его кармана, — вот; лежал на полу, у самой решетки; как не свалился в траву. Как видите, нечто в роде чемодана. Тут все — сигары, деньги, письма, дорожные заметки…

— Заметки? повторила Александра Сергеевна.

— Нельзя же нашему брату… отвечал он шутливо. — Их-то было бы и жаль, если бы пропали.

— Не пропали бы.

— Почему же нет? Я бы не хватился курить до утра, а какой-нибудь заводский рабочий поднял и преблагополучно бы воспользовался презренным, но не презираемым металлом.

— Здесь все рабочие честные, сказала Анна Васильевна.

— Хотя, как ныне водится, этот металл не в металлическом виде, продолжал, не слушая, Алтасов: — сжег бы мои non plus ultra как презреннейшую махорку.

Александра Сергеевна хохотала.

— А летучие листки моих заметок…

— Покажите мне, сказала она, протягивая руку.

— Извольте. Но вы не прочтете. Это черновой набросок стихотворения, карандаш; я пишу мелко…

Она щурилась, разбирая. Анна Васильевна пододвинула ей свечу. Эта помощь была кстати, но привела Александру Сергеевну в нетерпение.

— Я не слепа, заметила она выразительно.

Алтасов наклонялся за нею к бумаге.

— «*Седые твердыни*…» шептала она, стараясь с чувством. — Нет!.. *Твердыни немые и шапки снегов*… *Убежища, гнезда*… Нет!.. «*грозных орлов*»…

— Оставьте, сказал Алтасов, вынимая листок из ее пальцев: — я допишу и отдам вам.

— Посвятите? Напечатаете?

— Может быть.

— Когда это будет?

— Но… когда-нибудь!

— Нет, лучше! когда-то мы еще увидимся?

— Не знаю.

— Знаете ли, что я вспомнила, вот, сию минуту?

— Это знаю, потому что не забываю ничего, никогда.

— Я вспомнила, как мы когда-то читали вместе ваши первые, первые…

— Вздоры.

— Злой человек, ну, зачем так… Разве вы думаете, мне не дорог ваш талант, ваше значение, ваше имя!.. Это неизгладимо! вы не верите?

Алтасов грустно улыбнулся, пожав плечами.

— Вы не верите?

— Может быть, может быть…

— Как вы это говорите! Нет, я не могу слышать этого тона!

— Что же?.. Я вам чрезвычайно благодарен. Вы, по вашей доброте…

— Нет, нет, я не могу слышать! Нет… знаете: вот в эти несколько минут с вами будто что случилось… скажите?

Алтасов помедлил ответом.

— Говорите же!

— Именно, случилось, сказал он, встав и пройдясь, сколько позволяла теснота заставленной комнаты. — Анна Васильевна, позвольте мне еще стаканчик.

— Крепче!.. сказала ей Александра Сергеевна. — Сделать вам тартинку? Видите, я помню все ваши привычки… Если только они не изменились!

— В том и беда, что нет, отвечал он, садясь и принимаясь за чай и тартинку с увлечением, несколько не ладящим с тоном его речи. — Я не изменяюсь, а потому, сейчас…

Он прихлебнул.

— Сейчас… Вы спросили; когда мы увидимся? А я спрашивал себя: что мешало нам до сей поры видеться?

— Что?

— Да, что? И мысленно я решил этот вопрос…

Он быстро оглянулся: в дверь высунулась чья-то голова.

— Боже! вскрикнула Александра Сергеевна. — Ах, Анна Васильевна, это вас зовут…

Анна Васильевна вышла. Алтасов прохаживался.

— Что ж мешало нам видеться? спросила Александра Сергеевна.

— Ваше нежелание, отвечал он.

— Мое нежелание? Каким образом?

— Вы независимы, вы свободны. Положим, нетребовательность есть добродетель, но она часто и легко переходит в нечто похуже порока; в апатию, досказал он, понижая голос. — Меня ужаснула мысль, что, ежели… Нет, лучше и не спрашивать!.. Неужели вам все равно — здесь ли, в этой трущобе, или там, где живется и дышется вольно, где наслаждаются, стремятся… понимаете, стремление, ширь, захват!.. Неужели вам все равно — свечной завод, или чудеса природы, чудеса искусства?.. Нет, вы ничего не хотите! Вы добровольно посхимились, заключились в эту раковину… Так бы сейчас ее вдребезги!

Он поднял кулак по направлению к балкону и городу.

Александра Сергеевна посмотрела на него с удовольствием: он красив… Она как-то смущалась. Весенняя прохлада с балкона, жар лампы и свечей, запах всего вкусного, что было на столе, какой-то особенный склад, даже свет и воздух… что-то особенное, чего никогда не бывало в этой гостиной… Эти слова, эти жесты… Вот стихи лежат… Ночь такая поэтическая… И он сам поэт!.. Но балкон не мешало бы затворить, ему-то хорошо в толстом сюртуке, а на *ней* бареж; пожалуй, и ревматизм… Она слушала. Она забыла, что в начале свидания, ее поздравили с уменьем «отрешиться, уединиться» и прочее. Ей было приятно, что ее укоряли. Она ощущала что-то давно неизведанное: маленькое колыханье сердца, дрожь какая-то, будто внутри все пропадает. Так бывало… давно!.. в мазурке, на гуляньи и где-нибудь, в стороне, до чего-то договариваются, и все ждешь, все ждешь «вот сейчас» — и ничего! И завтра тоже ждется: *он* приедет… И нарочно

удержишь, бывало, папеньку дома, на всякий случай, а между тем, чтоб не помешал, дашь ему, бывало, нумер «Москвитянина». Он себе и заснет в кабинете. А тут ждешь. Платье vert président, цвет был такой в моде в честь Наполеона III…

Алтасов все говорил; она замирала, слушала не слова, а только звуки…

— Итак, если для вас не заманчивы ни волнение жизни, ни красота созданий человеческой мысли — возможно ли предположить, что я — я, песчинка в этом колоссальном движении — я значу для вас что-нибудь? Ясно — я давно забыт!.. Ну, ваша вечная доброта, прежняя дружба — и я когда-нибудь всплываю в вашей памяти, как оторванный листок на воде… а в самом деле, как печатный лист, который вы случайно встречаете, пробегаете и забываете, конечно!

— О, нет, возразила она, расслушав последнее слово. — Но возьмите в рассчет обстоятельства…

— Какие? спросил он с горечью.

— Всякие, отвечала она настоятельно, вспомнив, что и ей надо говорить. — Вы идеалист — протестуйте сколько хотите! — а мы, женщины… О, мы хорошо выучены покоряться… невозможности, обстоятельствам. Наконец, и рассчет какой-нибудь должен быть! Нельзя же, очертя голову. Чтоб поехать в Петербург, знаете ли, что нужно?

— Добрая воля, сказал Алтасов, еще пробуя продолжать на чувствах.

— Прекрасно. А туалет? Сочтите! прибавила она, торжествуя. — Идеалист, что?

— Я тут ничего не понимаю, отвечал он, опустя голову.

— То-то же. А я не могу как-нибудь… Но что же бы я стала делать в Петербурге, прибавила она, как-то испугавшись, потому что он отвернулся и замолчал. — Я отсталая, старуха…

Алтасов не возражал. Она покраснела.

— Разве я не правду говорю? Провинциальный склад, запоздалые суждения, нравственная усталость…

Она не знала, что еще прибавить. Он упорно молчал.

— Вот видите, как я живу. Обжилась. Чего мне больше? Я лучшего не стою.

— Позвольте мне пожать плечами, сказал холодно Алтасов: — это… не знаю что!..

Ее сердце заколотилось.

— Это — болезнь, продолжал он серьезно. — Нравственная болезнь избранных натур: сомнение в себе, в своих силах. Сидят, сидят в какой-нибудь клетке, удивляются, что больно шевельнуть крыльями, а там и вообразят, что уж и крыльев нет. Натурально, если дать волю такой блажи, человек и в самом деле свихнется, и в самом деле будет годиться только в монастырь или в дом сумасшедших… Я не извиняюсь. Обязанность врача — говорить правду.

Он не смотрел на нее, но видел, что она на него смотрит. Она не скрывала, но и не могла бы скрыть блаженства, которое выражалось на ее лице… Ну, зачем это не в городе? Зачем никто не проходит тротуаром, не заглядывает в окошко? Неужели он завтра уедет? Неужели все это только на несколько часов, и потом опять, опять… Душка!..

Она удержалась, нахмурилась и заставила себя размышлять серьезнее. Нет, он прав. Что за глупое сомнение в самой себе. Конечно, в глупом городе, десятки лет… пригляделась, никто не оценит… Ведь вот приехал, и находит, что говорить. Понимает же он что-нибудь! И получше здешних понимает, я думаю…

— Врач… выговорила она, опираясь локтем в стол и закрывая глаза своими тонкими пальцами.

— Больная… сказал Алтасов и взял ее другую руку.

Она ждала, что он поцелует, как тогда, на балконе; он этого не сделал. Было молчание.

— Скучаете вы? спросил он.

— Скучаю.

— Беспредметно? И все надоело? И школа брошена? Я понял, почему она брошена. Да?

— Да.

— И прекрасно. Нечего терзать сердце напрасным трудом; не вы способны восторгаться чепухой… Вы не картежничаете? Врачи спрашивают обо всем.

— Нет, отвечала она, вспоминая зиму, когда их целая компания старых девиц и старых холостяков до света бились в «табельку» и «курочку» и разные другие заманчивые вещи.

— Что ж остается? спросил Алтасов, будто рассуждая сам с собою. — Книги? Их нынче немного таких, чтобы стоило глаза портить. И читать — было бы с кем переговорить о прочитанном. Одиночество или невежество… Развлечение — балаганное что-нибудь! почти вскричал он с негодованием. — И это удел… удел женщины, которая… которая… Нет, так нельзя, не может, не должно быть!

— Что же делать?

— Вырваться! отвечал он, вставая перед нею. — Бежать отсюда хоть на время, передохнуть, воспользоваться жизнью…

— В мои годы?

— Э, полноте! Ну, что вам — тридцать, тридцать пять? Есть наслаждения вечные, обязательные для таких душ, как ваша.

Она не выдержала; ее рука протянулась за его рукою. Алтасов отступил.

— Давайте слово, что нынешней зимой вы будете в Петербурге, сказал он.

— О, зима… возразила она, кокетливо вздрогнув.

— Что ж зима? Зима — очарование. Вы ее и не почувствуете, зимы. Мягкая шубка, покойная карета, теплая ложа, уютный кабинетик с коврами и камином, греть ножки… У меня латании вот с ту вашу березку. Цветы пустяков стоят; вот такая горка гиацинтов…

— Гиацинты? повторила, входя, Анна Васильевна.

Александра Сергеевна бросила на нее быстрый взгляд.

— Все, как вы приказали, отвечала она наивно, не поняв этого взгляда, и опять обратилась к Алтасову. — Вы говорили о цветах. Скажите, извините мое любопытство: правда ли, что в Петербурге камелии в рост человеческий?

— Есть-с, отвечал Алтасов, усмехнувшись.

Александра Сергеевна откинулась на спинку дивана.

— Говорят, целые рощи? Но это с ума сойти, когда зацветут! Уж, конечно, царские?

— Нет-с, и у частных людей.

— Только у меня и зависти, что к цветам, грешница! воскликнула она в восхищении.

— Этих рощ уж нет, отозвалась Александра Сергеевна: — балы там давали; погубили освещением.

— И без них есть еще что посмотреть, заметил Алтасов.

— Я ведь знаю, была, видела.

— И нет желания взглянуть еще раз… и не одной? договорил тихо Алтасов.

Она почти улыбнулась, уж хотела что-то сказать, Анна Васильевна ее перебила.

— А бывает и так, что и не видал, да нет желания видеть, сказала она Алтасову.

— Конечно, кто не любит, не понимает хорошего, кто ленив подумать…

— Нет, и любишь, и понимаешь, и не ленив, а просто вот верю, что все хорошо, воображаю — и довольно с меня.

— Любопытно было бы это объяснить, сказал Алтасов, не оглядываясь на хозяйку; ему мелькнула только ее рука, стучавшая по столу.

— Что ж, это просто, продолжала Анна Васильевна: — думаешь себе: всего хорошего не пересмотришь, а в воображении оно даже всегда лучше.

— Как, природа, искусство, роскошь, развлечения, наслаждения — вы думаете, что вообразите их лучше действительности?

— Искусство и природу? нет, это было бы глупо, отвечала она безобидно: — хоть я и не знаю, могу ли я больше их полюбить, чем теперь люблю; я описания читаю, не начитаюсь… Но роскошь, удовольствия… Знаете, заговорила она, вдруг как-то растроганная: — когда тихо, покойно на душе, добрые люди есть, право, ничего не хочется…

Она увлекалась и конфузилась.

— Стало быть, вас тоже не манит ни Петербург, ни Европа, которую так хорошо вытвердили ваши ученицы? спросил Алтасов.

— А, пожалуй, и так, отвечала она. — Мило, дорого свое, простое. Все бы нам за море, а кругом себя и не смотрим. Жалко, за что же? Видели сегодня, что такое на небе делалось после грозы? И золото, и розовое — а какую музыку птицы подняли… да Боже мой, на что мне опера… Ах, да, Александра Сергеевна, мы на Троицын день сбираемся в машковский лес.

— Счастливого пути, сказала Александра Сергеевна.

Алтасов взглянул на нее.

— Вы видели «Pardon de Ploërmel»… «Динора»? спросил он.

— Нет.

— Вот так лес! И поток, в который *она* падает… И эта трогательная сцена, когда безумная девочка пляшет с своею тенью…

Ему не отвечали. Анна Васильевна неслышно убирала со стола, потом принесла работу и села. Александра Сергеевна уже раскаивалась, что дала волю своему дурному расположению духа и думала, как бы поправить дело, что бы такое спросить, показать… Алтасов оглянулся на работу Анны Васильевны.

— Хорошо? спросила она, расстилая полосу роскошного вышиванья.

— Да, пожалуй, красиво, отвечал он небрежно.

— Видно, что вы не знаток, продолжала она весело. — А это для вашего Петербурга. Заказ. Моя школа постоянно для Петербурга работает. Обираем мы-таки его порядочно, но это и хорошо; девочки небогатые зарабатывают.

— В каких-нибудь углах Петербурга, это, пожалуй, сойдет, возразила Александра Сергеевна: — для общества есть заграничное.

— Ну, и наше сойдет за заграничное, сказала, смеясь, Анна Васильевна.

— О чем вы задумались? спросила Александра Сергеевна Алтасова.

— Странно, сказал он, тоже лукаво улыбнувшись, и как будто извиняясь: — вот сейчас два слова о лесе, о пляшущей девушке, а затем, это вышиванье напомнили мне… Ведь вы не смиренница, не карающая добродетель… Вы это доказываете! прибавил он вдруг серьезно и резко.

— Что ж далее?

— Мне бы хотелось вам покаяться! отвечал он и также внезапно громко засмеялся.

— Кайтесь, произнесла она, едва шевельнув губами.

— О, но ведь покаяние не Бог знает какое, продолжал он: — прегрешения не было; всего-то нà-все полчаса восхищения хорошенькими глазенками, тоненькой ножкой в каблучке… Только, ей-Богу, только! я на мгновение позавидовал ближнему и тут же почувствовал, что это нам…

Он похлопал по своему карману и смеялся. Но его не ободряли на дальнейшее покаяние. Лицо собеседницы снова омрачилось; выражение тусклого недовольства сделалось определеннее, углы рта сжались сосредоточенно, почти гневно. Алтасов это видел.

— Так-то, добрый друг, заговорил он: — вот вам пример, что случается с человеком, когда он один, среди лихорадочной, пустой жизни, когда

он живет не сердцем, не умом, а так… перелетными интересами дня. Разобраться в себе, в своих чувствах, в том, что перед глазами — не с кем. Человек и дурачится. Ему и лезут в голову вздоры. Дальше и дальше — он втягивается; он чувствует, что гибнет, но… гибнет. Так погибнуть очень легко. А будь родная душа, к которой бы можно было придти отдохнуть, от которой можно услышать слово, которая руку подаст… ну, за уши выдерет… Эх, не хотите вы этого понять!

Он встал и расхаживал.

— И смешно, и глупо; и двадцать раз скажешь себе, что глупо. Но что ж делать-то? Жизнь, среда!.. Дайте тихий угол, образованное существо… не педантку, не жеманницу, не деятельницу — упаси от них, Боже, с их педагогией, физиологией!.. Не такую, что отуманит, а потом, когда прозришь, совестно станет пред самим собою!.. Ну, дайте! И не будем мы теряться. Поглядим-поглядим на эти фантасмагории, на какую-нибудь мамзель Адà, и посмеемся вместе с существом истинно дорогим… Она внушит нам лучшие стремления, она озарит наше существование. Да что! и не взглянем тогда, не захотим, не вспомним всей этой мишуры, всей этой… этого измельчания!.. А теперь — что из нас делается?..

Он говорил будто сам с собою. Последние слова он произнес, упираясь головой в притолку балкона и, кстати, затворил его. Анна Васильевна оглянулась, подвинула ближе свечу и стала вырезать решетку на кисее. Александра Сергеевна, потупившись, нервно сжимала свои пальцы. Она забывалась: движение Анны Васильевны ее будто разбудило; ее глаза сверкнули, щеки слабо зарумянились. Ей вдруг подумалось: почему она не живет здесь одна?..

— Что вы там делаете? подите сюда, сказала она Алтасову.

Ее голос дрожал. Алтасов подошел сумрачный… Он, кажется, бледен… Она подумала, что это идет к нему. Как он сказал: «улыбка озаряет существование?» Кажется, так?

— Сядьте. Рассказывайте.

— Приедете в Петербург? спросил он.

— Посмотрим… Ну, посмотрим. Садитесь, рассказывайте.

— Что?

— Все. Ведь я не знаю, как вы живете. Все.

— И глупости?

— Их прежде всего.

Он покачал головою.

— Славная вы, сказал он, вздохнув и садясь. — Да, вам — понимающей, всепрощающей, чистой — не мешает знать и эти глупости… Не мои, не мои, право, не грешен! вскричал он добродушно и грациозно-комично. — Я только тем грешен, что не закрываю глаз… Ну-с. Как мне живется? Скверно… Не в матерьяльном отношении, прибавил он поспешно: — но все-таки нельзя сказать, чтоб было нечувствительно размолвкой с редакцией выкинуть тысячи три-четыре из своего бюджета…

— Зачем вы это сделали? сказала она с упреком.

— Не мог, не мог иначе... Дело убеждения, и этим все сказано!.. Но это в сторону. Без занятия я жить не могу. Я скучаю. Я люблю определенный час труда, отдыха… словом, я — человек семьи, человек угла, я люблю самую формальность порядка! Я взял службу, чтобы хоть утро сидеть на службе. Но это не удовлетворяет, понимаете? почти вскричал он. — Потребность духа…

— Понимаю.

— Я и стал больше бывать в обществе, заговорил он спокойно, пройдясь, чтоб удобнее переменить тон. — Вам надо посмотреть наши кружки. Оживленно, умно, ну, и весело.

— Нужны средства.

— Небольшие.

— Какие же это кружки? Там, где происходят глупости?

— О, нет, сохрани Боже… То совсем в другом роде.

— В каком?

— Вы непременно хотите знать?

— По крайней мере, то, что увлекало вас.

— Да не увлекался я, клянусь вам! вскричал он весело: — вот, на свою беду проговорился…

— Проговорились — кончайте.

— Но что же?

— Вы даже назвали. Как эта, mademoiselle…

— Mademoiselle Ada Dunoyer?.. Да, это, я вам скажу, в самом деле, нечто! Это бес! Есть один господин — называть его незачем, вам все равно; миллионер, горами ворочает. Вдовец. Сыночек лет семи-шести; натурально, нужна гувернантка…

— Гувернантка? Только-то?..

— Нет-с, в гувернантки она не пожелала, и сыночек этот тут ни при чем; только предлог знакомства. Мамзель Ада приняла предложение давать уроки батюшке и они стоят ему уже около сотни тысяч, в ожидании чего еще будуть стоить. Ну — совсем обошла! Какой дом отделал ей, экипажи, соболи, бриллианты… Вот я вспомнил ее по вышиванью; я никогда не видал ничего роскошнее; шелк, золото — все вышитое. Ее *особенность*, ее шик между этими дамами. «Это моя страсть, говорит она; мои крепостные работают…» Раз, после маскарада, собрались; ужин у *него*. Натурально, тут уж все… Вдруг ей фантазия — представить Динору, кружиться с тенью. Какая она Динора, что там! — Саломе! Плечи, руки — очарование — мрамор, горячий, живой мрамор; и запыхалась, ну, и шампанское… «Je n’en puis plus!..» разрывает корсаж — влажный вышитый батист, грудь…

— Эти иностранки позволяют себе не знаю что! вскричала Александра Сергеевна в радостном негодовании.

— О, патриотка! вскричал, хохоча, Алтасов. — «Иностранки!» Она такая же иностранка, как мы с вами. Mademoiselle Ada Dunoyer —

просто-напросто, Александра Петровна Орешкова. Это-то и забавно, что наши соотечественницы…

Анна Васильевна вдруг встала; шитье свалилось на пол; выходя, она невольно толкнулась в дверях. Алтасов оглянулся. Александра Сергеевна сидела, широко раскрыв глаза.

— C’est donc sa fille, выговорила она.

Крылечко, выходившее во двор, было узенькое, крутое, с десятком мелких ступенек и одной толстой перекладиной вместо перил. Крыльцо не для господ. Внизу — большой камень, в дополнение лесенки, под которой осела земля. Земля свежая, жирная. Кусты крапивы и лопуха в рост человеческий; их тяжелый лист не шевельнется. Лужайка с блестящими сырыми тропинками; рогатый частокол; молодая рябинка, тонкая, на воздухе, точно кружево. Над всем синеватый полумрак. Роща стоит черной стеной; небо бледное и какая-то дрожь в нем, будто зарница…

— Зачем она ему сказала?.. думала Анна Васильевна, сходя с крылечка.

Ей казалось невозможно оставаться под кровлей.

— Вам чего? пропищала девочка, выглянув ей вслед, и, не получив ответа, спряталась в сенях.

Анна Васильевна села на ступеньку.

— Зачем она ему сказала? проговорила она вслух. — Вот по-французски не говорю, а все понимаю. Как же это так? что же это?..

Она сидела совершенно безчувственная и бессмысленная.

— Однодворка-то, на завалине выросла, туда же, по-барски! Такие, должно быть, у господ обмороки бывают. Муж умер — сама кутью убирала — ничего… Зачем она ему сказала? Не знал бы, не ведал… О, все знают! На весь свет! Господь в дочери казнит… но за что же? Господи, да что ж это такое? откуда? Как это так могло случиться?..

А *она* ведь рада, что это так. Рада: «яблочко от яблони…» А то зачем бы говорить чужому человеку?..

Она упорно смотрела перед собою. Мысли носились с места на место.

— Завтра утро будет славное. Хорошо пахнет всякой зеленью из рощи. Завтра надо зайти в лавки: в классе нет бумаги. Не опоздать бы, встать пораньше. Да вот этот барин… этот барин…

Она сама не почувствовала, как вскрикнула.

Две прелестные, большие черные собаки поднялись из-под крыльца, мотая мохнатыми хвостами, и стали ласкаться.

— Тютьки… сказала она, дрожа и улыбаясь. — Хлебца вам дать, тютьки?

Она оттолкнула их, заломила руки, закричала во весь голос и бросилась бежать в рощу…

Славные это были, чудесные дни; старики таких не помнили. Война кончилась; кончились страхи, проводы, мгновенно настигающая пустота, когда из семьи вырывается непременно молодой, непременно сила, непременно особенно жаркая любовь, пустота ни с чем не сравнимая, темнее пустоты похорон, когда человек, покоряясь, отдает земное земле. Прошло это, и не будет этого, слез не будет, и, говорят, еще лучше будет… Радуга во все небо, как после потопа. Всякая тьма ушла и нет ее — провалилась. Все зло забыто, все прощено. Все будто начинает жить сызнова, но не шатается, как младенец, а сознательно, достойно поднимается. Откуда берется столько силы, откуда такие смелые голоса, откуда столько любви, умной, честной? И как жить хочется, и как легко живется!..

По весне 1856 г., Табаев воротился из Крыма с своими охотниками, раненый и счастливый: уцелели все до одного. За версту было слышно, как пировало село Орешково. *Батюшка* счет потерял, сколько перевенчал на «красную-горку» и «жен-мироносиц».

Один молодой барин не думал жениться. Он был возбужден всем только что пережитым, всем, что ожидалось, что всегда было его лучшим желанием, мечтой его студентского кружка — что сохранилось и перекипело в душе в те три года, когда родительская воля вырвала его из университета и заперла в N—скую казенную палату. Стыд за эти три года, за свое бесправие, за свою тупую покорность — хотя в те времена они доставались очень многим и многими переносились легко — этот стыд для Табаева был новой, оживляющей силой. Всякая тень стеснения пугала. «Жениться, кто ее знает, какая встретится жена?..» Табаев всегда отделялся от женского общества, совестясь своей казенной палаты. Теперь, свободный, он съездил к бабушке повидаться с сестрой, в их доме посмотрел на дам и девиц и зарекся никогда «не связываться». В порыве первых добрых минут свидания он было подумал позвать к себе погостить Александру Сергеевну — она жаловалась на скуку — но скоро решил: «пускай себе!» и воротился в Орешково один. Он еще немного прихварывал, целые дни читал, лежал или бродил в поле.

Раз он запоздал; стемнело. Он встретил девочку, которая дожинала узкую полосу ржи. Девочка была одна и торопилась; с соседнего поля все разошлись, а она не успела кончить, ее оставили. Чужим людям какое дело. Она круглая сирота, живет тоже у чужих людей, однодворцев; их всего два двора в Орешкове, поселены за оврагом. Бедны; сам хозяин, сам работник; хозяйка тоже нанялась жать, версты за три; ребята маленькие — ее и послали убрать этот клочок. Работы не Бог знает как много, только оврагом идти жутко; говорят, видали бешеную собаку. Табаев дождался, покуда она кончила, и проводил ее за овраг. Он ее успокаивал: собаки никакой нет, но девочка и без того была не труслива, даже не робка и не стеснялась, говоря с барином. Пошутили, посмеялись. Потом она стала расспрашивать про войну. Он рассказывал, сначала не замечая, но потом удивясь, что она не особенно путала имена и события. Он спросил, почему она знает. Она слышала от *батюшки*, когда ходила к нему зимой учиться грамоте; *батюшка* читал газеты. Она тоже читала и писала. Вот зимой *батюшка* опять станет учить «закону». Ей шел шестнадцатый год. Ее звали Аннушка.

Табаев пошел на другой день на однодворческий поселок. В рабочую пору мудрено встретить всегда занятую батрачку, но он встречал ее. Она его радовала, иначе он не мог назвать чувства, которое испытывал, глядя на этого прелестного ретбенка. Она была ребенок. Детство, в шестнадцать лет, редкое во всяком положении. Ее все радовало, она все любила. Она видела, что есть на свете дурное, но ей казалось это «*так*», пройдет, или «делать нечего», или «стало быть, для чего-нибудь», или «по глупости», и всегда «Бог простит»… Это была не тупость, а чистота, положительно не постигающая зла. Она любила молиться, но молилась как-то по-своему. Чутко и жарко понимала она всякие нравственные огорчения, до тонкостей, которые и развитой взрослый понял бы только после внимательного разбора; она схватывала их как-то просто, разом, и высказывала просто, прямыми, простыми словами. Она вся была правда, перед которой было бы страшно, если бы не ее вечная детская веселость. Она была не бойка и не смиренница; она была свободный ребенок. Ее уму хотелось знать, много, все узнать. Она обо всем расспрашивала, что есть на свете, и не знала, как дожить, когда *батюшка* станет учить «закону». Тогда она уж не могла сообразить, что это будет: «все раскроется», говорила она. Она привязалась к Табаеву именно потому, что он много всего рассказывал, и слушала, хохоча от восторга. Он в нее влюбился.

Скоро их встречи и разговоры стали известны всему селению, но девочка и не скрывалась. В сумерки, когда стадо пригнали, народ убрался, она садилась перед своей избой и ждала барина. К ним даже иногда присоединялась компания и все толковали, слушали.

— Идиллия… со злостью говорил себе Табаев, уходя, но в первый ясный вечер приходил опять.

Он не смел приласкать ее и ничем не дарил, подарки не приходили ему в голову. Только раз, когда он показывал ей дорогое издание естественной истории с раскрашенными картинами, и она просила оставить ей еще посмотреть вечером (вечера стали уж длинны), он принес ей подсвечник и две стеариновые свечки… Любовь всегда смешна, если о ней рассказывать.

Все это переменилось очень скоро. Разговоры, картинки, книжки арифметики и священной истории, все это было «баловство». Девка стала мало работать, ее бранили. Из дома она не выходила, но барина не прогонишь. Ее стали попрекать барином… Что-то вдруг колыхнуло ее сердце, что-то понялось страшное и позорное. Она как будто и прежде знала, что это есть, но никогда об этом не думала. Она ужасалась и плакала: Табаев догадался, о чем она не сказала бы ни ему, никому на свете.

Он решил дело просто.

— Что тебе жить у чужих людей, сказал он: — ты вольная, пойдем ко мне.

Он придумал, что она будет помогать его старухе-ключнице и приучаться к хозяйству. Она легко поверила. «Чужие люди» поняли еще проще и сейчас ее отпустили. Табаев нанял им работницу.

Он знал, что поступил отвратительно, но он страстно и искренно ее любил. Она любила преданно, беззаветно, и только в своей любви видела себе прощение. Никто не объяснял ей этого; девочка поняла сама, без мудрствований, чистотой своей детской совести, высоким чувством вдруг развившейся женщины. Она любила его, не барина, который доставил ей покой и удобства, предлагал удовольствия, которых она не хотела и не брала, она легко могла бы взять власть над ним, но даже не понимала, что такое власть. Ей был мил — милый человек, добрый, рассудительный, справедливый. Его все любили. Он входил во всякую душу, во всякое дело, во всякую нужду. Ополченцы, что с ним воротились, рассказывали про него… Она заливалась слезами и бросалась молить за него Бога… Да что молить! он святой…

Он был хорош собой и молод; счастье было такое веселое. Да и время было такое хорошее!..

Через год у них родилась дочь. Это случилось как раз при первых вестях об отмене крепостного права. Говорят иногда, будто «чаша скорбей переполняется», хотя судьба и в переполненное ухитряется еще прибавлять капельки; на переполненную чашу радостей еще никто не жаловался. Табаеву, впрочем, показалось, что ему достается

нечто подобное. Он не знал, куда разорваться. Дома — Анюта, прелестная, тихо гордая, как семнадцатилетняя мать; ребеночек, на которого не наглядишься; деревня — честный, дельный народ, толкующий так здраво, ожидающий так достойно. *Там*, дальше… Надо посмотреть, что *там*.

Он съездил в N., посмотрел на господ, вечером, в клубе, где они сидели между четырех свечей за зелеными столами, не распечатывая карт, прикусывая губы, призадумываясь, торопливо оглядываясь на подходящих и, смотря по тому, кто подходил, грустно приветствуя или замолкая. В своих домах они были откровеннее и шумели. Дамы шумели еще больше; французский язык, ради национального чувства оставленный во время войны, вдруг опять пошел в ход, ради прислуги…

Табаев поехал в Петербург, откуда едва решился вырваться; там ликовали… До сестры было недалеко, он навестил и ее. Там его встретили советы: скорее продать все, все, чтобы не дожить до дней, когда орешковский дом и все село запылают с четырех концов. Он не помнит, когда столько хохотал, и навез рассказов Анюте. Той же зимой с *батюшкой* отцом Петром они открыли школу, уж «настоящую», с учителем из старых студентов.

Год прошел в работе, в мире, в ожидании. Как крупный помещик, Табаев был выбран членом N—ского комитета по крестьянскому делу. Он и сам постарался, чтобы его выбрали. Он весь жил в деле, он обожал дело и потому считал себя нужным. На полгода он расстался с своей Анютой, с своей Сашей, урывался взглянуть на них как-нибудь в редкие промежутки, ломал бока на перекладной, чтоб не опоздать к заседаниям. Он работал целые ночи, писал и говорил много, еще больше спорил и подавал отдельные мнения. Он нажил себе непримиримых врагов, знал это и не унывал. Его называли «беспокойным, опасным», он только смеялся… Весной 1859 он был дома, довольный, возбужденный, как человек, исполнивший свою обязанность, как мореход, завидевший землю…

Кто прожил эти годы и помнит, тот знает, как трудно пересказать их. Первые понятия, первая любовь, первые часы выздоровления не

передаются никакими словами… Что-то торжественно тихое, будто канун большого праздника; дом убран, свечи еще не зажжены, но готовы, и все ждет колокола, который разольется в ночи. И самая уплывающая ночь такая благодатная; в ней свершилось что-то, в ней что-то воскресло; она уже светлеет янтарной восходящей зарей… Разум, свобода!..

Конечно, кто как помнит…

Это невозвратное осуждалось не раз. Его стремления называли безумием, над ним глумились без пощады, на него клеветали без совести. Его похоронили…

Анна Васильевна опомнилась, споткнувшись о срубленное дерево в роще.

— Что это со мной? подумала она.

Ей померещились рощи Орешкова и крохотная девочка, которая, бывало, в сумерках бежала, держась за ее платье.

Красавица была девочка…

Молодежь эта, бывало, с рук ее не спускает; с собой и на постройки, с собой рыбу удить. Матери урок зададут, учи, а покуда за Сашей точно приглядят… Отец-то, Господи, души в ней не чаял! Проказница была, вострушка…

Вот выросла.

Как же это?.. Но что ж это за люди *там*? Приезжий этот, сочинитель, ведь уж не молоденький. *Те* были и молоды, но кто же когда слышал от них нескромное слово? — «Любить, говорили они, а не развратничать»… Бывало, скажут: «кто любит честно, тот прав, Анна Васильевна»…

Они первые стали так ее звать; а то все была «Аннушка». Они ее уважали. Они по-своему объясняли, читали, что глупо чванство, что грешно богатеть; она прежде еще так понимала, только по-своему;

перетолковали вместе — и вышло одно и то же. Славные, простые были, милые, настоящие друзья. А как они *его*-то любили, и он… он с ними еще лучше стал. Веселые какие, как трудились, как много знали. И все, бывало: — «Учитесь, учитесь, Анна Васильевна, дочке пригодитесь»…

Пригодилась!.. Создатель, да не легче ли было бы тогда ее схоронить?..

Она остановилась, безумная. Все смешивалось, настоящее, прошедшее… — «Схоронить…» Саша однажды ножку о стекло разрезала, кровь была на траве; студенты испугались за мать. Это вот перед глазами!.. Только теперь это ее материнское сердце лежит, вырвано, растоптано… больно!.. Саша, Бог с тобой, что же ты это? Зачем? Ведь если бы тебе была неволя, нынче нет крепостных! Если бы ты из-за куска хлеба, но, сокровище мое, у тебя есть кусок хлеба, ты выучена, воспитана… Ну, недостало бы тебе, или силы недостало бы заработать, я-то на что же, дочка моя — жизнь моя, сердце мое… вот оно в крови валяется! Саша, возьми все у меня, все, наряжу, полакомлю… Господи, это для нее, на похвальбу перед развратниками, я работала… она узоры присылала… — «Крепостные мои»… Саша, не грех ли тебе? ведь не я одна, ведь невинные дети трудились, за что ж ты их-то на такой стыд… Ты платила… Боже ты мой, что ж это, какими же деньгами она платила? Дом, бриллианты… Александра Петровна, или как там тебя зовут, что ты такое? Ты скажешь, твоя мать пятнадцать лет прожила любовницей у барина, так твоя мать любила, горе делила, как законные не любят и не делят! Твоя мать нищей к нему пришла, нищей вышла! Честные люди, каких нынче нет, у твоей матери руки целовали, а о тебе вон старичок сердечный рассказывает…

— Да что же я-то одурела, что ли? Чего же мне ждать? Я к ней поеду, я ей скажу, она у меня за разум хватится, она меня узнает! Я ей скажу, я ей в ноги упаду… Саша, Христос таких прощал, только опомнись! Свет мой, дитя мое… Ох, не попрекну, я сама грешница… Воротись ко мне, припади ко мне, милая, красавица! Я тебя, все равно, как от купели, моими слезами… Я к ней поеду. Сейчас… завтра. Найду ее; чего ж еще

ждать? Кто меня остановит? Ну, заперли бы меня, а я бы в окошко увидала, что ее звери терзают, я бы к ней в окошко кинулась. Поеду, найду; все Бог. Погляжу на свою… милка ты моя, радость моя…

В роще давно ее кликали кухарка и работник, воротившийся из города. Девочка, которая подслушивала в сенях, сказала им, что Анна Васильевна убежала.

— Кушать подавайте! кричала она с крыльца.

Анна Васильевна поднялась на крыльцо.

Она все вспомнила, что было нужно, достала саксонские чашки и разлила бульон, уложила на блюдо пирожное, привезенное из городской кондитерской, поставила в холодильницу вино — о чем особенно приказывала Александра Сергеевна. Девочка отправилась накрывать стол.

— Мне не надо прибора, сказала Анна Васильевна, выдавая ей старинное серебро.

— Да вам и не велено. У вас в комнате надо барину постель постлать.

Анна Васильевна убрала свою комнату и приготовила постель Алтасову. Она подумала, что и завтра тоже не будет ночевать здесь и не машинально, но совершенно спокойно вынула из-под дивана маленький чемодан, из шкафа немного белья и платья, и уложилась, не спеша, привычно. В чемодане было еще просторно. Она взяла со стола крошечную шкатулку, где были ее бумаги и деньги, просмотрела и пересчитала. Все как должно, только денег мало, своих. А это — *ее* деньги; она прислала к святой в подарок сто рублей… Подарок!.. Ну, пусть идет он ей же на спасение. Искать ее придется, может быть, долго. Не спрашивать же у этого барина, на какой улице, какой дом…

Она почувствовала, что опять холодеет. Нет, нет, этих причуд не надо. Надо здоровой быть. Полгода на простынях переворачивала милого человека, последний его вздох приняла… Господи, да ты никак выше сил посылаешь… Нет, не надо; и чтоб никто не приметил…

Она заперла чемодан и задвинула его опять на место.

— Афимья, сказала она кухарке: — я ночую у тебя в избе. Захвати-ка мой бурнус из прихожей; мне в город надо рано, так чтоб никого не разбудить…

— И гостя велено рано будить, и чтоб самовар…

— Это увидим.

Она ушла чрез маленькое крыльцо. Господа вставали из-за стола. Девочка прибежала сообщить кухарке, что за ужином барин у барышни все целовал ручки. Теперь прощаются. Барышня завтра не встанет его провожать.

Александра Сергеевна, в самом деле, сообразила, что ее туалет не может быть окончен к раннему отъезду гостя, но уверяла, что проснется, что непременно еще увидится. Алтасов понимал, в чем дело и был очаровательно резок.

— Я никогда не прощу себе, если лишу вас хоть одной минуты сна, который вам необходим — необходим, поймите, не капризничайте. Ну, да, да, не капризничайте. Нервная натура — и прерывать грезы, эту негу отдохновения —

Спи, еще зарею
Холодно и рано…

— О поэт!

— Простимся же теперь. Прощайте…

— Нет… до свиданья.

— До свиданья? Когда?

— В сентябре… в Петербурге.

— О, так я сам в августе буду здесь!

— Вы? вы приедете?

— Приеду за вами, приеду напомнить, увезу вас…

— Неужели? и мы увидимся?..

— «Выпьем за наше свиданье!» пропел он, наливая два бокала. — Чокнемся!

Девочка провела его в комнату Анны Васильевны. В коридоре еще мелькнул бледный бареж и прозвучало прощанье, когда Алтасов запирал дверь. Окно оставалось весь вечер настежь; охватывала влажная дрожь, точно после слез. Алтасов зевал и смеялся, укладываясь с наслаждением.

— Славно!.. Теперь, не оплошать бы только в августе. А до тех пор поддерживать, поддерживать — ну, письма, послания. И — в Петербург, справлять медовый месяц. Здесь удобнее кончить и туда ловчее явиться, когда уж кончено… А то, пожалуй, ну его и Петербург…

Он заснул.

— «В августе...» В половине августа пост уж кончается… думала Александра Сергеевна, пока девочка снимала с нее туфли.

Эта девочка была ее временной камеристкой. Камеристки менялись слишком часто, отчего делалось все затруднительнее сейчас находить опытных и ловких. Летом Александра Сергеевна обходилась услугами одной этой, но, впрочем, была особенно довольна ее преданностью и наивностью.

— Ты говоришь, она в кухне легла?

— В кухне-с.

— Давно?

— Вы еще кушали, ушла.

— Так все и осталось неубранное, и серебро, и белье?

— Афимья, должно быть, в буфетный шкаф заперла.

— Она и ключ бросила Афимье своей. Прекрасно все это, порядок. И, конечно, не в первый раз; только я одна не знаю, что творится.

Девочка с сожалением усмехнулась.

— Где ж теперь этот ключ?

— Афимья к ней понесла.

— К ней?.. Все чудесно. Вот я завтра посмотрю… Ступай, да запри все окна, огляди… В кухню изволила отправиться, а в доме одна девчонка… Зарежут!

— Бог милостив-с. Приятного сна.

Сон, конечно, мог быть очень приятен, но он долго не приходил. Хозяйственные заботы смутили Александру Сергеевну и перепутались с мечтами. Впрочем, одно как-то дополняло другое, почти украшало… Человек никогда не знает, что с ним будет… ах, какая правда! Вчера засыпала, думала: все кончено, все в жизни. И вдруг, откуда-то издалека, является… Ну, право, премилый. Ну, ей-богу, *они* все здесь взбесятся, когда это случится! Не выпущу его ни за что. Писать ему буду… «Бугуруслан, станция…»

Она вскочила, забыв туфли, отыскала где-то карандаш и записала адрес на верху листа газеты.

— Нечего откладывать до Петербурга. Он еще там завертится и — ищи его. Там, конечно, обошлось бы дешевле, но ведь один раз в жизни человеку бывает удача. Здесь, en grand. Нельзя иначе: век свой жила порядочно. И пускай видят, за кого выходит Табаева… Уж надеюсь, можно в люди показать!.. а повенчаться *там*, за глазами, еще скажут, поймала какого-нибудь за свои денежки… Мои деньги при мне и при мне останутся. Это уж мое дело… В своем приходе. Церковь большая. В августе для иллюминации ночи хороши…

Она соображала свой наряд… Fleurs d’oranges — несомненно, и вуаль. Но — серое серебристое, или, уж так и быть, совсем белое?..

Анна Васильевна заснула, думая тоже о свадьбе; она вспоминала свою.

Молодых друзей не стало, не было даже вестей о них. Табаев остался один, как в первое время своего возвращения с войны. Но это было далеко не одно и то же.

Тогда, оживленный, довольный, он легко сходился с людьми и его тоже не чуждались. Он заводил знакомства, искал деятельности, проповедывал для деятельности, советовал, помогал, не унывал при ошибках, тратил деньги, отдавался весь «пользе общей» — как тогда понимало ее большинство честных людей, схватившихся за дело радостно, хотя непривычно. Табаев знал, что ему сочувствуют, что поддержка сильна. Это кончилось вдруг, слишком неожиданно и резко. Уцелеть возбуждению было невозможно; слабый характер сказался, когда оно прошло. В тридцать четыре года этот красивый молодец, «широкая натура», был сломан даже физически. Те, кто говорил про него, что он фразирует и позирует, поверили его искренности, когда он слег в горячке. Зато, разумеется, нашлись другие, которые назвали его трусом. Дураком стали считать все. Больнее всего было, когда те, что, казалось, были с ним заодно, кто из страха, кто не трудясь подумать, кто рассчитав выгоду — отступались, отходили прочь, смотрели на него как на мертвого…

Так прошло несколько лет. Табаев не выезжал из деревни. Воротам не для кого было отворяться, их заносило сугробами. Дорожки сада зарастали кустами; там гуляла только молодая женщина с своей красавицей девочкой. Они одни все красили, они одни утешали. С того дня, как случилось «несчастие», Табаев не видал слез Анны Васильевны. — «Сохрани Бог его еще огорчить», решила она. Это была вечная затаенность, вечное притворство спокойствия, твердость, кроткая ясность, тихо ласкающая, как вешнее тепло. Это было терпение, но полное достоинства и силы; оно образумливало и заставляло человека помнить свое собственное достоинство. Каким «секретом» достигла этого простая *неученая* женщина? Она его любила, она поняла его душу, его несчастие; он стал ей еще милее, именно за такое несчастие. Измученный, оставленный, запертый в деревне, лишенный общества, деятельности и значения, скучающий, больной — Табаев не огрубел, не потерялся, единственно благодаря ее любви. Неутомимая женщина хлопотала, хозяйничала, учила дочь

всему, что знала, чему выучили ее студенты, училась сама, читала вслух целыми днями, пристрастилась к цветам и пристрастила Табаева, шуткой находила ему занятия. Уходя копаться в цветнике, она оставляла ему девочку и книгу; занимаясь с Сашей, Табаев слышал, как распевала Анна Васильевна… Это было счастье тюрьмы, но, все-таки, это было счастье.

— Саше десятый год; нам одним ее не воспитать, сказал он однажды.

— Я это сейчас думала, отвечала Анна Васильевна.

Они часто так встречались мыслью.

— Сюда к нам никто не пойдет, а гувернантки — вздор, продолжал он.

— Я тоже думала. Ее надо отдать.

Она не пугалась ни разлуки, ни пустоты. В свое короткое студентство, Табаев знал в Москве один пансион; старуха начальница уж сдала его своей дочери, но жила в заведении и помнила Табаева. Они списались. Табаев не мог ехать сам; Анна Васильевна отвезла Сашу.

Но она слишком рассчитывала на одно свое мужество. Когда в доме затихла беготня, исчезли куклы, прекратилось ученье, когда некого было целовать и баловать — дом стал могилой. Отец и мать не сказали этого друг другу, сойдясь мыслью. Она напрасно смеялась и пела, напрасно готовила сласти и шила Саше обновки для вакации, стараясь заставить его ждать и надеяться; он не надеялся и не ждал. Она еще прилежнее засела учиться, выписывала книги, узнавая, догадываясь, каких бы ему хотелось; он тосковал. На вакацию некому было ехать за Сашей: Табаев занемог, Анна Васильевна от него не отходила.

Дни тянулись без конца, а эту жизнь приходилось считать годами. Прошел еще год. Табаев едва бродил; по необъяснимой прихоти смертельно больного, он не хотел видеть Саши.

— Вакация — только дразнить себя на два месяца, говорил он: — погоди, к зиме поправлюсь и, никого не спросим, укатим с тобой в Москву. Что тут сидеть…

Он тоже начал притворяться… До этой минуты, она все еще не то, чтобы не верила, не то, что отталкивала страшную мысль; она сама не знала, но еще как-то выносилось. Теперь… Но ее слез никто не видал. У этого обиженного человека во всем свете — она одна; она его не огорчит…

У нее доставало силы скрываться, доставало кротости, улыбаясь, переносить неизбежные вспышки и причуды, за которые этот несчастный платился, раскаиваясь тяжелее, чем обижал; у нее хватало здоровья не спать, не есть, помнить все подробности и дрязги хозяйства, чтоб он не заметил перемены, не беспокоился…

— «Бог помогает», говорила она, всякий день готовая на пытку. Но не в ее власти было оживить этот дом, поблеклый, потемнелый, где в пустоте откликался всякий шорох, где в серых углах что-то мерещилось. В доме жило отчаяние. Умирающий это видел.

Осень настала с туманами и дождями. Одним вечером она читала, он лежал в креслах и вдруг прервал ее.

— Пошли за отцом Петром.

Она невольно вскочила.

— Не пугайся. Я только с ним потолкую. Но прежде — с тобой.

— О чем? выговорила она.

— Подойди ко мне… Я хочу с тобой обвенчаться, Анюта.

— Обвенчаться? повторила она. — Зачем?

— Зачем? чтоб тебя от моего тела не прогнали, когда я ноги протяну.

— Кто ж это осмелится?

— Осмелятся, найдутся, отвечал он, раздражаясь. — И прогонят, и наругаются… Я — тобой жил. Я тебя на оскорбления не отдам…

В первый морозный день они дошли до церкви и повенчались. Возвратясь, Табаев слег и уж не вставал больше. Анна Васильевна известила Александру Сергеевну.

Александра Сергеевна приехала поздно вечером в день похорон. За ней был выслан экипаж на станцию железной дороги, ее ждали, но она, казалось, не заметила ничего этого, так же как и Анны Васильевны, которая встретила ее в сенях. Она проходила комнаты, молча. В зале, указывая в пространство, она произнесла только: — «Здесь?» — и, не дожидаясь ответа, упала на пол, на том месте, где, по соображению, должен был стоять гроб. Поднявшись, она спросила у лакеев, может ли получить комнату. Анна Васильевна отвечала, что комната для нее приготовлена, взяла свечу и проводила ее. Александра Сергеевна ее не видела.

Анна Васильевна была слишком разбита, чтоб обратить на это внимание, и во всяком случае не поняла бы, как *это* делается. Александра Сергеевна отказалась от ужина и приказала приехавшей с собой горничной поставить в комнате лампу, потому что не уснет всю ночь. Анна Васильевна перезябла в нетопленных комнатах и на вьюге, выпила несколько чашек чая и заснула.

Поутру ей очень хотелось скорее видеть приезжую, но она не смела ее беспокоить. Александра Сергеевна прислала за нею сама. Она уже встала и была одета в черном кашемире со шлейфом и в черной креповой наколке. Анна Васильевна не заметила взгляда, брошенного на ее клетчатую блузу, потому что не заметила, как ее надела по привычке; последние дни, она все ее носила.

— Вы — Анна Васильевна? спросила Александра Сергеевна.

— Да, отвечала она.

— Очень рада. Садитесь. — Кофе подать мне сюда, приказала она своей горничной. — Вы были у обедни? Я — не в состоянии. Это слишком, слишком…

Она зарыдала. Анна Васильевна не плакала, по привычке.

— Брат! За что? вскричала Александра Сергеевна, обращаясь к невидимой тени. — За что? В последние твои дни… за что? За что отбросить меня, оскорбить… Ну, прервалась она: — что сделано — не воротишь!.. Анна Васильевна, мы живем не на облаках. Я слышала о вас, что вы были особенно расположены к людям, которые довели

брата до этого ужасного состояния, то есть их идеи довели… Вы понимаете: идеи?.. Но ведь им следовать нельзя. Собственность есть собственность. И семья есть семья, что бы ни говорили…

— Я хотела вам сказать… прервала Анна Васильевна.

— Да-с, но мой брат, женясь на вас, доставил вам права. Вы, без всякого сомнения, это знали. (Она усмехнулась). Я — законная наследница, но вы, как жена, можете требовать…

— Вот я и шла вам сказать, снова прервала Анна Васильевна: — я жена ему…

Ее голос дрогнул.

— Жена — без году неделю. Какие мои права? Довольно с меня — он дал мне свое имя. Больше этого ничего на свете дать нельзя. И я бы не взяла. И ничего не возьму.

— Говорите, пожалуйста, понятнее: чего вы не возьмете.

— Да ничего, отвечала она просто. — Наследства я никакого не хочу, потому что не стою.

— То есть, как же? вы вашей части не возьмете? седьмой части?

— Не знаю, какой части; я ничего не возьму.

— Но это надо объявить формальным порядком.

— Вот я и шла вам сказать. Вы будете принимать наследство, чиновники будут; вы меня научите.

— Очень хорошо… Что же, вы имеете в виду как-нибудь устроиться? куда-нибудь уедете? родственники у вас?

Несчастная женщина схватилась за голову.

— Никого у меня нет, вскрикнула она: — его нет и никого нет!

Горничная, вносившая кофе, почти столкнулась с нею.

— К чему эти сцены? сказала Александра Сергеевна. — Неужели вы можете воображать, что мне легче? Я потеряла более, нежели вы… Полноте. Садитесь; не стесняйтесь передо мною. Я слишком уважаю

память брата, и теперь, когда уже сама церковь… и такое бескорыстие… Полноте, милая, не огорчайте меня.

Она подошла и поцеловала ее.

— Скажите, чего бы вы хотели. Забудем все прошлое. Вы теперь имеете положение и я могу, не женируясь, рекомендовать вас, устроить… Чего бы вы хотели? Я готова. Я даже сочту своей обязанностью…

— У вас передо мной нет обязанностей.

— Положим так, но… Ну, живее, бодрее! подумаем вместе. Что вы умеете делать?

— Ничего.

— Как это? Неужели вы так мало думали о вашем будущем?.. Кстати, мой брат что-нибудь дарил вам?

— Билет есть в четыре тысячи, отвечала Анна Васильевна, будто во сне.

— На неизвестного?

— Именной.

— Ну, вот вы с ним и устроитесь. Деньги не маленькие.

— Это не мое, тихо возразила Анна Васильевна.

Александра Сергеевна ничего не сказала. Она знала, что есть на свете Саша, но будто не знала, и дальше не спрашивала. Анна Васильевна не рассказывала. Билет был написан при рождении Саши, когда Табаев еще мог располагать тем, что имел. Он записал немного, но больше тогда и не было денег; да и на что больше? покуда девочка растет, учится…

Анна Васильевна обмерла: Саша учится, да, покуда за нее платят. Теперь кто будет платить? чем платить?..

— Так у вас больше ничего нет?.. сказала Александра Сергеевна. — Что ж вы намерены делать?

— Наймусь в ключницы, отвечала спокойно Анна Васильевна.

— Будто вы можете? что вы умеете?

Анна Васильевна должна была все пересчитать, рассказать; она пятнадцать лет хозяйничала. Александра Сергееевна задумалась.

— Будемте вместе пить кофе, сказала она. — Это вы готовили? И сухарики?.. Отлично!.. Сколько здесь коров для сливок?

— Это записано, отвечала Анна Васильевна.

— Вы записываете? хорошо… Знаете, в ключницы… Я ничего не имею против этого занятия; это прекрасно, и выгодно, и совершенно вам по силам… Но мне будет неловко. Поймите — мы носим одно имя…

— Уж от своего имени я не откажусь, возразила Анна Васильевна. — Но что ж вам?

— Ну, это вы можете принимать так, возразила, слегка вспыхнув, Александра Сергеевна: — но для дочери трехсотлетнего дворянина, когда меня все знают, родственница-ключница!.. Разве вот что; сделать так: останьтесь у меня. Право. Вам здесь знакомо. Я буду покойна, что все останется на тех же руках. Покуда исполнятся все формальности, покуда я совсем переселюсь в N., вы здесь приглядите. Я буду покойнее. Оставайтесь. Я заплачу вам, как другие… Даже больше, потому что вы займетесь всем, решительно всем в доме; ваше дело будет — беречь, а мое — расплачиваться. Хотите? полтораста рублей в год?

— Триста, сказала Анна Васильевна.

Эта сумма платилась за Сашу.

Александра Сергеевна усмехнулась.

— Я не скупа, сказала она: — но потрудитесь сосчитать, с какого капитала могут быть такие проценты. Живя на готовом, пользуясь всем и получая такие деньги… Нельзя сказать, чтоб вы *от всего* отказывались! Ваш рассчет недурной. Так, как же?

— Как хотите… отвечала Анна Васильевна в смущении.

— Так и быть: сто восемьдесят. Вам никто больше не даст; это можно дать только за известность. Очень рада. Стало быть, мы не расстанемся?

Приехали чиновники; Анну Васильевну научили, как написать формальное отречение от всех прав наследства; Александра Сергеевна была утверждена, введена во владение, официально объявила прислуге о должности, которую заняла Анна Васильевна, и затем уехала назад в Вологду, чтоб устроить свое окончательное переселение в N. — Покуда в Орешкове ничто не переменилось. Анна Васильевна бродила по дому, по сугробам на кладбище и хозяйничала.

Так проходила зима. Анна Васильевна думала о Саше. Взглянула бы на нее… теперь это уж совсем невозможно! Не с чем. Главное — не с чем. Кроме платы за ученье, а ее недостает! — Саша растет, ей нужно… И самой нужно, хоть и живет на готовом. Где взять?.. Она вспомнила своих студентов, вспомнила все, что знала, что прочла, длинными вечерами прочла сызнова все свои учебники, съездила не в N., а в другой губернский город, подальше, и держала в гимназии экзамен на учительницу. Никакое горе не разрушало этой жизненной силы; цель была — Саша… Только, воротясь домой, придя в *его* комнату *показать свой аттестат*, она отчаянно наплакалась…

Весной, когда зацвели яблони, приехали плотники и орешковский дом стали ломать; Александра Сергеевна перевозила его в город N., где уже жила на квартире. Она написала Анне Васильевне, что не может видеть этого дома в том же виде и на том же месте… — «Вы не поймете этого чувства»… Флигель, где когда-то была школа, было приказано отделать для приезда Александры Сергеевны. Покуда Анна Васильевна прожила там до осени, хозяйничая, в годовщину помянула мужа и, приехав в N., не узнала орешковского дома на новом месте. Тут она решилась попросить позволения Александры Сергеевны — завести школу.

— Вы хотите от меня уйти? так говорили бы раньше!

Но это обошлось. Александра Сергеевна сообразила сама, что занятия Анны Васильевны не помешают порядку дома и еще отвлекут ее от гостиной, где ее присутствие Александра Сергеевна находила совершенно излишним. Хозяйство — обязанность, которой она, конечно, не забудет и которую можно и напомнить. В доме были две комнаты с другого подъезда; они назначались для кладовой и гардероба. Александра Сергеевна позволила занять их. Одна обратилась в классную, другая служила жильем Анне Васильевне. Директор N—ской гимназии и губернатор поблагодарили Александру Сергеевну за такое внимание к народному образованию. Женская деятельность была в ходу. Александра Сергеевна нашла, что надпись «*Школа А. Табаевой*» очень оригинальна; она даже сама пригласила архиерея благословить. Весь N. называл школу — ее школой.

Анна Васильевна вставала с зарею и хозяйничала. Они виделись с Александрой Сергеевной по утрам, изредка вечером и никогда за обедом. Это было время уроков рукоделья. Александра Сергеевна держалась с нею прилично, иногда даже бывала ласкова, когда в ее светской жизни что-нибудь приводило ее в хорошее расположение духа. Кое-кому из знакомых она представила «родственницу». Анна Васильевна бывала только у матерей своих учениц. Она тоже поняла свою родственницу, и не ушла, потому что трудилась добросовестно, следовательно, жила не даром. И к тому же, где ни жить — горе все одно. Это — для Саши. В школе, во всякой девочке, она видела свою Сашу, и дело, которое и без того было по душе, становилось ближе день ото дня. Понемногу она начала забываться в нем, крепче привязываться к *этому* труду и яснее понимать его. Горе затихало, заживало как-то. Ласки детей начали вызывать в ней ее прежнюю милую веселость, ей жилось легче…

Одно только: в четыре года она всего раз видела свою Сашу. Александра Сергеевна отпустила ее на один день в Москву — больше нельзя оставить дома и школы — день, как на беду, случился будни. Саша вышла во время классной перемены на минутку, торопясь; кругом много народу, нельзя сказать слова… Анна Васильевна думала как-нибудь взять ее на вакации в Орешково, но флигель был

маленький, Александра Сергеевна переезжала сама… а Александра Сергеевна никогда даже не называла Саши.

Она как-то ловко это делала, так ловко, что мать не называла и сама. Это было странное чувство, чувство ужасающее: смесь забитой покорности и гордости выше всякой меры… — Ну, Саша кончит курс, приедет, тогда… тогда уйдем с ней вместе, наберем учениц, будем поживать…

В один прелестный майский день 1875, на заре, Анну Васильевну разбудило восклицание.

— Вставайте! Здравствуйте!

Перед ней стояла девушка, тоненькая, стройная, черноглазая, яркая, как это утро, ловкая в подобранном платье с сотней блестящих пуговиц, с сумкой чрез плечо, в шляпке с сизым крылом. Она тормошила Анну Васильевну за плечи.

— Вставайте, довольно вам спать!

— Саша!..

— Она. Ну, здравствуйте. Велите внести мой чемодан; меня дворник впустил сюда не знаю какими ходами. Как вы это живете.

Анна Васильевна накинула платье, отыскала дворника, принесла воды. Она нашла свое сокровище лежащее на диване.

— Уж устала! Проклятая дорога, черепашья, а еще называется курьерский поезд!

— Ты на куьерском?

— Конечно. Неужели вы думали, я в третьем классе? Это уж Бог знает что. — Вы меня не ждали?

— Не ждала. Я хотела тебе послать денег на будущей неделе…

— Да, хотели, и когда б еще послали. Я у Маши Голицевой взяла пятьдесят рублей. Этакая счастливица — она завтра в Петербург едет… Мне сказали, отсюда поезд пойдет в Москву в девять часов утра,

почтовый. Я напишу Маше; она до своего отъезда еще получит. Есть тут у вас бумага?

— Постой, успеешь, сказала мать. — Дай на себя посмотреть.

— Вы покуда смотрите, а я буду писать. Да что у вас — какое странное жилье.

— Ты знаешь, голубчик, школа…

— Ну, что же, все же есть какая-нибудь свободная комната.

— Только эта, моя радость.

— Как, только? такой громадный дом.

— Дом Александры Сергеевны. Мы с тобой покуда тут поместимся, прибавила Анна Васильевна.

— Зачем?

— Ты знаешь, зачем: я живу у нее.

— Ну, знаю, экономкой, кухаркой. Но теперь-то уж, я думаю, довольно.

— Конечно; мы заведем свою школу…

— Что такое?

Мать повторила.

— Это зачем? Я вовсе не хочу вашей школы! Вы имеете право жить в доме — и живите! и я при вас! Что за школы такие? Что за расчет грошевой? Ну, без меня вы как хотели, так жили, и кухня, и педагогия… но запереть дочь — нет, благодарю покорно!.. У вас, может, был какой-нибудь денежный рассчет с этой госпожой — вы ей родня по муже, но ведь я-то ее тетенькой звать не стану! — Ну, расходы вы держали пополам, так теперь, полагаю, можно перестать скупиться: дочь есть, для нее. Мне восьмнадцать лет, недолго осталось молодости: я и то в тюрьме высидела…

Анне Васильевне казалось, что все кругом плывет и шатается.

— Вы думали, бывало легко? Ни шляпки, ни перчаток, дожидайся, когда вы пришлете! пари нельзя подержать на какую-нибудь коробку

конфект! Ужас! стыд! Вы этого не понимаете, вам хорошо! Теперь-то, по крайней мере, можно жить, а вы затеваете еще школы какие-то! Не хочу! Не ваш этот дом — наймите другой! едем в деревню — у нас есть деревня — а зимой в Москву, в Петербург…

Анна Васильевна была бледнее стены.

— Саша, сказала она: — у нас ничего нет.

— Как, ничего? Помилуйте, я не маленький ребенок, я знаю закон. Вы получили же после вашего мужа?

— Саша, ты все говоришь «*ваш муж*», он тебе отец.

— Да-с, но он был господин Табаев, а я — мещанка Орешкова. Но это оставим. Вы — госпожа Табаева и свое получили.

— Я ничего не получила.

— Как? Так вас провели?

— Никто меня не провел, я сама ничего не взяла, вскричала она и зарыдала.

Саша подошла к ней. Она удивленно смотрела на мать, неловко дотронулась до ее плеча, сконфуженная, немного испуганная. Сказать она ничего не могла и не умела: она в первый раз видела такие… странности. Она даже пожала плечами.

— Я ничего не понимаю, сказала она наконец.

Анна Васильевна вдруг встала.

— Голубчик мой, ты знаешь, кто я была, что я была… что ж — мне, каяться перед тобою…

— Совсем это не нужно, возразила Саша: — что вы были — тысячи таких.

— Только, видишь что, продолжала мать: — тысячи эти… Бог всех простит, но совесть должна быть… Я все, бывало, перед *ним* смеюсь. Знаю, про меня говорили, что я беззаботна, безжалостна… Дай Бог тебе так любить, Саша!.. Я всякое осуждение могла вынести, но когда подумала: что ж это — я деньги возьму за то, что любила?.. Боже мой,

Господи, не пошли врагу моему такого стыда! Я сказала: не хочу ничего. И нет у меня ничего. Я из избы взята; я работница, и век работала, и век буду работать, покуда сил хватит. Так Бог велел. Так честные люди говорили. А он, твой отец, если и имел что — последнюю рубашку был готов отдать…

— Это я знаю. Значит, вы, в память о нем, остались без рубашки.

Она порывисто заходила по комнате; на ее прелестных глазах сверкнули слезы.

— Только за что же вы меня-то также оставили? А? спросила она, остановясь перед матерью. — Говорят, я дочка у вас единственная; могли вы, так, чуть-чуть вспомнить?.. Как вы могли, как вы смели это сделать, по какому праву вы меня забыли? Вам не нужно? Мне нужно! Вы не хотели? Я хочу! За что, по вашей милости, я нищая?

— Бог с тобой, Саша, ты не нищая! У меня нет, но ты… вот… Твой отец…

Она дотащилась до своей шкатулки и достала билет. Саша взяла его и задумалась. Обе замолчали.

Молчание было долгое. В отворенное окно слышался благовест и шелест ближнего сада. Часы пробили семь. Анна Васильевна оглянулась на свою неубранную комнату.

— Ученицы придут? спросила Саша.

— Да, скоро.

— Послушайте…

— Что, милая?

— Вы, вот, на эти деньги думали школу завести?

— Да, мы бы с тобой вместе…

— Нет, это невозможно. Я не хочу. Я не могу.

— Как хочешь. Только как же в таком случае…

— Я придумала… Вам здесь не очень скверно жить? не очень противно?

Она не дождалась ответа и продолжала.

— Вы уж привыкли. Так зачем и менять? останьтесь, как есть, здесь в доме.

— Что? Но как же ты-то, Саша? вскричала Анна Васильевна. — Ну, день, два пробыть покуда, но чтоб я тебя допустила…

— Постойте, постойте! Да с чего вы взяли, что я собираюсь здесь остаться? У старой девки этой, у чудихи, невестушки вашей в подданстве? да я видеть ее не хочу, рожи ее…

— Не кричи…

— Нет, буду кричать!.. Вы можете здесь жить и — живите как жили, а я уйду!

— Куда?

Саша удержалась, взглянув на нее.

— Ну, мамаша, простите меня. Право, я этого не могу… Вы простите…

Она подошла, присела на ручку старого кресла и обняла мать. Та припала к ней.

— Милая какая, продолжала Саша, гладя ее по волосам: — каково это — и седых нет!.. Ну, милая, слушайте. Вы говорили — трудиться. Я тоже хочу трудиться. Только здесь — не хочу. На слуху у этой старой ведьмы… ну, не буду, не кричу!.. Отпустите меня.

— Куда?

— Я придумала: в Петербург. Маша Голицева едет слушать курсы; поеду с ней и жить будем вместе. Так все живут; вы, может быть, не слыхали? решительно все. Вот билет мой и кстати… Проживу и еще заработаю, как вы… Ведь вы — пример!.. буду давать уроки. Я отлично знаю языки, английский, французский. А как я играю на фортепиано, мамаша! Нет его тут у вас, я бы вам сейчас концерт…

— Жизнь моя… выговорила Анна Васильевна.

— Постойте, больно: пуговицы… Видите, это чудесно будет; вы здесь трудитесь, я — там…

— А там и повидаемся, досказала мать, оживая.

— Уж, конечно, приезжайте ко мне. Ведьма-то, авось, вас отпустит. Петербург будем смотреть…

Мать обхватила ее обеими руками.

— Только, пожалуйста, не плачьте. Я никак не могу, когда слезы… мне вредно. Подумайте, о чем плакать? Вы меня, говорите, любите, за что же мне глохнуть, пропадать? Молода, талантлива, есть свое — кланяться незачем… А, как хотите, я уеду!

— Что же… сказала Анна Васильевна.

— Отпускаете?

Анна Васильевна глядела на нее и молчала.

— Ну, эгоизм! вскричала девушка. — А называют — любовь! Это — любовь! «Мне так угодно — и унижайся, чахни, умирай!»

— Бог с тобой, поезжай, прервала мать.

Саша бросилась ей на шею.

— Вот умница! вскричала она, прыгая. — Ура, в Петербург еду! Мамаша моя, как я рада, как я счастлива! Вы и не вообразите, как я счастлива!

— Господь с тобой, повторила Анна Васильевна.

— Так и прощайте. Это надо сейчас. Московский поезд в девять. Надо застать Машу еще в Москве. Хорошо, что я не развязала чемодана… Я вам везла батистовый платок — доставать некогда.

— Оставь себе; тебе нужнее.

— Конечно. Дайте же мне чаю, я перечешусь и только что поспею… А барыне вашей скажите, что я ее знать не захотела…

Она уехала, писала, что устроилась, слушает курсы, дает уроки, не скучает, нашла добрых людей; потом стала присылать заказы работ в школу, присылала деньги матери…

— Господи, что же это? вскричала Анна Васильевна, вскакивая на кухонной лавке.

Ее разбудило солнце, блеснувшее в окно.

Александра Сергеевна встала поздно, позднее обыкновенного. Девочка подала ей кофе, заметно приготовленный неискусной рукою.

— Разве уж ушла? спросила Александра Сергеевна.

— Раньше барина-с, отвечала девочка, поняв, о ком спрашивали.

— Раньше? А как же самовар? Стало быть, он, так, голодный…

— Нет-с, как можно. Я подала, заварила; все честь-честью. Даже они очень довольны были, хвалили… Приказали вам кланяться и вот записку вам оставили. Я ему за извозчиком в слободу бегала…

Александра Сергеевна читала листок, вырванный из записной книжки. Присутствие свидетельницы ее стесняло, но, как ни старалась она казаться равнодушной, лицо ее выразило нечто такое, что камеристка сочувственно засмеялась.

— Что ты? спросила Александра Сергеевна.

— Так-с… Погода прекрасная.

— Дитя! радуется погоде…

Время шло для нее незаметно — на балконе, где летали воспоминания первых минут, первых намеков; у стола, где он пил «за наше свидание!..»

«Жизнь хороша…» подумала она, стараясь припомнить какое-то стихотворение: «может быть, *его* стихотворение, почему особенно необходимо припомнить и написать *ему*»…

Она отперла комод, достала деловые бумаги, ломбардные билеты, векселя, читала, считала и пересчитывала; потом прилегла на диване, читая роман, и, наконец, спросила кушать.

У крыльца остановились дрожки. Она встревожилась… Не *он* ли опять? Воротился? Не мог уехать? Неужели?.. А она — в блузе! В блузе, в первый раз во все лето!.. Александра Сергеевна уж вскочила, чтоб скрыться в спальню, оставляя обед, когда вошла Анна Васильевна.

— Это вы?.. Как вы меня напугали. Что это вам вздумалось так рано домой? И даже — в дрожках?

— Да, я приехала, отвечала Анна Васильевна.

Она не снимала бурнуса и села. Она, казалось, очень устала, налила себе воды в стакан Александры Сергеевны и выпила.

— Извините, сказала она, заметив свою неучтивость по удивлению, с которым на нее смотрели.

Впрочем, это было не одно удивление. Со вчерашнего дня Александра Сергеевна испытывала странное чувство. Алтасов слишком внимательно смотрел на эту женщину. Ей под сорок, а она свежа каке двадцатилетняя. Конечно, крестьянка… Конечно, необразована; но ведь *им* что нужно!.. Конечно, он все-таки предпочел… Но ведь тут есть и рассчет… Александра Сергеевна не смущалась «рассчетом». Расчет — самая обыкновенная вещь и без него нельзя, и, наконец — нет ей дела, какие там рассчеты у Алтасова! Можно и рассчитывать, да просчитаться… Но эта женщина стала ненавистна. Как-то вдруг поднялась она, разговаривает. Этакая особа в доме… Потом — у нее несчастье. Конечно, можно совершенно его игнорировать, но всякое несчастье всегда неудобно; оно отвлекает людей от порядка, а окружающих ставит в неловкое положение… Что с ней делать?..

Александра Сергеевна еще раз бросила взор на эту фигуру, усевшуюся у стола, и безмолвно продолжала обедать.

Анна Васильевна отдохнула и встала.

— Я вам пришла сказать, заговорила она: — я там распорядилась. Комнаты убраны и заперты; ключ у дворника, на случай, не дай Бог, несчастья. Девочкам я всем сказала, чтоб больше не приходили, покуда я сама не повещу, или… увидим, что будет. Они и пяльцы, и книги свои разобрали; все. Беспокоить вас не будут…

— Что это значит? прервала Александра Сергеевна.

— Я уезжаю. Пришла к вам проститься и взять тут кое-что.

— Вот, это главное… сказала Александра Сергеевна, будто про себя. — Как же вы так проворно решились? А подумали вы, в каком вы меня оставляете положении? Это неблаговидно-с, после стольких лет, вдруг, с бухты-барахты…

— Мне нельзя иначе.

— Я и не удерживаю вас. Куда же вы намерены?

— В Петербург.

— Да?.. Надолго?

— Не знаю.

— Уж, конечно, не воротитесь; Петербург место веселое; найдете себе занятие.

— Я ничего не умею, Александра Сергеевна.

— О, сумеете. Конечно, надеетесь устроить себя широко, в богатом доме. Только вот что: не обманитесь в надеждах. Разве не хозяйством, а чем другим прислужитесь…

Она невольно замолкла… Ей не отвечали.

— Прощайте, Александра Сергеевна, сказала чрез минуту Анна Васильевна.

Александра Сергеевна поспешно встала.

— Прощайте. Желаю счастья… Все-таки, благодарю: я была вами довольна.

Она подала ей руку.

— Не нужно ли денег? спросила она, вдруг будто спохватившись. — Кажется, я заплатила вам за последний месяц…

— Нет, не нужно, отвечала Анна Васильевна и вышла.

Александра Сергеевна подождала, пока прогремели дрожки, зажгла пахитоску и вышла на балкон. Ей все вспоминались разные стихи. Кстати, она подумала, что все-таки затруднительно найти какую-нибудь женщину, и припоминала, кого бы… А в Петербурге эта особа уж, конечно, не переступит ее порога: и маменька, и дочка…

Заходящее солнце застлало город золотым туманом. Над дебаркадером поднимался дым огненно-лиловыми клубами. Вдруг раздался свисток, затем тяжелый топот; дым полетел по небу волнующейся полоской; петербургский поезд отошел…

Works by Nadezhda Khvoshchinskaya

Nadezhda Khvoshchinskaya published poetry under her own name, prose fiction as V. Krestovsky, and literary criticism under a few different male pseudonyms, as well as a number of translations from French and Italian. Below is a list of her original works of fiction (including prose drama). Click the following links for a more extensive bibliography of her work, with links to multiple editions, and a bibliography of contemporary and posthmous writing about her. Following the list there is a key to abbreviations used. To compile the list I drew on work by A. P. Mogiliansky, Mary Zirin, and Hilde Hoogenboom, and later on this 1890 bibliography by a certain "Ia."

Prose in English, by translator

Andrew, Joe. "On the Way: A Sketch." In *Russian Women's Shorter Fiction: An Anthology, 1835-1860*, trans. and intro. Andrew (Oxford: Clarendon P, 1996).

Rosneck, Karen. *The Boarding-School Girl* (Evanston, IL: Northwestern UP, 2000).

Solomon, Karla Thomas. "After the Flood." In *Russian Women Writers*, vol. 1, ed. Christine D. Tomei (New York: Garland, 1999).

Prose in Russian, by date of publication

1850

Анна Михайловна: Повесть (Anna Mikhailovna: A Novella)
English titles: "Anna Mikhailovna" (MZ 1994, JMG 2004)

Приходский учитель: Дневник (The Parish Teacher: A Diary), later republished as Дневник сельского учителя (The Diary of a Village Teacher)

1852

Еще год (One More Year), a continuation of Приходский учитель: Дневник (The Parish Teacher: A Diary) under 1850

Искушение: Повесть (Temptation: A Novella)
English titles: *Temptation* (HH 2002)

Утренний визит: Сцена (Morning Visit: A Scene)

1853

Несколько летних дней: Очерк (A Few Summer Days: A Sketch)

Кто ж остался доволен?: Роман (And Who Was Satisfied?)
English titles: *Who Actually Ended Up Satisfied?* (JHG 2004)
part of the cycle Провинция в старые годы (The Provinces in Years of Old)
English titles of cycle: *The Provinces in the Olden Days* (JHG 2004)

У жениха и у невесты: Сцена (At the Bridegroom's and the Bride's: A Scene)

1854
Испытание: Роман (A Trial: A Novel)
English titles: *A Trial* (JHG 2004)

В дороге: Очерк (On the Way: A Sketch)
translated by Joe Andrew as "On the Way: A Sketch," 1996

Разговор: Очерк (A Conversation: A Sketch)

1855
Фразы: Деревенская история (Empty Words: A Country Story), later republished as Деревенская история (A Country Story) and as Деревенская история: Повесть (A Country Story: A Novella)

1855–1856
Для детского театра: Сцена (For the Children's Theater: A Scene)

1856
Последнее действие комедии: Роман (The Last Act of the Comedy: A Novel)
English titles: *The Last Act of the Comedy* (KR 2000, JHG 2004)
part of the cycle Провинция в старые годы (The Provinces in Years of Old)
English titles of cycle: *The Provinces in the Olden Days* (JHG 2004)

Свободное время: Роман (Free Time: A Novel)
part of the cycle Провинция в старые годы (The Provinces in Years of Old)
English titles of cycle: *The Provinces in the Olden Days* (JHG 2004)

1857
Баритон: Роман (The Baritone: A Novel)
English titles: *The Baritone* (JHG 2004)

Из связки писем, брошенной в огонь: Очерк (From a Bundle of Letters Thrown into the Fire: A Sketch)
English titles: "From a Bunch of Letters Thrown into the Fire" (JHG 2004)

Доброе дело: Очерк (A Good Deed: A Sketch)

1858
Старое горе: Очерк (Old Sorrow: A Sketch)

Братец: Повесть (Brother Dear: A Novella) (read aloud by Ani Petrs on YouTube)
English titles: "Brother Dear" (MZ 1994), *Brother Dearest* (JHG 2004)

1859
Недописанная тетрадь: Отрывок (Unfinished Notebook: A Fragment)

collection Романы и повести (Novels and Novellas) volume 1 volume 2 volume 3 volume 4 volume 5 volume 6 (see also 1866)

1857–1860
В ожидании лучшего: Роман (In Hope of Something Better: A Novel)
English titles: *In Hope of Something Better* (MZ 1994, KR 2000), *The Expectation of Something Better* (HH 2002), *Hoping for Something Better* (JHG 2004)

1860
Встреча: Роман (The Meeting: A Novel)
English titles: *An Encounter* (KR 2000), *The Meeting* (HH 2002); note the similar title used for Свидание (1879)

1861
Пансионерка: Повесть (The Boarding-School Girl)
Translated by Karen Rosneck as *The Boarding-School Girl*, 2000
English titles: "Boarding School Girl" (MZ 1994), *The Boarding-School Girl* (HH 2002, JHG 2004), "The School-Girl" (Sibelan Forrester, who notes that the title character "does not board at the school but only attends during the day")

1862
Стоячая вода: Повесть (Stagnant Water: A Novella)
English titles: *Stagnant Water* (JHG 2004)

За стеною: Очерк (Behind the Wall: A Sketch)
English titles: "Behind the Wall" (JHG 2004)

1864
Домашнее дело: Повесть (A Domestic Affair: A Novella)
English titles: *A Domestic Affair* (JHG 2004)

Старый портрет — новый оригинал: Очерк (Old Portrait, New Original: A Sketch)
English titles: *Old Portrait, New Original* (JHG 2004)

1865
Недавнее: Роман (Recent Times: A Novel)
English titles: *Recent Times* (MZ 1994), *Recently* (JHG 2004)

1866
collection Романы и повести (Novels and Novellas) volume 7 volume 8 (see also 1859)

1868
Два памятные дня: Повесть (Two Memorable Days: A Novella)
English titles: *Two Memorable Days* (JHG 2004)

1869
Первая борьба: Из записок (First Struggle: From Notes)
English titles: *First Struggle* (JHG 2004)

1870
Большая медведица: Роман (Ursa Major: A Novel)
English titles: *Ursa Major* (MZ 1994, JHG 2004)

1874
Счастливые люди: Отрывок (Happy People: A Fragment)
English titles: "Happy People" (MZ 1994), *Lucky People* (JHG 2004), "The Fortunate People" (KR 2010)
see also Альбом: Группы и портреты (An Album: Groups and Portraits)

Альбом: Группы и портреты (An Album: Groups and Portraits)
English titles: *An Album: Groups and Portraits* (JHG 2004, KR 2010)
English titles of individual parts that do not appear separately on this list: "At the Photographer's" (KR 2010), "In the Courtroom" (KR 2010), "Ridneva" (JHG 2004, KR 2010), "Veriagin" (KR 2010)
The version in CC 1892 includes 6 parts (only 5 in the TOC): I. У фотографа: Очерк (1874), II. В суде: Очерк (1874), III. Риднева: Очерк (1875), IV. Верягин: Очерк (1875), V. Между друзьями (1878), VI. Вьюга (1888).
Per KR 2010, a book-length study of *An Album: Groups and Portraits* (pp. 4–7), for a separate 1879 edition, Khvoshchinskaya gave titles to four pieces that had been published in BE under the common title Альбом: Группы и портреты (An Album: Groups and Portraits) and combined them with two pieces published in O3. Then for the 1889 edition she added Вьюга ("The Blizzard"), which had just been published in PBед in January 1889. She used this order: the four stories from BE in chronological order of publication ("At the Photographer's," "In the Courtroom," "Ridneva," "Veriagin"), then the two stories from O3 in reverse chronological order ("Among Friends," then "The Fortunate People"), and in the 1889 edition "The Blizzard" appeared last.

1876
На вечере: Отрывок из черновой тетради (At an Evening Gathering: A Fragment from a Notebook of Drafts)

1877
Из записной книжки (From a Notebook), later republished as Вера: Очерк (Vera: A Sketch)
English titles: "Vera" (JHG 2004)

Между друзьями: Очерк (Among Friends: A Sketch)
see also Альбом: Группы и портреты (An Album: Groups and Portraits) under 1874

1878
Былое: Роман (Times Past: A Novel)
the novel is unfinished (apparently eight chapters were written, of which the first five were published); in this letter to the editor in the May 1878 issue of O3, Khvoshchinskaya writes that because of "circumstances entirely out of my control" she can neither submit the next part of her novel nor name a date when she will be able to, but she hopes the journal will still accept it when it can be continued

1879
Свидание: Повесть (The Meeting: A Novella)
English titles: "The Meeting" (MZ 1994), *A Meeting* (JHG 2004); note the similar English title used for Встреча (1860)

1880
Семья и школа (Family and School), later republished as Учительница (The Teacher)
English titles: *The Female Teacher* (JHG 2004)

collection Повести (Novellas) volume 1 Старые девы (Old Maids) volume 2 Матери (Mothers) (see also 1881, 1884)

collection Очерки и рассказы (Sketches and Stories) (see also 1882, 1883)

1881
После потопа: Повесть (After the Flood: A Novella)
Translated by Karla Thomas Solomon as "After the Flood," 1999
English titles: *After the Flood* (JMG 2004)

collection Повести (Novellas) volume 3 Семья (Family) (see also 1880, 1884)

1882
collection Очерки и рассказы (Sketches and Short Stories) book 2 (see also 1880, 1883)

1883
collection Очерки и рассказы (Sketches and Short Stories) volume 4 (see also 1880, 1882)

Здоровые: Повесть (The Healthy: A Novella)
English titles: *The Healthy Ones* (KR 2000)

1884
Прощание (A Farewell)

collection Повести (Novellas) volume 4 Идеалы и фразы (Ideals and Empty Words) (see also 1880, 1881)

1885
Обязанности: Роман (Obligations: A Novel)
English titles: *Responsibilities* (JHG 2004)

collection На память (To Remember Me By)

1887
Жить, как люди живут: Заброшенный дневник (To Live As People Do: An Abandoned Diary)
English titles: *Living Like People: A Tossed-Off/Out Diary* (JHG 2004)
dated 1888 in the bibliography by Ia.

1889
Вьюга: Отрывок (The Snowstorm: A Fragment)
English titles: "The Snowstorm" (MZ 1994), "The Blizzard" (JHG 2004, KR 2010)
see also Альбом: Группы и портреты (An Album: Groups and Portraits) under 1874

1892
collection Собрание сочинений В. Крестовского (Псевдоним) (Collected Works of V. Krestovsky [Pseudonym]) volume 1 volume 2 volume 3 volume 4 volume 5
dated 1885–1892 by JHG

1898
second edition of CC 1892

1912–1913
collection Полное собрание сочинений В. Крестовского (Complete Collected Works of V. Krestovsky) volume 1 volume 2 volume 3 volume 4 volume 5 volume 6
the WorldCat record says which works are in which volume; there is a HathiTrust digital edition, but it only has volumes 1, 2, and 5, with missing pages in each

1963
collection Повести и рассказы (Novellas and Short Stories)

1984
second edition of ПиР 1963

1987
Свидание: Проза русских писательниц 60–80-х годов XIX века (A Meeting: Prose by Russian Women Writers of the 1860s–1880s) includes Свидание (see 1879)

1991
Сердца чуткого прозреньем…: Повести и рассказы русских писательниц XIX века (By a Pure Heart's Clear Sight…: Novellas and Short Stories by Russian Women Writers of the Nineteenth Century) includes Свидание (see 1879)

Abbreviations used

Attributions of English titles:

HH	Hilde Hoogenboom
JMG	Jehanne M. Gheith
KR	Karen Rosneck
MZ	Mary Zirin

Titles of periodicals and collections:

ВЕ	Вестник Европы (*The Herald of Europe*)
ОЗ	Отечественные записки (*National Annals*)
ПиР	Повести и рассказы (*Novellas and Short Stories*)
Рвед	Русские ведомости (*Russian News*)
СС	Собрание сочинений (*Collected Works*)

Titles of works that have been translated into English are in **bold**.

Notes

[←1]

Letter from Mikhail Saltykov-Shchedrin to Nadezhda Khvoshchinskaya of March 28th, 1878. A fragment of this letter was published in 1890 and is available at http://saltykov-schedrin.lit-info.ru/saltykov-schedrin/pisma/pismo-551.htm (consulted 7/5/2022).

[←2]

This letter is quoted in M. Tsebrikova, “Ocherk zhizni N. D. Khvoshchinskoi-Zaionchkovskoi (V. Krestovskogo-psevdonima),” *Mir bozhii* 6.12 (December 1897): 16–17. On this letter and Khvoshchinskaya’s relationship with Sonia generally, see Jehanne M. Gheith, *Finding the Middle Ground: Krestovskii, Tur, and the Power of Ambivalence in Nineteenth-Century Russian Women’s Prose* (Evanston: Northwestern UP, 2004), 72–73.

[←3]

The quotation is from Alexander Pushkin's poem "Convalescence" (Выздоровление, written 1818, published 1826), where the line refers to the female addressee.

[←4]

Altasov quotes the first line and paraphrases the end of Pushkin's "Arion" (Арион, 1827).

[←5]

That is, she is from the social estate of *odnodvortsy*, a group common in the southern part of European Russia made up of families of (possibly disputed) noble origin, who often owned small amounts of land, but who, before the emancipation of 1861, generally did not own serfs and were sometimes themselves enserfed by wealthier families from the nobility proper.

[←6]

Maslenitsa is a holiday celebrated the week before Orthodox Lent begins and traditionally involves eating pancakes.

[←7]

The poet Nikolai Shcherbina (1821–1869) published “Song for the Militiamen of the Moscow Army Reserve” (Песня ратникам московского ополчения, 1855) in 1856, initially with the title “Song for the Moscow Army Reserve” (Песня московскому ополчению). Pyotr Nikolayevich quotes the first line, and Alexandra Sergeyevna says her brother used to sing lines 31–32.

[←8]

“Let a man’s wife be even a nanny-goat, as long as she has golden horns” (Будь жена хоть коза, лишь бы золотые рога) is found in Dal”s dictionary of proverbs.

[←9]

Nikolai Gogol's "Old-Fashioned Landowners," a.k.a. "Old-World Landowners" (Старосветские помещики), was published in his collection *Mirgorod* in 1835.

[←10]

Both poems have the title “A Little Bird” (Птичка). “In a foreign land I religiously observe” (В чужбине свято наблюдаю, 1823) is by Alexander Pushkin, and “Yesterday I unlocked the dungeon” (Вчера я растворил темницу, 1827) is by Fedor Tumansky. In each poem the poet releases a captive bird. The Tumansky poem ends “It disappeared, drowning/ In the light of the blue day/ And flying away, it started to sing/ As if it were praying for me.”

[←11]

These terms appear to be the names of obsolete card games, although they may indicate variations of Russian Preference (*preferans*), a bidding and trick-taking game played with a 32-card piquet deck. The glossary of an 1890 Russian card game reference book and F. A. Giliarov's memoirs from 1904 refer to "table" (*tabel'ka*) as a newer method of keeping score in Russian Preference, and the same reference book defines "chicken" (*kurochka*) as a kind of trick in Russian Preference.

[←12]

The Russian word *kameliia* could mean either camellia the flower or a demimondaine, a woman who accepted gifts from wealthy men in return for an implicit offer of her sexual favors. This usage follows French and goes back to a novel by Alexandre Dumas, *fils*, called *The Lady with the Camellias*, a.k.a. *Camille* (*La Dame aux camélias*, 1848). See Colleen Lucey, "'Fallen but Charming Creatures': The Demimondaine in Russian Literature and Visual Culture of the 1860s," *The Russian Review* 78 (2019): 103–21.

[←13]

Trinity Day is the Christian holiday celebrated 50 days after Easter, equivalent to Pentecost or Whitsun. In Russia “the holiday of Trinity was from ancient times tied to the cult of the vegetable kingdom; a prominent part of it was honoring trees and other plants, whence the custom of decorating houses with birch branches.” See the chapter on holidays and feasts in Ia. A. Fedosiuk’s *Chto neponiatno u klassikov, ili Entsiklopediia russkogo byta XIX veka*, the 17th edition of which came out in 2017.

[←14]

The Pardon of Ploërmel, a French *opéra comique* composed by Giacomo Meyerbeer, premiered in Paris in 1859. Later that year, an Italian adaptation of the opera was performed in London. The Italian version is known as *Dinorah*. It was first performed in St. Petersburg in 1860.

[←15]

"Then it is her daughter" (French). The 1879 text has "*C'est sa fille*" ("That's her daughter").

[←16]

Some Russian huts were surrounded by a *zavalina*, a low mound of earth for insulation, which was used as a place to sit. In the phrase I translated as “not much more than a peasant,” Anna Vasilyevna explicitly refers to the social estate of *odnodvortsy* (see note 5).

[←17]

These are Orthodox Christian names for the first two Sundays after Easter. There were no weddings during Lent. The Russian text calls the Sunday after Easter “Beautiful Hill” (*krasnaia gorka*), another name used by East Slavic Orthodox Christians alongside Thomas Sunday.

[←18]

These are the first two lines of an untitled 1847 lyric poem by Afanasy Fet (1820–1892).

[←19]

Buguruslan is east of Samara and southwest of Ufa, or well to the east and slightly south of Khvoshchinskaya's Ryazan.